

Владимир ВАСИЛИНЕНКО

ИЗМЕННИК РУССКОГО ЦАРЯ

Хроника предательства

Исторический роман

(Журнальный вариант)

*Но есть ещё для нас надежды:
Кому бежать, решит заря.
Умолк и закрывает вежды
Изменник русского царя.
А. Пушкин, «Полтава»*

1

Погожим летним воскресным утром 1707 года в городке Батурине (левобережная Малороссия) перед большой соборной церковью столпился народ: казаки в новых кафтанах, широченных шароварах, сапогах и папахах, казачки в расшитых сорочках, юбках и с цветными лентами в волосах шумели, смеялись, лужгали семечки... Видно было по всему, что жители собрались не на утреннюю молитву или апостольские чтения, а на пышное торжество. Его ожидание, кажется, клубилось в летнем, безмятежном воздухе. Наконец раздались громкие крики: «Едут! Едут!»

Появились верховые на рослых гнедых армагаках, разодетые в дорогие польские кунтуши с откидными рукавами и рысьими шапками на головах. Сурово, недвижимо глядя прямо перед собой, они легонько нахлестывали лошадей, не обращая внимания на толпу. Посыпался говорок:

— Дывытесь! Дывытесь!.. Цэ гетманские сердюки!.. Чистые ляхи!..

Следом за гетманской охраной появилась роскошная карета, запряжённая шестёрнёй. В толпе возгласы:

— Чи сам гетман?.. Мазепа?.. Куды тебе!.. Цэ жених с невестой!..

Народ предупредительно расступился. Охрана и карета подъехали к паперти, гайдуки, стоявшие на запятках, спрыгнули наземь и распахнули дверцы. А в это время к собору приближается ещё один дорогой экипаж. Тут все собравшиеся разом понимают, кого он доставил, и снимают шапки...

Из первой кареты неловко выбираются жених с невестой: он в блестящем польском кафтане, она в нарядной одежде знатной украинской паненки. Среди зевак шепоток: «Цэ старшая дочка Кочубея... Анна...» — «А жених кто?..» — «Племянник гетмана... Обидовский...» — «Лях?» — «Може, и лях... Бис его знает...»

Из другого экипажа под руки бережно высаживают старого гетмана. Казаки и казачки покорно кланяются в пояс Ивану Мазепе. Следом за ним показывается генеральный судья Василий Кочубей, его жена и младшая дочь Матрёна. Жениха и невесту встречает у входа священник с крестом и паникадилом. Он обкуривает брачующихся ладаном, даёт приложиться ко кресту и ведёт их в храм. Гетман и родители направляются следом, однако к алтарю молодых подводят посажённые мать и отец, а Кочубей и его жена остаются в стороне...

Церковные служки водружают над головами жениха и невесты золотые венцы, и священник торжественно возглашает:

— Следуйте Господу, чада мои, и живите в любви, как Христос возлюбил нас и пре-

дал себя за нас, в приношение и жертву Всевышнему, подобно ладану... А блуд и всякая скверна и любостязание не должны даже смущать вас, как истинно верующих...

Новобрачные истово крестятся. Только жених едва не делает это по католическому обряду (слева направо), но вовремя спохватывается. Гетман, стоящий напротив молодых, усмеяется в седые усы. И невольно вспоминает небольшой придворный костёл в королевском дворце Варшавы и себя, шестнадцатилетнего пажа, стоящего среди королевской челяди.... Старик-ксёндз произносит слова главной молитвы:

— Ave, Maria, Regina Coeli!..

Прихожане крестятся. Юный Мазепа тоже осеняет себя крестом, но по православному, а его польский ровесник зло и язвительно шепчет:

— Ты что делаешь, хохол?! Не кощунствуй!..

Паж сердито косится на него, но тут же исправляется. Соседи осуждающе переглядываются...

Батуринский священник, между тем, завершает обряд венчания:

— И посему оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть...

Кочубей и его супруга умиленно смотрят на старшую дочь и зятя, а старый гетман осторожно переводит взгляд на стоящую подле него юную Матрёну, свою крестницу. Она, заметив его взгляд, зардевшись, опускает голову. Священник:

— И каждый из вас да полюбит свою жену, как самого себя, а жена да убоится своего мужа... — с этими словами он трижды обводит молодых вокруг аналая. Народ, тесно заполнивший собор, согласно и одобрительно наблюдает за брачной церемонией, крестясь и перешёптываясь...

Зато толпа, оставшаяся за стенами храма, ведёт себя гораздо свободней и вольней: девчата и женщины задорно, весело смеются, лузгают семечки, подгулявшие казаки спорят и бранятся, кое-кто даже пытается заглянуть внутрь дорогих экипажей и получает хлёсткий удар плетью от суровой охраны. Молодой казак, отведавший нагайки, неуклюже почёсывается.

— Що, хлопче, дождався гетманского гостинца?.. — смеётся пожилой хуторянин,

— Погоди трошки, москали тэбэ гуще отсыплот...

— А може, ляхи? — не соглашается сосед.

— Якие ляхи?.. — вмешивается третий. — Того и гляди — шведы сюды нагрянуть!

Тоды усем край... Ось побачите...

Оказавшийся поблизости сердюк вытягивает его ремённой плетью. Казак хватается за саблю, к нему миглом подлетают другие. Стража тоже берётся за оружие, и вот-вот готово вспыхнуть настоящее побоище, но на пороге храма возникают фигуры жениха и невесты...

Их появление разом смиряет все склоки и раздоры. Едва касаясь ладонями друга друга, они медленно спускаются по ступеням, и вокруг поднимается восторженный гул и ропот. Раздаются крики: «Любо! Любо!»

Молодых щедро осыпают семенами льна и пшеницы. Девчата и женщины заводят величальные и задравные песни. Следом за новобрачными идёт чета Кочубеев и гетман, вместе со своей крестницей Матрёной. Она в смущении не поднимает глаз...

Под общий шум и гомон жених с невестой размещаются в карете. Во второй экипаж, под руки, бережно усаживают старого гетмана, затем туда же поднимаются родители невесты и младшая дочь. Сердюки тесно окружают обе кареты, лихие кучеры звонко щелкают бичами, и блестящая кавалькада, убыстряя ход, торжественно отъезжает от храма. Народ восторженно шумит...

Отъехав на полверсты от храма, жених робко обнимает невесту, пытаясь во время беспорядочной скачки хоть как-то поцеловать её, но тщетно. А в гетманской карете всё достойно и мирно. Чета Кочубеев сидит по одну сторону, а сам Мазепа расположился напротив, рядом со своей крестницей. Всем своим видом малороссийский владыка даёт понять, что он несказанно утомился от недавней церемонии...

Глаза его закрыты, плечи опущены, голова склонилась к правому плечу. Супруга Кочубея тайком толкает в бок мужа. Генеральный судья скашивает на неё глаза. Она показывает взглядом на младшую дочь и её соседа. Старый гетман слишком близко, почти вплотную прижался к юной крестнице, и его правая рука едва не легла на девичье бедро...

Кочубей осторожно покашливает. Мазепа на секунду приоткрывает тяжёлые веки, недовольно хмурится и чуть отстраняется. Вновь закрывает глаза. Перед его мысленным взором возникают картины давнего прошлого: он — юный паж — идёт дворцовым коридором, а навстречу ему движется кучка польской королевской челяди...

— Цо, поганый хохол! — выкрикивает один из неё. — Нияк не можешь забыть своё вонючее стойло?! — он оборачивается к дружкам. — Гайда, мосьпане, окупём его по шею в навоз... Там ему и место!..

Холопы окружают пажу, пытаясь сбить его с ног. Но стоит Мазепе выхватить из ножен шпагу, как дикий гвалт потрясает королевские покои:

— Он обнажил клинок!.. Это преступление!.. Хохол нарушил королевский указ! Взять его!..

Со всех сторон на юного Мазепу набрасывается дворцовая прислуга, его обезоруживают, связывают и уводят...

Карета понемногу замедляет ход, а снаружи доносятся приветственные возгласы. Гетман открывает глаза. Экипаж прибыл в его поместье...

2

А за тысячи вёрст от Малороссии, в городе Лейпциге (Саксония), где находится резиденция шведского короля Карла XII, всё тихо и спокойно. В просторном кабинете король и шведские генералы деловито склонились над картой Европы. Карл спрашивает у генерал-адъютанта Канифера:

— Где сейчас находится русский царь? Он по-прежнему в Белоруссии?..

Канифер показывает циркулем:

— По моим сведениям, Ваше Величество, он из Белоруссии приехал в Польшу. Вот сюда, в городок Люблин...

Карл настойчиво переспрашивает:

— Сколько это миль от Лейпцига, если считать по прямой?..

Канифер:

— Примерно четыреста пятьдесят, Ваше Величество...

Король требовательно:

— Необходимо бы знать, что ему там нужно и куда он двинется дальше?..

Другой генерал — Шпарре — поясняет:

— Я не думаю, Ваше Величество, что Пётр пойдёт нам навстречу, оставив у себя в тылу беспокойную Польшу...

Шпарре поддерживает генерал Шлиппенбах:

— Мне тоже так кажется... Тем более что литовский генерал Синявский перешёл на нашу сторону с тремя тысячами солдат...

Карл довольно восклицает:

— А что Пётр? Он знает об этом?!..

Шлиппенбах озабоченно качает головой:

— По нашим сведениям, он отправил за ним вдогонку генерала Боура...

Но Канифер подхватывает:

— Несмотря на некоторый успех царя Петра, ему, Ваше Величество, никак не удаётся собрать все силы в единый кулак...

Карл, глядя на генералов, одобрительно улыбается:

— И прекрасно! Тогда я сам пойду ему навстречу и разобью его, в конце концов! Восьмой год война тянется, сколько можно?!..

В кабинет входит дежурный офицер:

— Ваше Величество, польский король просит аудиенции...

Карл нетерпеливо бросает:

— Так пусть войдёт! Я давно жду его...

Офицер скрывается за дверью, и в кабинете появляется польский король Станислав Лещинский. Он явно скован и напряжён. Любезно раскланивается с Карлом и его окружением. Шведский монарх, видя пасмурное лицо своего союзника, снисходительно улыбается:

— Что, дорогой Станислав, вновь дурные вести? Говорите, мы слушаем...

Лещинский вздыхает и пожимает плечами:

— Римский папа не признал меня главою Речи Посполитой...

— Ну, и что из этого?.. Как известно, вас признали ваши подданные, разве этого недостаточно?! Что вам до признания папы?..

— Видите ли, Ваше Величество, Польша — католическая страна, и мнение Его Святейшества слишком много значит для нашего народа. А царь Пётр...

Карл перебивает сердито:

— Опять царь Пётр! При чём он здесь?..

Лещинский терпеливо поясняет:

— Российский самодержец отправил в Рим своего посла князя Куракина, и тот уговорил папу не признавать моего избрания на престол...

Канифер осторожно замечает:

— Но Рим далеко...

Лещинский с кислой улыбкой:

— К вашему сведению, господа генералы, меня также не признали польские епи-

скопы. Львовский и варшавский...

Карл нервно ходит по кабинету:

— Я полагаю, что большой беды в этом нет. Не признали — и не надо! Всё решат наши будущие убедительные победы... — останавливается у карты. — Решено, господа, я иду бить русского царя!.. А кстати, дорогой Станислав, что подельывает малороссийский гетман? Он собирается переходить на нашу сторону?

Лещинский доверительно сообщает:

— Мазепа, Ваше Величество, крайне осторожен. Недавно он прислал мне шифрованное письмо, в котором пишет, что из малороссийских казаков москвиты собираются формировать драгунские полки, а часть их переведут простыми солдатами в пехоту... Казаки этим очень недовольны...

Канифер с нотками сомнения в голосе:

— Этому Мазепа можно верить?

— Мне думается, что можно, — осторожно отвечает польский король.

Шлиппенбах любопытствует:

— Он католик?

— Нет, господа генералы, Мазепа православный... Но в юности он служил пажом у нашего короля.

Карл с интересом выспрашивает:

— Вот как? И у кого же? Это занятно.

— У Яна-Казимира.

Шпарре иронично улыбается:

— И до чего он дослужился? До каких чинов?

— Всё закончилось скандалом... — Лещинский пожимает плечами. — Юный Мазепа с кем-то подрался, обнажил шпагу, и его выставили вон.

Шлиппенбах подхватывает:

— И тогда он стал малороссийским гетманом?

Лещинский качает головой:

— О-о, это была бурная и непростая история. Целый роман, поверьте мне!..

3

Между тем, в городке Батурине, в поместье гетмана Мазепы, играют свадьбу. В просторной, украшенной расшитыми «рушниками» и цветами горнице, за щедро накрытыми столами сидят новобрачные, родители невесты, старый гетман и знатные гости. Горилка льётся рекой. Подгулявшие казачьи старшины, приняв на грудь добрую меру хмельного, не стесняясь ничьим присутствием, громко переговариваются между собой.

— Царь-то москалей куды укатил? Дэ вин? — любопытствует один.

— У Польшу, — ухмыляется сосед. — Вин из Люблина подался у Варшаву. Нэ сидиться ему на мисти...

— А шведский король дэ? — через стол спрашивает третий, бросая пытливый взгляд на Мазепу. Только старый гетман упорно молчит. Вместо него отвечает его ближайший помощник — генеральный писарь Орлик:

— Шведский король у Саксонии. Набирае свежи вийска...

— Ось жэж лихо!.. — качает головой полковник Горленко. — И угодили мы, бидны та сиры, промеж молота та наковальни!.. Як в народе кажуть, — он усмехается, — паны дерутись, а у холопов чубы трещать!..

— Цэ хто холопы?! — восклицает крепко нагружившийся командир сердюков Чечель. — А ось им! — он выставляет здоровенную «дулю». — Хай побачуть оба... — и тут же затягивает:

Ой, там на горе той жницы жнуть!

А попиг горою, попиг зеленою,

Козаки идут, козаки идуть.

Попереду Дорошенко

Ведет свое вийско,

Вийско запорижско...

Все сидящие за столами дружно подхватывают песню и поют стройно и слаженно, исключая жениха и невесту. Даже сам Мазепа участвует в общем хоре. Допев песню до конца, запорожский атаман Гордиенко обращается к хозяину:

— Кажи, будь ласка, пан гетман, здається мэнэ, що ты знавал покойного Дорошенку?

Мазепа отвечает с видимой неохотой:

— Нэ тильки знавал, я служил при ём генеральным писарем, — он кивает на Орли-

ка: — Як мий Пилип...

— А правда, що Дорошенко воевал з москалями? — спрашивает другой полковник — Полуботок.

— Було такэ дило... — кивает головою гетман. — Воевал вмисти с турками и татарами...

— И хоть кого? — не отступает Гордиенко. Мазепа недовольно хмурится:

— Москали его зараз разбили...

Второй племянник гетмана — Войнаровский — уточняет:

— Царь Петро?.. Вин, чи шо?..

Гетман усмехается:

— Петро тоды пешком пид стол ходив... Дорошенка поколотил его батька — царь Алексей...

— И шо з ним стало? — любопытствует Полуботок.

— С Дорошкой? — гетман машет рукой. — Зослалы его у Вятку...

Орлик не отступает:

— Цэ куды? У Сибирь?..

В разговор вступает молчавший дотоле Кочубей:

— Ни. На север. Он тама до смерти служив воеводой...

Мазепа недовольно морщится — реплика генерального судьи явно ему не по нраву:

— Хто из вас, панове, — он окидывает взглядом гостей, — желал бы на лютим морозе царскую службу нести?.. Хоть бы и воеводой?..

— Упаси боже! — хором восклицают полковники. — Хай ему бис приснится! Ни за якие гроши!.. Краще в аду горить!..

Сидящая подле родителей Матрёна с восторгом и обожанием смотрит на старого гетмана. Он замечает этот взгляд и удовлетворённо улыбается. Под открытыми окнами появляется слепой старик-бандурист с малым хлопчиком-поводырем. Они останавливаются напротив гетманской горницы, старик трогает струны бандуры и заводит торжественную «думу»:

За славного гетмана, за Ивана Мазепу...

Служив вин когга-то королю ляхов...

Гости встревожено переглядываются, и Чечель высовывает голову в окно с намерением прогнать сказителя, но хозяин удерживает его возгласом:

— Нэ трожь! Нехай спивает... Послушаем...

Вокруг бандуриста собираются жители Батурина. Обступают его тесным кружком.

А у короля ляхского грошей джуже богато

И холопив тьма у золотом дворце...

Гости осторожно поглядывают на старого гетмана. Мазепа прикрывает тяжёлые веки, пряча горькую усмешку в седых усах...

Он вновь вспоминает королевский замок, кучку разгневанных слуг-гайдуков и себя, крепко связанного по рукам. Замысловатыми переходами его ведут в монаршие покои, и толпа, сопровождающая преступника, обрастает всё новыми и новыми припешниками, готовыми растерзать бедного украинца. Встревоженный нарастающим шумом и бранью навстречу им выбегает дворецкий:

— Вы что? Сбесились, гайдучье племя?! Что за кавардак?..

— Этот хохол вытащил шпагу!.. — выкрикивает один из холопов.

— Откуда вытащил? Зачем?.. — не понимает дворецкий.

— Из ножен! — ябедничает ещё один прислужник. — Это преступление!..

Дворецкий спрашивает у провинившегося:

— Ты кто? Кем служишь?..

— Паж Его Величества Иван Мазепа... — тихо, но твёрдо отвечает юный правонарушитель.

Дворецкий хмурится:

— Зачем ты обнажил шпагу?.. Тебе нипочём указ Его Величества? Ведь за это — смерть!..

Мазепа тихо:

— Я защищался...

Дворецкий с сомнением настаивает:

— От кого ты защищался? Кто напал на тебя? Говори, ничего не тая... — паж молчит. Дворецкий обращается к остальным: — Кто его обидел? Признавайтесь! Ну же, байстрюки!.. — челядинцы дружно молчат. Дворецкий, не дождавшись ответа, командует: — Стража! Ко мне!.. — несколько рослых гвардейцев прибегают на зов. — Ответьте его в острог, — распоряжается дворецкий. — И заприте хорошенько! — он отнимает у провинившегося пажа его почти игрушечную шпагу. Юного Мазепу уведат...

4

Теперь, полвека спустя, в том же дворце в Варшаве, где когда-то служил юный Мазепа, в небольшой комнате (по причине стойкой нелюбви царя к просторным помещениям) на походной кровати лежит Пётр I, мучимый жестоким приступом лихорадки. Лоб его покрыт испариной, густые тёмные волосы в беспорядке разметались по подушке, глаза закрыты, губы бормочут что-то невнятное...

Лейб-медик Иоганн Тирмонд и денщик царя Александр Кикин заботливо возьмётся подле постели больного. Медик толчёт в фарфоровой плошке кору какого-то дерева, обильно заливая её водой. Кикин, придерживая голову царя, любопытствует:

— Это что? Зелье али снадобье?..

— *Sinchona*. Хинное дерево, — негромко отвечает Тирмонд.

— Оно ему поможет? — в голосе денщика звучит сомнение.

Врач уверенно отвечает:

— Другого лекарства от лихорадки нет, — он делает знак Кикину, и они оба с трудом поднимают от подушки голову царя, а лекарь вливает ему в рот микстуру, приговаривая: — Держи-держи! А то захлебнётся!..

Пётр делает невольный глоток, веки его вздрагивают, рот болезненно кривится. Тирмонд и Кикин осторожно убирают руки, оставляя в покое голову царя. Его длинное тело ещё больше вытягивается, голова судорожно мечется по подушке.

— Чего это он?.. — подозрительно вопрошает денщик.

— А ты попробуй! — усмехается лекарь, подставляя ему плошку. Кикин осторожно трогает содержимое языком, и лицо его искажается гримасой. Не сдержавшись, он громко сплевывает.

— Ну и гадость!.. Ты чего творишь, еретик?! — денщик уже готов броситься на врача с кулаками, но с кровати доносится слабый голос Петра:

— Вы чего тут лааетесь, охальники?..

Кикин мигом оборачивается к нему:

— Государь! Пётр Алексеич! По здорову ли?..

Царь брезгливо морщится:

— Какое уж тут здоровье... — смотрит на лекаря. — Что за дрянь ты в меня, братец, влил?..

— Хинное дерево, Ваше Величество, — смиренно отвечает Тирмонд.

Пётр пытается встать, слуга бросается ему на помощь. Кое-как усевшись на кровати, царь приказывает Кикину:

— Призови сюда Меншикова. И Шереметев пусть явится немедленно...

— Сей момент, государь! — денщик бросается к двери и скрывается за ней.

Пётр пытливо смотрит на лекаря:

— Беда к месту не случается... Скажи, Иоганн, скоро ли эта мерзость меня оставит?

Пора бы уж...

Тирмонд осторожно пожимает плечами:

— Малярия?.. Медицине, государь, многое пока неизвестно... Сия болезнь происхождения неизвестного, и течение оной весьма продолжительно, к сожалению...

Пётр что-то хочет сказать в ответ, но в комнату входят Шереметев и Меншиков, спеша к руке государя, но тот останавливает их жестом:

— Не время нынче церемонии разводить. Берите стулья, садитесь...

Тирмонд кланяется и выходит, а царские полководцы с помощью Кикина усаживаются против государевой постели. Меншиков вопрошает настойчиво:

— Как здоровье, мин херц? Мы обеспокоены...

Царь машет рукой:

— Хреново, Данилыч!.. Скрутила, проклятая, в самый неуточный час...

Пожилой и бывалый Шереметев пытается ободрить властителя:

— Не тревожься, Пётр Алексеич! Боль — она ведь врача ищет... А твой главный врач — Карла шведский. Даст Бог, одолеем его...

Меншиков с изумлением смотрит на соседа, но сразу находится:

— Эк куда хватал, Борис Петрович!.. Что же это получается: покуда не разобьём шведов — покоя нашему государю не будет? Ты это брось!..

Пётр через силу улыбается:

— А может, он и прав? Никакого покою мне не надобно до той поры, пока нашему главному врагу мы холку не намнём... А он себя в обиду не шибко даст! Правильно говорю?.. — помощники согласно вздыхают. Царь обращается к Меншикову: — Карл набрал солдат в Саксонии? Что про то вам известно?..

— Известно, что не токмо набрал, — задиристо отвечает тот, — он уже перешёл Эльбу и движется на Польшу...

— Ходко идёт, сукин сын! — подхватывает Шереметев. — Будто не били его во все...

— А что поляки?.. — тревожно вопрошает царь. Меншиков сокрушённо качает головой:

— Тебе ли их не знать, Пётр Алексеич? Двоедушны, как всегда! Те, которые к немцам поближе, наверняка с ним воевать не станут... А те, что с нами, пока не ропщут...

Пётр пристально смотрит на Шереметева:

— Дело тут у нас, Борис Петрович, точно брага — бродит, волнуется, а что выйдет — неизвестно... Поляки носом крутят, а казаки?.. Как там Мазепа?..

Тут Меншиков отвечает вместо старого военачальника:

— Всё осторожничают, чёртов хохол! Стар он больно, мин херц...

— Да и я вроде не молод, — усмехается Шереметев. — А воевать пока не разучился... И он, мнится мне, также...

Государь, наконец, встаёт с постели:

— Добро, православные! Собирайте военный совет. Мешкать некогда — недолго и впросак попасть... Нам это надо?.. — помощники тоже встают.

5

А в городке Батурине разудалое, весёлое празднество уже перенеслось на улицу. Крепко подгулявшие гости самозабвенно пляшут под окнами гетманской усадьбы, самого же хозяина под руки дюжие гайдуки ведут в опочивальню. Проворные слуги мигом снимают с него сапоги, дорогой кафтан, шаровары, вышиванку и в исподнем укладывают на просторную кровать. На пышную перину и пухлые подушки. Мазепа сосредоточенно сопит...

— Може, треба их унять, пан гетман?.. — кивая головой в сторону двора, спрашивает старший гайдук.

— Ни, — чуть улыбается хозяин. — Нехай веселятся. Сэбэ и Богу в радость...

Слуги низко кланяются и уходят. Мазепа некоторое время смотрит на икону Богородицы, перед которой горит лампада, затем троекратно крестится, одними губами произнося молитву. Закрывает глаза. И вновь перед ним встают картины далёкого прошлого...

Тесный, полутёмный острог в королевском дворце, вернее — карцер для провинившихся. Сам юный Мазепа сидит в углу на кучке прелой соломы и тихо плачет... Проплакавшись, кое-как вытирает кулаками глаза и осторожно осматривается. Медленно встаёт, пытается дотянуться до железной решётки, за которой занимается утренний рассвет, только тщетно... И тут он, почти бессознательно, осматривает стены мрачного каземата. На замшелых камнях видит чьи-то неровные письма. Скорее всего, здесь нацарапаны имена узников, ждавших, как и он, решения своей грешной участи...

Юный паж с неподдельным интересом читает корявые строчки: T. Stus, J. Madzowezki, F.Sikora, S.Mikulski... Он снимает нательный крестик и, поколебавшись, старательно выводит: I.Mazepa 1644-1660. И едва успевает написать последнюю цифру, как гремит ключ в замке, дверь темницы с грохотом распаивается. На пороге появляется дворецкий и пара стражников.

— Мазепа! — командует дворецкий. — Иди за мной!..

Узник поспешно надевает крест, тихомолком крестится и принуждённо направляется к выходу. Стражники цепко хватают его за локти и ведут следом за дворецким. Тайными, узкими переходами юного пажа приводят в королевские покои. Оказавшись перед высокой двустворчатой дверью, где застыли двое рослых, франтоватых камер-лакеев, дворецкий напоминает:

— Доложите Его Величеству...

Один из лакеев приоткрывает дверь и докладывает:

— Ваше Величество, привели государственного преступника...

Мазепа, услышав эти слова, цепенеет от страха. Лакей распаивает двери:

— Приказано вести...

Дворецкий, бросив пытливый взгляд на обеспамятевшего от ужаса пажа, жестом останавливает стражников и толкает его в спину:

— Пошли...

Они оба заходят в королевскую спальню. Ян-Казимир, в белой шёлковой рубашке и нанковых панталонах, сидит перед низким столиком, на котором стоит изящный кофейник, лежат фрукты и бисквиты. Трое слуг стоят поодаль, ожидая распоряжений. Легко обтерев белоснежной салфеткой франтоватые усы и короткую «эспаньолку», король укоризненно смотрит на провинившегося пажа.

— Ты что себе позволяешь, любезный?

Юный Мазепа, склонившись в нижайшем поклоне, не поднимает головы. Дворец-

кий, глядя на согбенную, скрюченную фигуру, неожиданно понимает, что его подопечный лишился дара речи.

— Ваше Величество, — осторожно поясняет он. — Этот малый пытался защититься...

Но не успевает он закончить фразу, как юный преступник падает навзничь как подкошенный. Король непроизвольно дёргается, дворецкий тоже, но тут же в растерянности склоняется над упавшим.

— Что это он?! — восклицает Ян-Казимир. — Прикажи позвать лекаря! Неженка какой...

Но мажордом, коснувшись затылка юного пажа, негромко возражает:

— Не стоит, Ваше Величество... Кажется, он просто глубоко раскаивается в своём омерзительном проступке...

И вслед его словам плечи Мазепы начинают бурно содрогаться от едва сдерживаемых рыданий. В лице короля появляются искорки сочувствия:

— Ну, хорошо. Пусть он встанет. Я готов его выслушать...

Дворецкий, наклонясь, похлопывает по плечу плачущего пажа:

— Эй, как там тебя? Мазепа! Встань — повинись перед Его Величеством. Ну же!..

Мазепа кое-как поднимается с колен. Ян-Казимир, увидев его искажённую рыданиями физиономию, сочувственно обращается к мажордому:

— Я помню этого парня. Он, кажется, малоросс...

— Именно так, Ваше Величество, — соглашается тот. — И у него были стычки с польской прислугой...

Король сокрушённо качает головой:

— Возможно, он не слишком виноват, но обнажить шпагу!..

И тут у молчаливого пажа неожиданно вырывается:

— Ваше Величество! Мой венценосный повелитель!.. Эти гайдуки совсем затравили меня! Они всячески, подло издеваются над моим происхождением, верой, привычками, поведением... Я для них — просто скот, низкая тварь, вонючее быдло! Хуже паршивого пса!.. Вот и... — он давится рыданиями...

— Однако! — изумляется король, глядя на мажордома. — Он весьма красноречив...

— Мне уже не достаёт сил терпеть всё это, поверьте... — Мазепа покаянно склоняет голову. — Но я безмерно виноват в том, что обнажил шпагу, зная строгий указ Вашего Величества... Грех мой велик! И нет мне оправдания!.. Никак и никогда!..

В комнате наступает тишина. Король, видя смиренную позу юного пажа, переводит сочувственный взгляд на мажордома, но тот предусмотрительно опускает веки. Ян-Казимир вздыхает:

— Ты нас безмерно огорчил, Мазепа... Взяв тебя к себе в услужение, мы хотели привлечь на службу многих твоих земляков... Ты стал одним из первых, но, увы!..

Паж горячо восклицает:

— Дайте мне шанс, Ваше Величество! Я заслужу Ваше доверие и милость, клянусь! О, Матка Боска!..

Его искренность трогает короля. Помолчав минуту, примирительным тоном он говорит дворецкому:

— Лешек, отведите его на задний двор, и пусть он скачет на свою «батькивщину»... Это всё, чего он заслуживает! Хотя и это чересчур...

Мазепа от неожиданности теряется: смертная казнь обошла его стороной, однако изгнание из королевского дворца тоже не слишком приятное событие. Он застывает столбом, но дворецкий бесцеремонно толкает его в спину, и юному правонарушителю ничего не остаётся другого, как склониться в благодарственном поклоне. Ян-Казимир кивает слуге, тот наливает ему в чашку кофе, а бедный Мазепа в сопровождении мажордома покидает монаршую опочивальню.

6

В старой столице Польше, в городе Кракове, в бывшем королевском дворце «Вавель» Карл XII и король-марионетка С. Лещинский медленно проходят по залам. Шведский монарх в синей военной форме, его спутник в пышном кафтане-кунтуше и кокетливой шапочке с пером. Карл, глядя вокруг, любопытствует:

— Этот дворец был когда-то королевской резиденцией? А Краков — польской столицей, не правда ли?

Лещинский скромно отвечает:

— И весьма долгое время, Ваше Величество. Последний король, который его оставил, был Сигизмунд III.

Карл небрежно уточняет:

— Насколько мне известно, у него ведь были шведские корни?

— О, да, Ваше Величество. Его полное имя — Сигизмунд Густав Ваза, — соглашается собеседник. Они останавливаются перед большим, парадным портретом бывшего монарха. Карл внимательно рассматривает его.

— Говорят, что это был умелый воин. И не однажды заставлял трепетать Москву? Лещинский довольно улыбается:

— Не только трепетать, Ваше Величество!.. Сто лет назад польские войска вошли в русскую столицу, и москвиты хотели принять Сигизмунда своим царём!.. — картинно разводит руками, потрясая откидными рукавами. — Таковы курьёзы истории!..

Карл искренне недоумевает:

— Вот как? И почему он им не стал?

Собеседник пожимает плечами:

— Трудно сказать, Ваше Величество... Вначале в дело вмешался какой-то беглый авантюрист, выдававший себя за сына русского царя Ивана Грозного... Потом его убили, и началась обычная русская смута... Наконец объявился ещё один отчаянный прохвост, объявивший себя воскресшим царевичем, представляете?..

— Тоже сыном Грозного? — удивляется Карл. — Сколько же их было?

Лещинский разводит руками:

— Никто точно не знает!.. Но, видимо, самим москвитам всё это порядком надоело, и они предложили Сигизмунду добровольно занять русский трон... Однако тот пожелал посадить на него своего сына Владислава...

Карл, почти не сомневаясь:

— И посадил?

— Увы, нет! Русские собрали ополчение...

— И выгнали интервентов вон... — догадывается шведский монарх. Польский король кивает в ответ. Карл оборачивается к нему и заявляет: — Когда я разобью русских и возьму в плен царя Петра, то обязательно потребую с него тридцать миллионов талеров контрибуции... Уничтожу его армию и разделю всю Россию на мелкие княжества!.. — победно улыбается. — А часть их подарю Вам, сколько угодно на выбор...

Лещинский благодарно склоняет голову. Появляется генерал-адъютант Канифер, на ходу кланяясь королю:

— Ваше Величество, мне только что передали свежие сведения о русских...

Карл бросает нетерпеливо:

— Я вас слушаю, генерал.

— Пётр со своими войсками находится в Варшаве... — докладывает Канифер.

— Каково их число? — тут же спрашивает король.

— Пока это сложно определить...

— Почему?

Канифер терпеливо поясняет:

— Нам навстречу идёт конница Боура и пехота Шведена... Генерал Репнин пошёл на Минск, а сам царь вместе с Меншиковым находятся в столице Польши...

Карл хмуро бурчит:

— Это тот самый Меншиков, который разбил моего генерала Мардефельда при Калише?..

Лещинский уныло прибавляет:

— Да, Ваше Величество... Это бывший денщик царя Петра, сын простого конюха...

Монарх неожиданно парирует:

— Кем бы он ни был, хоть последним свинопасом, но воюет он здорово. Молодец!..

Генерал добавляет:

— Мне думается, Ваше Величество, что русские прекрасно осведомлены о наших действиях, и потому они не держатся все вместе...

Карл в ответ присовокупляет:

— И мы разделили свою армию на три части, — смотрит в упор на Лещинского, — а что ваш хваленый Мазепа, дорогой Станислав?..

Тот неохотно поясняет:

— Совсем недавно он прислал шифрованное письмо, в котором сообщает, что просил у царя десять тысяч солдат для защиты Украины, а Пётр ему отказал... — качает головой. — И теперь Мазепа готов сдаться на милость победителей, дабы не губить понапрасну свой народ...

— Он прислал это вам?.. — настойчиво спрашивает Карл.

— Нет, Ваше Величество... — Лещинский подробно объясняет. — Гетман обычно пишет своей куме княгине Дольской шифрованное письмо, а она, с нашего общего уговора, переправляет всё это мне...

Генерал Канифер удивляется:

— Он не общается с вами напрямую? А почему?.. Бойтся тайных агентов Петра?..

Лещинский замечает с тонкой улыбкой:

— Мазепа — крайне осторожный человек. Он не любит рисковать...
 Карл, будучи довольно молодым, двадцатипятилетним мужчиной, бросает снисходительно:
 — Ну, это понятно. Он ведь очень стар...
 — Вы правы, Ваше Величество... — тут же соглашается Лещинский. — Ему давно за шестьдесят...
 — О-о-о! — восклицает Канифер. — Как же он управляется со своими казаками?!..
 Гетман — это ведь не наследственная, а выборная должность, насколько мне известно...
 — Как будто бы, — подтверждает польский король, — но теперь всё в руках Петра, а того, вероятно, Мазепа вполне устраивает...
 — Ну, что же, — многозначительно замечает шведский король, — посмотрим, что будет дальше...
 Канифер настороженно вопрошает:
 — А каковы наши дальнейшие действия?..
 — Идём на Варшаву! — звучит непререкаемый ответ.

7

А во дворе просторного королевского замка, но уже в Варшаве, идут спешные приготовления к отъезду русского царя. К парадному крыльцу подъезжает походная карета, эскадрон драгун седлает коней. Из дворца выходит Пётр в сопровождении Меншикова и Шереметева. Он отдаёт на ходу последние распоряжения.
 — Главным, Борис Петрович, — обращается государь к Шереметеву, — я оставляю тебя... А ты, Данилыч, его правая рука...
 Ближайшие сподвижники царя покорно склоняют головы. К ним подходит денщик Петра Кикин, в руках у него походный сундучок государя.
 — Всё готово, Александр? — спрашивает Пётр.
 — Точно так, Пётр Алексеич, — отвечает денщик.
 — Тогда в путь! Время не терпит...
 Царь и слуга усаживаются в карету. Эскадрон драгун берёт её в кольцо, и вся вооружённая кавалькада всадников стремительно удаляется. Проводив её взглядом, Меншиков поворачивается к Шереметеву:
 — Как думаешь, Борис Петрович, Карл всю свою армию двинет на Варшаву? А мы не смогли даже укрепить её порядком!..
 И не успевает главнокомандующий ответить, как из-за угла, на полном скаку, врывается гусарский ротмистр, мигом спешивается и рапортует:
 — Господа генералы! На том берегу шведы объявились...
 — Уже?! Сколько их? — тут же откликается Меншиков.
 Ротмистр пожимает плечами:
 — Навскидку ответить трудно... Они вдоль реки все растянулись...
 Генералы озабоченно переглядываются. Более решительный Меншиков сразу командует:
 — Эй, кто там? Коня мне! Живо!..
 Ему мгновенно подают заседланную лошадь. Александр Данилович ловко прыгает в седло и кивает ротмистру:
 — А ну, показывай, где они?! Мы их, бестий, упредим!.. Ну, держись, каналы!..
 Гусар вихрем вскакивает на коня и несётся вперёд. Меншиков не отстаёт от него ни на шаг. За ними летит десяток драгун. Все они устремляются на берег Вислы, где уже вовсю снуют и копошатся наши солдаты и казаки, пытаясь спешно наладить оборону...
 Меншиков разом осаживает коня, и к нему подбегает взволнованный полковник:
 — Ваше превосходительство! Шведы наступают!..
 — Погоди! Не паникуй!.. — ворчит тот, протягивая руку. — А ну, дай трубу!..
 Полковник отдаёт ему подозрительную трубку. Меншиков, стоя на стременах, мигом прикладывает её к глазу. Всматривается. На противоположном берегу синее тусклые шведские мундиры.
 — Пушки мы доставить не успели!.. — сокрушается полковник. — Как всегда проворонили, черти бы их побрали!..
 — Оставь! — бурчит Данилыч. — Мы им всыпем по-нашему... По-русски...
 — Как?!.. — недоумевает полковник. Меншиков спрыгивает с лошади:
 — Вели казакам и солдатам залечь и приготовиться к рукопашной!.. Живым духом!..
 Полковник возражает растерянно:
 — Так шведы ещё на том берегу!..

Меншиков опять смотрит в подозрную трубу и говорит нараспев:

— А мы его здесь по-до-ждём... Жданный гость нежданного следом ведёт... Куда нам спешить?.. — в голосе его появляется азарт и лёгкое злорадство. — А вон, кажись, и сам Карлус обозначился!.. — лихо сплёвывает. — Отчаянный вояка — ничего не скажешь... Аника-воин, фу-ты ну-ты! — он бросает сердито полковнику: — Исполни, что приказано... Живее!..

Полковник бежит к солдатам. А на противоположном берегу шведы скопом усаживаются в лодки, изъятые у местных обывателей, и проворно разбирают вёсла...

Король вместе с адъютантом Канифером бодро распоряжается своим воинством:

— Солдаты! Переплывём реку — и сразу в атаку! Русские не успели создать оборону — мы их рассеем, как скот...

Адъютант пытается возразить:

— Ваше Величество, нас совсем немного...

Карл напористо возражает:

— Зато мы — лучшая пехота в мире!.. — он бросает быстрый взгляд на свой немногочисленный десант. — Прочь отбросим русских и закрепимся, а там приплывёт ещё одна партия, потом ещё... — король прыгает в лодку. — Вперёд, гвардейцы!..

Гребцы наваливаются на вёсла...

На другом берегу Меншиков молча наблюдает за переправой неприятеля. К нему подбегает полковник:

— Ваше превосходительство! Солдаты и казаки наготове!.. Залегли в цепь...

— Добро! — откликается Данилыч. — Пусть только шведы на землю ступят — мы им покажем кузькину мамашу!.. Русь, не трусь!..

Пригибаясь, оба бегут к пригорку, за которым укрылись наши бойцы. Утлые судёнышки противника нестройной флотилией приближаются к берегу. Шведы во главе с королём шумно выпрыгивают на мокрый песок, держа ружья наперевес. Над пологим откосом разом поднимаются казацки папахи. Дружный залп вражеских ружей встречает их внезапное появление. И не успевают шведы перезарядиться, как на них обрушивается лавина солдат и казаков с саблями и пиками в руках. Уловка с папахами явно удалась...

— Коли и руби всех, ребята!.. — яростно вопит Меншиков, активно вмешиваясь в схватку. — Не давай им, проклятым, спуску! Смелее!..

Карл и его адъютант отчаянно хватаются за палаши. На берегу Вислы закипает беспощадная рубка...

8

Начало сентября. Левобережная Украина. Городок Батурин. Поместье гетмана Мазепы. Старый гетман в белой сорочке и широких шароварах сидит у полуотворённого окна, держа на коленях бандуру. Пальцы его тихо теребят струны, а негромкий, хрипловатый голос старательно выводит:

Ой, ты, мий місяц, мий мисяченьку!

Ой, ты, зирка ясна...

А як светить на пидворье,

Дэ дивчина красна...

Из соседней комнаты появляется ближайший помощник — генеральный писарь Орлик, неся в руках листок бумаги.

— Усё, пан гетман, письмо я расшифровал...

В глазах Мазепы ещё стоит мечтательный туман, он нехотя отставляет инструмент и говорит спокойно:

— И що пишет пани Дольская?.. Що ей треба?..

— Пани Дольская пишет, — Орлик вчитывается в текст, — що Карл пытався узять Варшаву, но був отбит москалями и чуть не погиб у схватке... Усих его телохранителей казаки порубили на куски...

— А сам Карл? — почти равнодушно вопрошает гетман.

— Король остався жив и со всем своим вийском отправився зимовать у Пруссии. У городе Данциг...

— Вздорный хлопец! — едко усмехается Мазепа. — Чую, проку от него не дже богато... Драчлив, як пивень! — машет рукой. — Та ну его к бису!..

— А що прикажешь ответить пани Дольской?.. — справляется Орлик. Гетман минуту безмолвствует, затем уклончиво отвечает:

— Отпиши ей, що я трохи занедужил... Но дякую её за письмо... И тэж передай добрый привит моей крестнице Вишневецкой...

— А ще Дольская намекае: мабуть, по весне Карл пидёт на Москву, а король Ста-

нислав на Варшаву... — добавляет генеральный писарь.

— Ну, нехай идуть!.. — пожимает плечами Мазепа, давая понять помощнику, что разговор закончен. Тот кланяется и уходит. Хозяин тянется за бандурой, но в дверях появляется гайдук:

— Пан гетман, до вас генеральный судья явился...

Мазепа приветственно машет рукой:

— Зови его... — в горницу входит Василий Кочубей. Доброжелательно раскланивается с хозяином, привычно крестится на иконостас. — Заходы, Василий! Садись, будь ласков! — радушно приглашает гетман. Судья усаживается в кресло, разглаживает усы и оправляет нарядный кафтан. Мазепа хитровато сощуривается: — Жупан у тэбэ дюже гарный! Носи на здоровье, а то скоро царь Петро нас в немецкие камзолы оденет да на голову парик лохматый накинёт...

Кочубей отвечает не сразу:

— Зато бороды нам стричь нэ треба... — он трогает свой гладкий подбородок и усмеяется. — А жупаны мы з тобою маем ляшские...

Гетман хмурится:

— Нехай хочь такие... — после паузы: — У тэбэ до мэнэ дило важкое?.. Якое?..

— Дило е... — соглашается судья. — А важкое, чи ни — решай сам...

— Ну-ну, слушаю. Говори...

Кочубей начинает издали:

— Мы з тобою, пан гетман, мабудь, як родня... Дочку свою старшую я выдав за твоего племянника Обидовского. Свадьбу гарную сыгралы... Усему воеводству на завидки. Типирь черёд за младшей...

Мазепа меняется в лице.

— Вона — твоя крестница, и ты тэж за неё в отвите... Так, чи ни?..

Гетман растерянно кивает.

— Я надумав отдать её за сына Чуйкевича... На неделе маю принять сватов. Чего тянуть?..

— Сватов?! — Мазепа ошеломлён и не выдерживает. — Нэ надо!..

Судья недоумевает:

— Цэ почему — нэ надо? — твёрдо: — Чуйкевич — козак добрый, и сын его батьке не уступит...

Голос у Мазепы дрожит:

— А вона?..

— Хто? Моя жинка?.. — гость усмеяется. — Вона тому тильки рада! Дивке замуж пора...

— Ни, — гетман переводит дух, — я про Матрёну...

Судья непонимающе смотрит на него. Хозяин кое-как берёт себя в руки, пытаюсь объясниться:

— Да неуж тэбэ своё дитё не жаль?.. Люб ли ей сын Чуйкевича?! Ты её спросив? Спросив, чи ни?!..

Кочубей в растерянности:

— Да ты шо, Иван? — он разводит руками. — Когда я свою старшую — Анку — за твоего племянника отдавав — хто её про цэ пытав?.. Мы з тобою обо всём зараз сговорились — и край!..

— Цэ так, — Мазепа мучительно ищет выход. — Слухай, Василь, давай нэ будем спешить!.. Мотря дюже молода... — привстаёт с места. — Ну, почекай трошки!.. Месяц-другий... Я тэбэ такого жениха найду — усей Украине на звидки! — прикладывает обе руки к сердцу. — В золоте твоя дочка будет купатись... В шелках та бархате гулять... Почивать на лебяжьей перине... Чуешь?.. Як тэбэ?..

Судья смущён и обескуражен. Горячий монолог хозяина выбивает его из колеи. Он не знает — спорить ему или соглашаться? Покрутив в тревоге свой сивый ус, Кочубей с трудом выдавливает из себя:

— Зробив ты мэнэ задачу, Иван Степанович... Не знаю, що и думать...

Мазепа с жаром продолжает:

— А ты вжэ не думай! Я за тэбэ зкумекаю... Ось тобі крест!.. — размашисто крестится.

Судья неуклюже поднимается на ноги:

— Ну, будь по-твоему, — он чешет за ухом. — Воно, конечно, ридну дочку за ясно-вельможного пана выдать дюже гарно, однако...

— Що однако?!.. — восклицает гетман. — Так воно и буде! Клянусь тэбэ!.. — он крестится ещё раз. Глядя на него, Кочубей тоже осеняет себя крестом и решительно надевает папаху:

— Допобачення, пан гетман... Я почекаю... Та покумекаю...

И в нелёгком раздумье генеральный судья уходит. Мазепе явно не по себе. Он то

распахивает ворот рубахи, то теребит усы. Хочет взять в руки бандуру и тут же отставляет её. Потом щедро набивает табаком трубку и зовёт:

— Эй, хлопче! Несы вигня!..

Появляется гайдук с горячей лучиной, подносит её пану. Гетман жадно затягивается и выпускает клубы сизого дыма. Лицо его исчезает за плотной, колеблющейся завесой...

9

Когда табачный дым рассеивается, гетман вдруг вспоминает: вот он, юный изгнанник, скачет во весь опор по просторам родимой Волини. Озабоченность, волнение и грусть одолевают бывшего паж. Он то с тоскою смотрит по сторонам, то досадливо хмурится, то упорно подгоняет коня... И только в виду отчего дома угрюмый взгляд его заметно светлеет и пушок на губах растягивается в лёгкой улыбке. Он сходу перемаживает низкий плетень и осаживает лошадь у крыльца...

— Паныч приихав! — восторженным хором встречают его дворовые наймиты. И едва он с их помощью слезает с седла — на крыльце появляется седая мать, воздевая к небу руки:

— Ивась! Сынку! Ось ни чула, ни гадала... — радость на лице бывшего королевского слуги сменяется унынием, но мать не замечает этого: — Иды же сюды! Дай обнять тэбэ!.. Почеломкаемся... — и послушный сын спешит разделить материнскую радость и ласку. Она горячо обнимает и целует его, успевая мимоходом сообщить: — А у нас у гостях пан Фальбовский... Помнишь его, Ивасик? Ни забыв?..

— Ни, — отвечает бывший паж, едва успев разглядеть двух девчушек — его родных сестёр, застенчиво застывших у двери. Он на ходу кивает им.

— Ну, пидэм у горницу, — воркует мать. — Поздоровкаемся с паном, а потим я тэбэ кормить стану... Голодный, вжэ ж, як вовк...

— Погоди, маты, — сопротивляется сын. — Може, свитку сменить?..

Она окидывает его быстрым взглядом:

— Нэ трэба, сынку... Хиба ты не с дороги? Пан тэбэ нэ осудит...

Они переступают порог просторной горницы. В красном углу, на стуле, сидит вальяжный, дородный шляхтич — пан Фальбовский. На его румяном, со склеротическими жилками лице играет благодушная улыбка. Пышные усы заползают чуть ли не к вискам.

— Здоровеньки булы, пан Мазепа!.. — рокочет он густым басом. — Як сэбэ чувствуе наш славный король?..

— Дякую, пан Фальбовский! Наш король живэ у добром здравии... — вяло бормочет бывший паж, тоскливо осматривая своё небогатое жилище.

И вдруг равнодушный взгляд его спотыкается о юное, прелестное создание. Молоденькая паненка, сидя поодаль от своего грозного властелина, с нескрываемым интересом смотрит на угрюмого неудачника. Мазепа невольно приободряется и тут же расправляет плечи...

— Наш король — дюже добрый властелин!.. — с готовностью подхватывает мать.

— Вин мово сына щиро жалуе...

Бывший паж невольно опускает голову...

10

На дворе уже октябрь месяц. В Малороссии по-прежнему ярко светит солнце, а в Санкт-Петербурге потянуло холодом. В небольшом домике Петра сам царь и адмирал Апраксин собираются в плавание. На Петре высокие кожаные сапоги, грубая матросская куртка, зюйдвестка с большими полями. Подобным же образом одет и Апраксин. Оба сидят за столом, пьют горячий кофе...

— Как думаешь, Пётр Алексеич, отважится нынче Карл морскую баталию затеять?.. Или посуху пойдёт?.. — спрашивает адмирал.

Государь отвечает после небольшого раздумья:

— От Данцига до Петербурга путь невелик... При хорошем ветре за неделю одолеть его зело возможно...

— Оно-то так... Да ведь октябрь на дворе. Штормит изрядно...

— А Карлу это нипочём! Ты вспомни, Матвейч, как под Нарвой он пошёл на нас, когда снег валом валил и ветер дул немилосердный! Этот лиходей твёрдо знает — драку надобно затеять, когда тебя не ждут. В чём, в чём, а в удалстве ему не откажешь.

Апраксин лукаво усмехается:

— А под Варшавой, когда он реку переплыл, Меншиков едва не полонил его... Всю Карлову охрану костью положили, сам он чудом спасся... Рисковать король шибко

горазд... Сорвиголова прямо...

— Разудалая башка — и она в землю падает! Расстарайся тогда Алексашка — и войне был бы конец! Шутка ли — восьмой год ратоборствуем... Держава, поди, устала...

И не успеваает адмирал ответить — в комнату входят подруга государя Екатерина и денщик царя Кикин:

— Государь, бот готов...

— Вот и ладно, — Пётр быстро допивает кофе и встаёт. Екатерина подходит, ласково напутствуя его:

— Батюшка, будь осторожней! Непогода ведь на дворе... Как бы беды не случилось...

Высоченный властитель нежно склоняется, обнимает, целует подругу, осторожно поглаживая её живот:

— Ничего, матушка, худого не случится!.. — усмехается. — А коли случится — наследник всё исправит!..

Екатерина опасно качает головой и широко крестит своего властелина. Пётр в сопровождении адмирала и денщика выходит из домика...

А над Петербургом плотно сгустились низкие, мрачные тучи. Дует зябкий, призывающий ветер. По Неве неустанно гуляют свинцовые, зловещие волны. Дубовый бот едва держится у берега, угрожающе раскачиваясь. Матросы, сидящие на вёслах, изо всех сил скрывают страх, стараясь не смотреть в лица друг друга и отдаваясь только на волю Провидения...

Пётр, проворно и умело запрыгнув внутрь посуды, сразу улавливает общее тревожное настроение и задорно кричит:

— Не пужайтесь, братцы! Бог не выдаст — свинья не съест! Вы когда-нибудь слышали, чтобы царь потонул? Слыхали аль нет?

— Никак нет... Не слыхали... — отзывается нестройный хор.

— То-то же! А я, нескладный, и плавать-то не умею... — смеётся государь. На лицах матросов мелькают подобия улыбок. Адмирал и денщик тесно усаживаются по обе стороны от Петра, и Апраксин командует:

— А ну, братцы, навались! Разом! Разом! Бойчее!

Матросы изо всех сил налегают на вёсла. Рулевой умело перекладывает руль. Бот медленно удаляется от берега. Кучка мужиков и баб, сгрудившихся на берегу, закрытая чем попало от ветра, опасно следит за ним. Слышны голоса:

— Неужто это сам царь?!..

— Он самый... Кто же ещё?

— А куды он поплыл в эдакое ненастье?

— В Кроншат, должно... Больше некуда...

— Вот неугомонный! Чего ему в тепле-то не сидится?..

— Дело, видать, сурьёзное... Государево...

Посудина ныряет в волнах, как щепка, покуда совсем не исчезает из виду.

— Господи, спаси их, грешных! — почти в голос причитают бабы. — Не дай им зазря погибнуть, Николай-угодник!.. Пощади их, царица небесная, мать пресвятая Богородица!..

Матросы, яростно работая вёслами, тоже твердят молитвы побелевшими от напряжения и страха губами. Даже сам царь, адмирал и денщик, отводя один от другого взгляды, мелко крестятся и беззвучно повторяют «Отче наш»...

Наконец вдалеке показываются бастионы и куртины Кронштадта. Все заметно приободряются, а от стен крепости спешит команда солдат во главе с унтер-офицером. Доносится гулкий выстрел сигнального орудия. Бот врезается носом в кромку берега, гребцы мигом «сушат» вёсла. Царь и его помощники спрыгивают на твёрдую землю.

— Ваше царское величество! — докладывает дежурный офицер. — Гарнизон крепости несёт службу исправно. Больных и раненых нет. Какие будут приказания?

— Добро. Заботы вам скоро прибавятся. Держитесь, православные! А провианту, пороху и ядер вам на днях доставят — когда погода чуть уляжется, даст Бог!

И в сопровождении ближайших помощников, матросов и солдат государь направляется в крепость.

11

Незаметно подошла зима. В декабре месяце в городе Данциге (Пруссия) в доме тамошнего бургомистра расположилась ставка шведского короля. В середине месяца Карл решил собрать всех главных военачальников. Генералы Канифер, Левенгаупт, Шлиппенбах, Мейдель, Шпарре, Крассау, Гилленкрот и польский король Станислав Лещинский сошлись в приёмном зале. И по всему было заметно, что обсуждение происходит весьма бурно и участники не находят общего согласия.

— Я не могу торчать здесь до весны, — сердито замечает Карл. — Солдаты сопьют-ся и разбегутся. Ни о какой дисциплине тут не может быть и речи. Солдат тогда солдат, когда он храбро воюет, а не глушит целый день шнапс!..

— Я согласен с Его Величеством, — после весомой паузы вторит Канифер. — Бездействие, и вправду, губительно сказывается на армии. Не забывайте, господа, что мы собрали под свои знамёна не только шведов, но и финнов, пруссаков, саксонцев, литовцев... — нехотя косится на Лещинского, — и, простите, поляков...

— А разве поляки плохо воюют?.. — сразу откликается польский король. Канифер разводит руками:

— Я этого не говорил... Но если армия не борется с внешним врагом — она ищет врагов внутренних... И находит их незамедлительно, уж поверьте...

Шпарре вынужденно признаёт:

— Конечно, дисциплину и порядок не наведёшь и самыми крутыми мерами, хотя царь Пётр рубил своим стрельцам головы...

Собравшиеся усмеваются. Генерал Мейдель уточняет:

— И это ему помогло?

Шпарре пожимает плечами:

— Твёрдо сказать не могу, но иногда ему удавалось нас крепко помять...

Карл упорно напоминает:

— Господа генералы, давайте ближе к делу. Я настаиваю на том, чтобы открыть военные действия в самое ближайшее время. Ждать некогда и незачем...

— Мы пойдём на Петербург?.. — задаёт вопрос Шлиппенбах.

Польский король вставляет:

— По моим сведениям Пётр этой осенью изо всех сил укреплял Кронштадт, стараясь сделать его неприступным... А это ключ ко всему побережью...

Присутствующие смотрят на шведского владыку. Карл твёрдо заявляет:

— Мы пойдём на Москву!.. — он переводит взгляд на Левенгаупта. — Точнее, на Москву пойду я, а вы, Адам, двинетесь на Ригу и далее, как получится... — в зале наступает тишина. Никто не берётся оспорить решение монарха. Он поворачивается к Лещинскому: — Кстати, а чем сейчас занят русский царь? Он по-прежнему в Петербурге?

— Нет, Ваше Величество, — хмуро отвечает поляк. — Малороссийский гетман Мазепа недавно сообщил мне, что царь вновь выехал в Польшу...

Карл невольно усмежается:

— Этот таинственный Мазепа!.. Вы до сих пор верите ему, Станислав?..

Лещинский отводит взгляд.

— Мне кажется, — говорит молчавший дотоле Левенгаупт, — что этот хитрый старик ведёт двойную игру... И делает всё с ведома царя...

— Вполне возможно, — равнодушно бросает Карл и вновь обращается к польскому королю. — Скажите, Станислав, а где сейчас этот неустрашимый Меншиков?

Лещинский охотно поясняет:

— Меншиков расположился в местечке Дзенцола. Это в Польше. С ним пехота и конница.

— Покажите мне, где всё это, — настаивает шведский монарх. Генералы дружно склоняются над лежащей на столе картой.

12

Конец декабря 1707 года. Городок Батурин. В чистой, уютной горнице, за столом, мирно расположился сам хозяин. Перед ним горит свеча, лежит лист бумаги, стоит чернильница, в руках — перо. На лице старого гетмана царит обожание, умиление и восторг. Рука его бережно, старательно выводит: «Моя голуба! Моя ясонька! Моя кохана дивчина!» Потом он переводит взгляд в окно...

За окном пламенеет закат. Пунцовый. Всеохватный. И Мазепа вдруг вспоминает: почти полвека назад на его полыхающем фоне мелькала тёмная фигура одинокого всадника. Он скакал по полю, вольный, как ветер... А в стороне видна сельская дорога, и по ней лихо катила просторная бричка, в которой ехал ясновельможный пан Фальбовский. Он тоже заметил фигуру конника, скачущего свободно и беспрепятственно, почти как сказочное видение...

— А ну стой, Панас! — окликает он кучера. Бричка останавливается. Трое верховых, сопровождавших хозяина, окружают её. — Кто это? — пан плёткой показывает на подозрительное видение. Холопы опасливо переглядываются.

— Мабудь, пан или казак... — неуверенно подсказывает один.

— А почему он скачет по полю? — доискивается Фальбовский. Слуги молчат. Господин произносит утвердительно: — А скачет он от моей усадьбы... Больше быть ему не-

где... Разве не так?!.. — холопы безмолвствуют. Пан цедит угрожающе: — Ну, глядите, гадючье племя!.. Если вы что-то знаете и молчите — шкуру с каждого спущу! — он обращается к одному: — Скажи, холоп, в именье и скажи госпоже, что я остался гостить у пана Рыльского... Через три дня буду назад. Через три дня, понял?!.. — слуга покорно кивает головой и подстёгивает лошадь, та берёт рысью. Фальбовский провожает его взглядом и приказывает кучеру: — Разворачивай коней! Поехали...

— К пану Рыльскому?.. — переспрашивает возница.

— Не твоё собачье дело! — рявкает пан. — Я скажу — куда...

А таинственный всадник — это был молодой Мазепа — галопом спешит к своему двору. Махом перескакивает плетень, осаживает коня у крыльца, лихо спрыгивает на ступеньки. Неизвестно откуда взявшийся наймит ловко перехватывает повод.

— Накорми его! — приказывает хозяин и забегает в дом.

— Цэ ты, Ивась? — доносится голос матери.

— Я, мамо! — мимоходом откликается Мазепа, скрываясь в своей комнате. Мать что-то ворчит ему вслепую, но сын, быстро перекрестившись на икону с мерцающей лампадой в красном углу, не раздеваясь, валится на постель. В разлохмаченной голове его проносятся упоительные видения: голые плечи прекрасной панны, её высокая молодая грудь, рассыпанные в беспорядке белокурые пряди... Бывший паж крепко обнимает пуховую подушку и мгновенно засыпает, как в омут окунается...

И, кажется, спустя мгновение его настойчиво тербит чья-то крепкая рука:

— Панночку! Панночку, просыпайтесь! Да просыпайтесь же — до вас чоловик прискакав...

— А-а-а... Хто? Хтось такой? Для чога?.. — Мазепа с трудом разлепляет веки. Молодой работник склонился над его изголовьем, держа в пальцах клочок бумаги. — Чога тэбэ, Лесь?.. — хрипит пан.

Слуга тычет ему под нос бумажку:

— Ось. Вин велел передать...

Мазепа выхватывает записку из его руки. Садится. Читает. В свете занимающегося утра видны едва различимые строки: «Коханный! Мой муж приедет не скоро. С нетерпением жду тебя. Целую. Твоя Юзыся». Бывший паж вскакивает с постели:

— Дэ вин?..

— Чекае во двори, — мигом отвечает наймит. Счастливым любовником делает несколько шагов к двери, потом вдруг замирает. Одумывается:

— А чэго вин ждёт?..

— Отвита, — подсказывает слуга.

Мазепа бросается к столу, лихорадочно ищет бумагу, перо, чернильницу. Находит то и другое и строчит короткий ответ. Сворачивает и отдаёт его хлопцу:

— Вот. Неси ему...

Слуга проворно исчезает. Мазепа ещё и ещё раз перечитывает записку любовницы, жарко целует её и прижимает к сердцу.

А гонец, получив ответное послание, сноровисто прячет его в шапку, вскакивает на коня и скачет прочь от хутора, поднимая клубы дорожной пыли... Осатанело горланят хуторские петухи, над степью лениво встаёт малиновое солнце, рассветный ветер пригибает долу седую гриву ковылей... Всадник, проскакав версты три, спешивается у придорожной корчмы. А на пороге стоит пан Фальбовский.

— Ну что? — хмурится пан. — Скоро он будет?..

Холоп снимает шапку:

— Ось побачьте, — и отдаёт хозяину мазепин ответ.

Фальбовский читает вслух:

— Мое серденько! Зараз прилечу, як птица. Твий Ясь, — пан крутит ус. — Ну, глядим на эту птицу, — злорадно усмехается. — Добре пощиплем у ней перья... Ишь, расфуфырился, павлин!.. Ну, погоди! — бросает слуге: — Скажи хлопцам — пусть коной седлают...

Двое слуг выводят лошадей, Фальбовский усаживается в бричку. Еврей-корчмарь выносит пану чарку водки. Он махом опрокидывает её в рот и командует:

— Погоняй, Панас!..

Бричка трогается. Трое холопов прыгают в сёдла и спешат за господином. Но не успевают они проскакать и полверсты, как навстречу им, в облаке пыли, несётся счастливый всадник. Фальбовский гаркает:

— А ну-ка стой, Мазепа!.. Стой, кому говорю! Замри, собачий сын!.. — бывший паж осаживает жеребца. Холопы разом преграждают ему путь. Пан Фальбовский тяжело спускается на землю: — Здоровеньки булы, любезный! — криво усмехается пан. — И куда же ты так швыдко скачешь?! В такую рань?.. И не спишь тебе, байстрюк... — любовник угрюмо молчит. На нём новый кафтан и шляпа с пером. — А вырядился важно, — рогиносец едко шуруется, — як павлин!.. — он достаёт из-за пояса пистоль.

— А ну, геть! Слезай с коня... Живее!.. — потрясённый Мазепа медленно сползает на землю. — Коли был бы жив твой родной батька, — злобно цедит Фальбовский, — он бы содрал с тебя штаны да высек тебя покрепче... Крапивой!..

— За що?.. — побелевшими губами шепчет бывший паж.

Рогоносец грозит ему пистолем:

— За що?!.. А за то, чтобы ты, варнак, по чужим подворьям не ездил да не валялся на шляхетских перинах с неверными жёнами, поганый хохол!.. — он бросает слугам:

— А ну-ка, хлопы, разденьте его!..

— Як? — с готовностью откликается кучер.

— Донага!.. — четвёрка слуг набрасывается на Мазепу и срывает с него весь щегольской наряд. — Теперь вяжите его, паскудника, к конскому хвосту, да покрепче!.. — мстительно распоряжается пан.

Удачливого любовника, потерявшего от неожиданности, позора и страха последние крохи мужества, накрепко привязывают к репице конского хвоста, перехватив ему верёвкой запястья рук, и пан, злобно ощерившись, стреляет по верх ушей жеребца из пистолета, а кучер наотмашь хлещет его кнутом...

Конь взвизгивает на дыбы. Мазепа опрокидывается навзничь, и жеребец, не чуя под собой ног, мчится безудержным аллюром, всё убыстряя и убыстряя бег... Тело бедного любовника, подпрыгивая на ухабах и продираясь сквозь колючие кусты, обречённо волочится следом... Верёвка длиной в три аршина и задние копыта коня едва не ударяют юношу в затылок. Холопы невольно отводят глаза, а пан Фальбовский, перезарядив пистолет, гулко стреляет в воздух...

13

Новый 1708 год, точнее конец января, Пётр встретил в Белоруссии, на мосту через реку Неман. За ним находился город Гродно. Царь вместе с бригадным генералом-наёмником Мюлендорфом внимательно осмотрел его окрестности и приказал:

— Шведов в город не допускать!.. Ежели Карл пойдёт на приступ — мост взорвать! Безо всякого промедления...

Мюлендорф осторожно заметил:

— Но, Ваше Величество, река ещё подо льдом и есть возможность перейти её...

— Лёд — не броня... — категорично отрезает Пётр. — С десяток ядер и гранат сделают из него кашу... Говорю это вам, генерал, как бывший бомбардир... Помните: главное — мост... Город Гродно не должен достаться неприятелю! Это приказ...

— Слушаюсь, Ваше Величество!.. — смиренно ответил генерал.

Государь сел в карету и укатил. Мюлендорф в раздумье стоял на мосту. А на том берегу появился казачий разъезд. Урядник, сложив рупором ладони, кричит:

— Эй, православные! Ждите Карлу в гости!.. Шведы в двух верстах!..

К Мюлендорфу подбегает сапёрный капитан:

— Ваше превосходительство, прикажете порох закладывать?..

— Зачем?.. — вопрошает генерал.

— Да шведы близко!..

Мюлендорф машет рукой:

— Поздно. Не успеем...

— А ежели попробовать?.. — настаивает капитан.

Генерал сурово отчеканивает:

— Отставить!

— Слушаюсь... — капитан отбегает.

Казачи с противоположного берега гуськом въезжают на мост и бодро скачут по нему. А самый нетерпеливый и бесшабашный пытается преодолеть Неман по льду, но лошадь тут же проваливается по самые бабки, и всадник с трудом выбирается на твёрдую землю. Спешит вслед за другими. Генерал командует:

— Трубить отход!..

Денщик подводит ему коня. Мюлендорф прыгает в седло. Трубочка трубит сигнал к отступлению. В кустах на том берегу зашевелились синие шведские мундиры. Раздаются ружейные залпы. Генерал на скаку оборачивается и саблей указывает своим солдатам на городские стены. Они в недоумении начинают отступать. Между тем, неприятель осторожно подбирается к мосту.

Одиночные выстрелы смельчаков ненадолго задерживают противника, но через несколько минут уже целые колонны шведов быстро перебегают на нашу сторону. В городе гудит набат. Спешно закрываются тяжёлые ворота. И вот на захваченном мосту появляется сам шведский король...

К нему спешит командир ударного батальона:

— Ваше Величество, два часа назад тут был сам русский царь!..

- И где же он?.. — живо интересуется Карл.
 — Ускакал... Прикажете догнать его?..
 Король размышляет:
 — И оставить у себя в тылу целую дивизию? — решительно: — Нет. Пусть бежит.
 Мы будем брать город... А почему, чёрт возьми, они не взорвали мост? Ведь могли бы..
 — Не могу знать, — признаётся майор. — А вдруг это ловушка?..
 Карл пристально смотрит на город:
 — Ловушка?.. Ну, что же — поглядим поближе... Это любопытно!..
 Он трогает лошадь. Шведы скопом спешат к городским стенам...

14

В том же январе месяце на левобережной Украине, в городке Батурине, в усадьбе генерального судьи Василия Кочубея явно не ждали гостей. Сам хозяин и его супруга мирно расположились в тёплой, чистой горнице. Она старательно вышивает крестом, он прилежно читает Библию. А во дворе вдруг раздаётся какой-то посторонний шум. Хозяйка выглядывает в окно и взволнованно оповещает мужа:

- Василь, глянь! К нам якие-то гости жалуют..
 Судья поднимается со стула, всматривается:
 — Э-ге-ге!.. Вот цэ на!.. — удивление в его лице сменяется ожиданием какого-то невероятного сюрприза. — Так то, кажись, сваты..
 А по двору важно, картинно шествует четвёрка разнаряженных казаков в нарядных кунтушах, с расшитыми рушниками через правое плечо. Это Орлик, Чечель, Горленко и Ломиковский. Хозяин хлопотливо бросает жене:
 — Скажи дивкам — нехай несут закуски! И горилку нэ забудь!..
 Хозяйка вскакивает, на ходу догадливо крестится:
 — Воны будуть Мотрю сватать?.. А за кого?..
 — За якого-то вельможного пана, чи князя... — авторитетно подтверждает Кочубей. — Мазепа щиро посулил..
 — Нашего, чи ляха? С него, бессоромного, усё зробитсья..
 Судья тоже крестится:
 — А бис его знае! Лишь бы грошей у жениха було в достатке, щоб моя доня ни в чём нэ нуждалась... Красуля наша...

Жена не успевает скрыться в соседней комнате, как на пороге чинно возникают сваты. Снимают бараньи шапки и низко кланяются хозяевам:

- Здоровеньки булы, пан судья и ваша дорогая жинка!..
 Кочубей кланяются в ответ, хозяин любезно отвечает:
 — Дякую от щирого сердца!.. Рад видеть вас, панове добродийство! Яким ветром занесло таких знатных господ у мою бедную хату?.. — делает знак жене, та моментально исчезает. — Даруйте милость — садитесь...

Сваты истово крестятся на иконостас и солидно рассаживаются, положив папахи на колени. Появляется хозяйка и ладная девка-прислужница, держа в руках серебряный поднос с четырьмя чарками водки. Хозяйка гостям:

- Нэ побрезгуйте, панове добродийство, примите, що Бог послал..
 Сваты охотно разбирают рюмки и привычно опорожняют их. Входит ещё одна служанка с горкой печатных пряников на серебряном подносе. Гости берут по прянику, прикусывают...

- Орлик степенно начинает:
 — Ты кажешь, пан судья, яким ветром занесло нас у твою хату?.. — трогает усы. — Попутным... Ходять слухи, що у тэбэ е добрый товар... Дюже гарный! — чуть заметно улыбается, — Кочубей и супруга довольно переглядываются. Орлик продолжает: — А у нас есть щирый купец... Такой именитый да важный, що ни перед чем не постоит!.. Такому вельможному владыке и богатею нэма равного во всей нашей батькивщине!..
 — Ни! Ни! Святой истинный крест — другого нэма!.. — дружно вторят остальные сваты. Лица хозяев расплываются в радостных улыбках.

- Орлик не умолкает:
 — Коли вин захочет — любой, самый храбрый козак отдаст за его жизнь!.. А самого добра — коней, хуторов и пашен у него не счесть! И золотом та серебром полны его скарбницы... — судья и жена тревожно стоняют с лиц улыбки. — И русский царь, и турецкий султан, и польский король крепко забажают его... Шлют до него послов, желают с ним дружить и жить в мире и согласии, як ведит Бог и Священное писание... — красноречивый писарь размашисто крестится и другие вместе с ним. — Ось якої купец послал нас до тэбэ, пан судья... Що скажешь?

- Так то... — с трудом выдавливая Кочубей, а жена его, ужасаясь, подхватывает:
 — Цэ Мазепа?!..

— Так, — покорно кивает Орлик. — Сам гетман...
 Воцаряется тяжёлое, удручающее молчание. Хозяева и гости стараются не встречаться взглядами. Судья непонимающе разводит руками:
 — Як же так? Я ничего не пойму... Вин же ей крёстный батька!..
 — А вона ему крестная дочка!.. — тут же вскипает хозяйка. — Мазепа що — с глузду зъихав?! Як же можно?!.. Хиба вин на старости лет ума решився?!.. Так вразумите ж его!.. Да що ж цэ таке?!..
 — Гетман — вдовый!.. — пытается возразить Чечель.
 — Ну, так що?! — хозяйка распалилась вконец. — Коли вин гетман — так ему усё можно?! Бога вин забыв, нечестивец!.. Щоб я свою коханую дочку отдала за цэго...
 — Погоди, жинка! — пытается осадить её супруг. — Цэ ж не сговор, а так, сватовство... Остынь...
 — Верно гутаришь, пан судья, — соглашается Орлик, — не за тем мы тут...
 Остальные сваты покорно кивают головами. Хозяин поясняет жене:
 — Вони пришли узнать нашу волю, а мы...
 — Мы за его свою Мотрю нияк не отдадим!.. — едва сдерживаясь, отрубает супруга.
 — Хошь режьте нас!.. Хочь казните!..
 Кочубей тяжело вздыхает.
 — Цэ ваше остатнее слово? — настаивает Орлик. — Остатнее, чи ни?..
 — Так. Другого нэма... Остатнее... — негромко подтверждает судья.
 Сваты дружно поднимаются, надевают шапки.
 — Прощайте, панове... — угрюмо ворчит Чечель. — Бувайте здоровы, живите богато...
 — И вам того же, шановне добродийство!.. — не остаётся в долгу хозяйка. — Не забувайте нас... Заходите, коли нужда прийде... Будем рады...
 И едва за незваными гостями закрывается дверь — в горницу вбегают младшая дочь. Глаза её полны слёз.
 — Слыхала?.. — укоризненно восклицает мать. Матрёна кивает головой, слёзы каплют на пол. Кочубей настаживает. — Зовсим з ума выжил, старый козёл!.. Щоб мы своё риднэ дитя, свою кровинку... — глаза матери увлажняются.
 — Нэ надо, мамо!.. — протестует дочь.
 — Як нэ надо?! — хозяйка негодует. — Для чого мы тэбэ нежили да холили?.. Щоб отдать в поганы лапы...
 — А нэ отдадигэ — сама уйду!.. — Матрёна хлопает дверью и убегает.
 Хозяйка потрясённо опускается на стул:
 — Слыхав?! От бисова дивка!.. Зовсим ума решилась...
 Кочубей озадаченно качает головой. И в доме надолго воцаряется томительная, тревожная тишина...

15

В начале марта война продолжается в Белоруссии. По разбитой, ухабистой дороге, разбрасывая по сторонам комья жидкой грязи, перемешанной со свежевывающим снегом, движется русская пехота. Солдаты, с ранцами за плечами и длинноствольными ружьями (фузеями), шагают угрюмо и молча, проклиная в душе эту кошмарную распутицу, мерзкую погоду и своих командиров, ведущих их неведомо куда...
 — Когда мы, братцы, этих чёртовых шведов перебьём, али сами отдадим Богу душу? Скорей бы уж... — мрачно сетует молодой солдатик.
 — Ты гляди, Кузьма, не шибко-то! — предостерегает его сосед.
 — А чаво? — упорствует молодой. — Ты вон который год воюешь — и всё без толку!.. Мозолей одних, поди-ка, цельный пуд набил...
 — Тута толк один — либо мы их, либо они нас... — подключается к разговору пожилой сержант.
 — А правда, братцы, — любопытствует молодой, — энтот генерал, который нами верховодил, — неуж к самому Карле перебежал?..
 Товарищи не успевают ответить, как впереди показывается застрявшая в непролазной грязи походная карета.
 — Кто это?.. — летит по рядам. — Наш полковник?..
 — Какой полковник! Разуь глаза — тута сам царь!..
 Солдаты невольно подбираются и ровняют, насколько возможно, строй. Драгуны из царского эскорта силой пытаются освободить карету из непролазной грязи, но безуспешно. Пехотный капитан командует:
 — А ну-ка, служивые! Давай сюда! Взались покрепче! Дружнее!..
 Солдаты бросаются на подмогу, но тут из экипажа выбирается Пётр и его денщик Кикин.

— Откуда, молодцы, путь держите? — бодрым голосом спрашивает государь.
 — Из-под Гродно, Ваше Величество!.. — рапортует капитан. Пётр жестом останавливает его:
 — Погоди, — обращается к солдатам: — Кто ваш генерал, братцы?..
 Раздаются отдельные голоса:
 — Энтот немец... Мулиндот... К шведам он сбежал...
 Царь оборачивается к капитану:
 — Генерал Мюлендорф вас предал?!
 — Так точно, Ваше Величество... И город шведам сдал... — виновато отвечает офицер. Пётр гневно восклицает:
 — Вот сволочь! — обращается к солдатам: — А вы, братцы, чего смотрели? Как такое непотребство допустили?..
 Солдаты начинают оправдываться:
 — Мы бились, царь-батюшка, как могли... И штыками, и саблями, и кулаками, и зубами!..
 Пётр замечает молодого солдата:
 — И ты бился, новобранец?
 Тот гордо отвечает:
 — А то как жеть? Насмерть стоял!..
 Государь добродушно улыбается:
 — Ну, ежели насмерть — тогда нам никакой чёрт не страшен!.. Любого супостата одолеем!.. — Кикину: — Давай-ка, Александр, оседлаем коней... Надоела эта проклятая колымага...
 Царь и денщик пересаживаются верхами. Пётр ласково кивает солдатам и, в сопровождении десятка драгун, устремляется к белорусскому селению Бешенковичи. Но не успевает он проскакать и четверть версты, как навстречу ему спешит полусотня всадников. Кикин тревожно предупреждает:
 — Пётр Алексеич, верховые скачут!..
 Царь спокойно отвечает:
 — Вижу. Это Алексашка торопится...
 Александр Данилович Меншиков проворно осаживает коня, улыбаясь приветливо и радушно:
 — С прибытием, мин херц! Рад тебя видеть... Только вот погодка не ахти... В грязи изваляешься почище любого борова...
 Пётр, под впечатлением недавней безрадостной вести, бросает сердито:
 — Мюлендорф, мерзавец, шведам предался!.. А я велел ему мост взорвать и не пущать их в город...
 — А он сдал Гродно Карлу и был таков!.. — смеётся Данилыч.
 — Ты уже знаешь?.. — удивляется царь.
 Меншиков уже серьёзно:
 — Не токмо знаю, но посылал своих гусар город отбить...
 — И что? Отбили?..
 Меншиков пожимает плечами:
 — Не вышло, мин херц... Хотя потрепали мы шведов крепко... Очухаются точно нескоро...
 Всадники медленно двигаются к селению. Пётр невесело предполагает:
 — Я, Данилыч, так думаю: теперь он пойдёт на Минск, потом на Оршу, а далее — Смоленск и Москва... Надобно быть к тому готовым...
 — Пуцай он вначале со мной сразится, а там поглядим, куда он пойдёт! — возражает упрямо Меншиков. — Торной дороги ему всё одно не будет!..
 Царь тут же напоминает:
 — А что Мазепа подельывает?.. Вот теперь он со своими казаками был бы очень кстати... Пошли ему цидулку. Можешь от моего имени... Пора ему идти на подмогу...
 Данилыч, помолчав, отвечает с неприязнью:
 — Мазепа стар и толку от него ждать нечего... Всё жалуется на ревматизм и подагру... Скажу тебе как на духу, мин херц, этого увёртливого хохла менять надо... Менять, пока не поздно... На что нам такой гетман?..
 — Менять?! А кого ставить?.. — Пётр придерживает лошадь.
 — Меня, — безапелляционно заявляет Меншиков.
 Царь озадаченно качает головой, и всадники прищипоривают коней. Комья грязи летят по сторонам. Вдали виднеется местечко Бешенковичи...

расположились за накрытым столом. Оба уже опорожнили по чарке горилки, и писарь слегка расслабился. Только гетман заметно смущён и обескуражен, хотя тщательно скрывает это, старательно покуривая затейливо украшенную «люльку».

— Так ты кажешь, Пилип, що Кочубей отказав?.. Прямо наотрез?..

— Эге, пан гетман, — виновато отвечает Орлик, — так и було... Отказав...

Хозяин настаивает:

— Вин сам, чи его жинка?.. Вона — баба ушлая...

— И вин, и вона... — писарь не смотрит собеседнику в глаза.

Уязвлённое самолюбие Мазепы никак не может с этим примириться:

— А що сказалы? Як?.. — он выпускает кудреватое облако дыма.

Орлик делает над собой титаническое усилие и отвечает сумбурно:

— Дочка що вона твоя... И усё такэ...

— Дочка?! — несказанно поражается гетман. — Да воны що — сказились оба?..

Якая дочка?!

— Крёстная... — поправляется незадачливый сват.

— А-а-а... — спохватывается Мазепа и тревожно замолкает.

Неожиданно открывшееся препятствие кажется ему весьма значительным и почти непреодолимым. Почему он до сих пор не принимал этого всерьёз?..

— Воны казалы, — словно оправдываясь, добавляет Орлик, — що цэ дило дюже богопротивное... Господь тэбэ за то осудит...

Честолюбивый гетман вспыхивает, но вовремя сдерживает себя, понимая, что его неутолённое желание может взволновать и обеспокоить множество людей, даже весь народ Украины. А это ему едва ли на руку...

— Ну, добре... — Мазепа через силу улыбается. — Спасиби тэбэ, Пилип, за службу!..

— Дякую, пан гетман, — сват впервые встречается с ним взглядом, — мы зробилы, що могли... Нэ обессудь...

Мазепа тоже во все глаза следит за гостем, словно ожидая увидеть в его лице скрытую издёвку или понятное осуждение за свой лихой, безрассудный поступок. Чего это ради вздумалось ему — старому чёрту — заполучить в свои объятия молодую дивчину, годящуюся ему даже не в дочери, а во внучки?..

Писарь поднимается:

— С твоево дозволения, пан гетман, я подамся до дому. Уважь...

Хозяин охотно соглашается:

— Ступай сэбэ, Пилип, колы нужда. Спаси тэбэ Бог...

Орлик кланяется и уходит. Мазепа некоторое время сидит в одиночестве и раздумье, потом хлопает в ладоши. Появляется гайдук.

— Неси мне, хлопче, горилки...

Слуга выходит. А старый гетман, опершись о кулак, уходит мыслями в далёкое прошлое...

Вот его, распятого на конском хвосте, стремительно и безжалостно несёт по степи. Бывший паж уже без сознания, и спасает Мазепу лишь то, что повернут он лицом к небу, а нагую спину и ноги его немилосердно сечет сухая полынь и мелкие кусты... Глаза его закрыты, а рот перекошен от боли. Вконец ошалевший от испуга жеребец летит напрапалуку к родному хутору и замедляет бег лишь вблизи невысоких ворот...

Работники, издаലെка завидевшие жуткую скачку и взбудораженные этим, толкаясь, выбегают наружу. Взмыленный конь и распластаный на земле нагой, обезображенный человек приводят их в полное смятение...

— Що цэ такэ?! Рятуйте! Хтось такой?! Та вин голый!.. Ось, побачьте!..

Они не сразу узнают своего господина, тем паче что никогда не видели его в чём мать родила. Девки смущённо отворачиваются...

— Та цэ ж наш паныч! Хтось его так?! Ось беда, беда! Ой, лишенько!..

На шум появляется на крыльце сама хозяйка:

— Эй, хлопцы! Вы чога там?.. Що стряслось?!.. Чога мовчите?..

Прислуга испуганно безмолвствует. Пожилая женщина выбегает из ворот и, в отличие от слуг, сразу узнаёт лежащего:

— Ой, сынку! Ивась!.. Та що ж з тобой зробилы?! Ох, горе ты мое!.. — она падает на колени. — Хай вин здохнет! Ой, рятуйте, люди добрые!.. — уронив голову сыну на грудь, она невольно слышит негромкий стук его сердца и тут же восклицает: — Та вин жив! Жив!.. Хлопцы, несите его в хату... Швыдче!.. Поки не вмер, ридный!..

Работники поднимают на руки бездыханного пана и несут его в дом. Мать, потрясённо причитая, спешит следом, к ней присоединяются две маленькие дочурки, сёстры бывшего пажа. Как только Мазепу осторожно укладывают на кровать и заботливо укрывают простыней, раненый тихо стонет. Хозяйка, бесцеремонно расталкивая слуг, склоняется над ним:

— Що, сынку?.. Що, ридный?.. Молви хочь словечко, любый!.. Я тэбэ слушаю, коханий... — несчастный любовник с трудом открывает глаза. Мать жалостливо: — Больно тэбэ, касатик?.. Кто ж тэбэ так?.. За що?!.. Отвить, будь ласка...

— Пан Фальбовский... — раздаётся слабый шёпот.

— Ах, вин боров поганый!.. Щоб ему повывлазило!.. Щоб вин сдох!.. Щоб нэ бачить ему могил отца и матери!.. — бранится хозяйка, а сын вновь смыкает веки.

Слуги тихо, соболезнующе переговариваются. Над мирным хутором воцаряются скорбь и печаль...

17

Апрель месяц. Белоруссия. Шведский лагерь под городом Могилёвом. В просторной избе собрался весь генералитет во главе с королём. На столе лежат карты, циркули, линейки. Генерал-адъютант Канифер докладывает:

— Пехота и конница Меншикова находятся от нас в сотне миль... Это два дня пути, и то в лучшем случае, господа...

Шлиппенбах обескураженно восклицает:

— Но кругом непролазная грязь! Ни одной приличной дороги... И конца всему этому не видно...

Но Карл его перебивает:

— А сколько миль до Орши?..

— Ровно половина. Пятьдесят... — тут же вставляет Канифер.

Король всё-таки уточняет:

— А дорога на Москву лежит только через Оршу и Смоленск, ведь так?.. — обращается к перебежчику Мюлендорфу, — Вы это подтверждаете, генерал?..

Мюлендорф охотно поясняет:

— К сожалению, это так, Ваше Величество... Но тут вокруг сплошные болота... Не пройти ни конному, ни пешему...

Тогда Карл, подумав, предлагает:

— Можно, господа генералы, двинуться форсированным маршем до Орши, занять там оборону и принять бой...

Не соглашается лишь один Шпарре:

— А Меншиков, Ваше Величество, нас может опередить!.. Или — хуже того — ударить нам в тыл...

Генерал-перебежчик подтверждает:

— С него всё станется!.. Этот пройдоха успеваает везде и всюду...

Мнения генералов разделяются. Кто-то готов занять сторону короля, кто-то этому противится. Появляется польский король Лещинский:

— Доброго здоровья, господа! Рад видеть вас, Ваше Величество!

Генералы молча кланяются в ответ.

— Вы, Станислав, как нельзя кстати, — показывает Карл на своих помощников. — Сейчас мы решаем судьбу нашей дальнейшей кампании...

Лещинский с улыбкой подхватывает:

— То есть похода на Москву, если я вас правильно понял?..

— Вот именно... — сухо подтверждает Карл. — Наш главный противник генерал Меншиков находится в Бешенковичах, — показывает циркулем: — Мы и он — на одном расстоянии от Орши... — пауза. — Как вы полагаете — следует нам идти туда? И когда?..

Поляк неожиданно обрывает:

— Не следует, Ваше Величество. И вот почему: вчера я получил известие от гетмана Мазепы...

Карл недовольно кривится:

— Опять этот Мазепа! И что он вам пишет? Изъясняется в дружбе и преданности?

— Ничего подобного! — Лещинский победно оглядывает собравшихся. — В Москвии, господа генералы, вспыхнуло восстание казаков... Точнее — на Дону. Убит царский воевода Долгорукий, перебиты все атаманы и старшины. Предводитель восставших некто Булавин взял город Черкасск и собирается идти на Москву!..

Воцаряется тишина. Адъютант Канифер осведомляется недоумённо:

— Простите, Станислав, а почему нам не нужно идти на Оршу? В связи с бунтом казаков, что ли?

— Вот именно! — подхватывает Карл. — Вы считаете, что нам не следует поддерживать мятежников? — едко усмехается. — Это оригинально...

Но поляк не сдаётся:

— Ну, зачем же? Гетман Мазепа предлагает идти на Украину. Он готов снабдить нас продовольствием и военной силой. У него хватает того и другого. Причём в ще-

дром избылиии...

Лещинского охотно поддерживает Шлиппенбах:

— Мы сможем там отдохнуть, набраться сил и, пока царь Пётр воюет со своими мятежными подданными, одолеть его малой кровью. По-моему — это отличный вариант!..

И генерал Шпарре тоже выражает согласие:

— По моим сведениям, Ваше Величество, на Смоленском направлении все съестные припасы русские уничтожили, а по дорогам устроили сплошные завалы и засеки... Там мы только потеряем время и людей...

Шведский король в раздумье замечает:

— Ну, хорошо... Предположим, что вы меня убедили... И всё-таки с этим коварным хохлом нужно держать ухо востро... Кто знает, что у него на уме?..

18

Левобережная Украина. Середина апреля. Городок Батулин. В усадьбу Василия Кочубея въезжает бричка, в которой сидит сам судья и его жена. Лошадьми правит хозяин. И по всему заметно, что они проделали довольно долгий путь и крепко устали. Работники начинают распрягать коней, супруги оставляют экипаж, а к судье подходит его свояк — полковник Иван Искра:

— Доброго здоровья, пан судья! С прибытием!

— Дякую, Иван! Що нового в Батулине?

Искра не замедлил с ответом:

— Пока ты працювал у сэбэ в Диканьке, гетман укатил у Киев... Тильки пыль столбом! И никому нэ сказався...

— Давно цэ случилось?..

Полковник отвечает, не раздумывая:

— Третий день тому пишов... Люди гадають, що вин затеял? Або сбежал?..

Супруга судьи, пронзённая внезапной догадкой, быстро направляется в дом. Мужчины провожают её глазами, а Искра продолжает:

— Усю свию свиту забрал — и Орлика, и Чечеля, и Ломиковского, и Гордиенку...

Як на военный совет...

Кочубей настойчиво вопрошает:

— А для чого? Цэ дюже любопытно...

Полковник придвигается ближе:

— Слухай ще: неделю тому приехала до него кума — княгиня Дольская...

— Свояченица польского короля? — подсказывает судья.

Искра согласно кивает:

— Эге. Вона... Прикатила пид вечер, а убралась на зорьке, щоб никто не зустрил, чуешь?..

И не успевает хозяин поделиться своими соображениями на сей счёт, как на пороге возникает его разгневанная половина:

— Ах, вона поганка!.. Тварь!.. Змеюка!.. Зараза!.. Ну, погодь!..

— Хто? Ты чого, жинка?.. — окликает её Кочубей.

Рассерженная супруга ласточкой слетает с высокого крыльца, следом за ней ковыляет старая прислужница.

— Та дочка твоя кохана!.. Мотря!..

— А що такэ?.. — недоумевает судья.

Женщина кипит от возмущения:

— Та вона сбигла к тому старому лису!.. К гетману треклятому!.. Хай ему бис!..

— К Мазепе?!.. — удивляется Искра. Разгневанная Супруга показывает на старую служанку:

— Кажы, Явдоха, так було?!..

— Так, панночку, так... — кивает головой старуха. Хозяйка суёт руку за ворот сорочки и достаёт оттуда кипу писем:

— Ось побачь, що писал ей цэй старый козёл, щоб ему повылазило!..

Кочубей берёт письмо, разворачивает и читает:

— Моя голуба! Моя ясонька! Мое серденько...

— Моя ясонька! Мое серденько!.. — жена, не сдержавшись, плюёт. — Тьфу! Мерзость яка!.. Вин на старости умом тронувся!.. Як нэ стыдно ему — лядащому бису?!..

Мужчины виновато хмурятся. Бойкое перо старого гетмана приводит их в смущенье и оторопь.

— Вин это, — качает головой Искра, — дюже швыдкий...

— Швыдкий?! — хозяйка вспыхивает, как порох. — Да цэ позор на усю Украйну!.. Сманив молоду дивчину, да ще свою крестную дочку — такого нэ було никола

на нашей земли!.. Хай Бог его за цэ покарае!.. — она размашисто крестится. Мужчины угрюмо насупились. Женщина пристально смотрит на мужа: — Чего мовчишь, Василь?.. Може, я нэ права?..

Судья пожимает плечами:

— А що тут скажеш? Твоя правда... Ты усё казала...

Супруга горделиво подбоченивается:

— Я-то казала! А ты як?!.. Хиба ты стерпишь цэй стыд и позор?!..

— Нэ стерплю!.. — твёрдо обещает Кочубей. Полковник недоверчиво смотрит ему в лицо. — Нэ стерплю! — повторяет оскорблённый судья. — Пусть вин нэ думает, що ему усё можно... И на гетмана найдется управа... Усе мы под Богом ходим!.. — он щёлкает нагайкой по голенищу сапога и решительно направляется в дом. Все идут следом...

19

Город Киев. Начало мая. Поместье киевского воеводы Иосифа Потоцкого. Поздний вечер. В роскошной спальне на широкой постели возлежит старый гетман вместе с молодой любовницей. Она смотрит на него влюблёнными глазами, нежно гладит его седые виски, вздыхает и осторожно спрашивает:

— А ты её зараз полюбив?..

— Кого?.. — не понимает Мазепа.

— Ну... — Матрёна робко мнётся, — та свою жинку...

Гетман отвечает минуту спустя:

— Ганну? — хмурится. — Вжэ я нэ помню... Давно цэ було... Рокив сорок тому...

— Ты и тоди був гетманом?.. — осторожно любопытствует девушка.

Мазепа снисходительно улыбается:

— Я тоди був писарем... — он тут же поправляется: — Ни... Поперву стал запорижем, а потим писарем... Ось так, мое серденько!.. — нежно целует любовницу.

Матрёна будто не верит своим ушам. Ей трудно представить, что этот всесильный, знаменитый владыка был когда-то простым казаком, как многие мужчины и парни вокруг. А старый гетман вспоминает...

Вот он — молодой, с едва пробивающимися усами — сидит под навесом родного дома, у высокого крыльца, и смотрит на пламенеющий малиновый закат. Ему очень одиноко и грустно, пожалуй, как никогда. И так горестно и печально, что слеза наворачивается на густые ресницы бывшего пажа и голова невольно клонится на грудь. Чья-то лёгкая рука касается его плеча. Парубок вздрагивает.

— Що? Тэбэ больно? — ласково спрашивает мать. Мазепа смахивает слёзы:

— Ни. Вжэ ничего нэ болит...

Пожилая женщина вздыхает:

— Ивась! Сынку!.. Мэнэ здається, що трэба тэбэ на Сичь тикать... Бильше некуда...

— На Сичь?!.. — удивляется бывший паж. Мать настойчиво поясняет:

— Пан Фальбовский спокою тэбэ нэ даст. Вин свою молоду жинку на хлеб и воду посадив, в тёмную комору запер... А с тэбэ вин голову знимет! — горестно машет рукой. — И никто ему нэ указ... Вин — ясновельможный польский пан, а ты — вильный хохол... Нэма у тэбэ ниякой заступы!.. — она гладит и целует его затылок. Сын не противится...

И на утренней заре, с помощью молодого наймита, Мазепа седлает коня, ещё одного берёт на смену и готовится в далёкий путь.

— Може, и мэнэ визьмете з собою, паныч? — с надеждой засматривая ему в лицо, просит работник. Они почти ровесники и оба хотят подвигов и свободы. Бывший паж уже готов дать согласие, но внезапно появившаяся хозяйка обрывает сурово:

— И нэ думай! — она говорит назидательно слуге. — Що я твоему батьке да матке скажу, колы ты за пана голову сложишь?.. У нас такого уговору нэ було... — она протягивает сыну перемётную суму и туго набитый кошель. — Держи, сынку! Гроши тэбэ дюже сгодятся...

И ещё она передаёт ему отцовскую саблю и пистолет.

— Дэ ты усё ховала, маты?.. — через силу улыбается бывший паж.

— Та нэ думала, нэ гадала, що придется сыну отцову справу в руки брать... У погребце дэржала...

Сабля, и в правду, с трудом вылезает из ножен, а у пистоля заржавел курок. Но Мазепа охотно привешивает их к поясу, зная, что людям сам вид грозного оружия внушает осмотрительность и страх. А его владельцу обеспечивает уважение и безопасность.

Он ловко вскакивает в седло, работник приторачивает на круп второго коня перемётную суму. Мать протягивает руки, и сын склоняется над ней.

— Доброй тэбэ дороги, сынку! — она щедро роняет слёзы. — Нэ забувай свой бидный хутор и ридну мать... Сщастья тэбэ и щироу доли!..

Мазепа, боясь расплакаться, рывком трогает жеребца. Хозяйка, едва успев обнять его и кое-как перекрестить, бессильно опускает руки. А на крыльцо выбегают две маленькие девчушки в длинных белых рубашонках, вытирая спросонья кулачками глаза:

— Мамо, вин уехав? Ивась ускакав?..

— Уехав-уехав... — бормочет мать. — Вы чего прилетели, ластовки? Идитэ сэбэ спать... — она крестит спину удаляющегося сына.

А бывший паж, нахлестывая жеребца, летит по утренней степи, словно желая поскорей умчаться из родимого гнезда. Или, наоборот, боясь остаться в нём навечно и потому стремясь как можно скорее отдалиться от него...

Над бескрайней степью встаёт всевидящее, густо-красное солнце, озаряя бодрим, живительным светом всё вокруг. В высокой траве бойко снуют перепела и жаворонки. Неуклюжие стрепеты, спугнутые неожиданным шумом, бегут, смешно растопырив крылья, потом неуклюже поднимаются в воздух и, пролетев сотню-другую шагов, вновь гулко плюхаются наземь. Суслики, тревожно посвистывая, опасливо прячутся в норки.

Но Мазепа ничего не замечает. Он спешит навстречу неизвестности, не думая ни о прошлом, ни о будущем, памятуя лишь о том, что его — человека без роду и племени — никто и нигде не ждёт с распростёртыми объятиями. И сама бедная украинская земля, только-только пережившая очередную смуту, с трудом освободившая себя от польского владычества, ещё не успела уврачевать раны...

На сотнях вёрст — от Припяти до Днепра — зловеще чернеют обугленные, сожжённые сёла и местечки, испытывшие на себе своеволие польских панов и беспощадную месть сподвижников Богдана Хмельницкого...

Мазепа видит эти ужасные следы, но, по молодости лет, не осознаёт их зловещего смысла и значения. Его больше заботит собственная судьба. И лишь вблизи днепровских порогов, где шумит и буйствует неудержимая вода и по обоим берегам носится воздух свободы, бывший паж приободряется...

Перед тем как переправиться на знаменитый остров Хортицу, в самое становище Запорожской Сечи, Мазепа переоделся во всё дорогое и новое, свято полагая, что негоже являться туда жалким оборванцем. Но, ступив на утлый паром и очутившись в окружении шумных, неряшливых, плохо и скудно одетых людей, он чувствует себя крайне неловко...

— Дывись, який паньч явився!.. — толкая соседа, ухмыльнулся щербатым ртом полуголый, дурно пахнущий казак, — И жупан на ём дюже гарный!..

— Должно, вин свататься едет! — хитро подмигнул тот.

— Да ну! А к кому?.. — живо подхватил щербатый.

— К кому? — сосед за словом в карман не лезет. — А к мазутной диже...

Все дружно хохочут. Смеётся и Мазепа, не понимая смысла услышанных слов. Но едва он очутился на другом берегу, как его окружила тесная толпа запорожцев.

— Гроши у тэбэ е?... — спрашивает его ражий детина в драной свитке.

— Е... — невольно признаётся Мазепа.

— Давай сюды! — детина властно протягивает широкую ладонь. Пришлось бывшему пажу расстаться с полупустым кошельком. И добрый конь его тоже приглянулся новым знакомцам. Второго жеребца он позорно потерял по дороге...

— Ты лях, чи ни? — прозвучал неприязненный вопрос.

— Ни. Малоросс... — твёрдо ответил пришелец.

— Як тэбэ кличут?

— Мазепа.

— Мазепа, во Христа веруешь? — сыпалось из толпы.

— Верую.

— А у святую троицу? — продолжали доискиваться самые дотошные.

— Верую.

— А ну, перекрестись! — грянули хором. Мазепа перекрестился.

— Вин наш. Православный!.. — обрадовано заголосила толпа.

И не успел новообращённый прийти в себя, как крепкие, безжалостные, загорбелые руки подняли его на воздух и понесли неведомо куда. Но через минуту оказался он вблизи сорокаведёрной бочки (диже) с мазутом, в которую, под общий одобрительный гул, его благополучно окунули едва не с головой...

Ужас, отвращение и гнев захлестнули бывшего королевского пажу — он готов был разорвать на части этих наглых, бесшабашных, грубых людей или утопиться на месте от позора, но запорожцы только весело и довольно смеялись и мигом извлекли его наружу...

Нарядная одежда пришельца превратилась в зловонное, омерзительное тряпье, которое хотелось незамедлительно сбросить...

— Ось цэ наш!.. Истый козак!.. Любо! Любо!.. — гремели голоса.

А бедный парень и не догадывался, что прошёл он самый главный обряд посвящения в вольные рыцари многострадальной земли. Теперь он должен пренебрегать всем: деньгами, одеждой, дорогими яствами, любовью и лаской женщины, а беречь и ценить обязан одну лишь свободу. И поставить ради неё на кон свою жизнь...

20

Белоруссия. Город Витебск. Самое начало мая. Ставка царя Петра. В простом, неприметном доме, в небольшой комнате (по причине его нелюбви к обширным помещением) расположился сам государь, фельдмаршал Шереметев, генералы Меншиков и Репнин. Пётр размышляет вслух:

— Как думаете, любезные господа, почему Карл застрял в Могилёве? Чего он ждёт?..

— Я думаю, Пётр Алексеич, — предполагает Меншиков, — что ждёт он подхода генерала Левенгаупта...

— А ежели дождётся, что потом?..

Шереметев подхватывает:

— Потом он пойдёт на Оршу, и там ему путь на Смоленск и далее...

— Но мы тоже не лыком шиты... — улыбается Меншиков. — И встретим его, как подоает!..

Но доколе молчавший Репнин осторожно допускает:

— Мне кажется, государь, что Карл может изменить план кампании...

Пётр внимательно слушает его, пытаясь осмыслить все вероятные варианты.

— Неужто?.. — после минутного раздумья царь заключает: — Сие вполне возможно. С него всё станется... Малый он лихой и зело непредсказуемый... — в упор смотрит на генералов. — А чем это нам грозит обернуться?..

Не успевает Репнин ответить, как в комнате появляется граф Головкин:

— Прошу прощения, государь! Доброго здоровья, господа!..

Генералы кланяются. Пётр замечает не слишком любезно:

— С чем изволил пожаловать, Гаврила Иваныч? У нас, как видишь, дела неотложные...

Головкин согласно кивает:

— Вижу, Пётр Алексеич! И я бы не осмелился тревожить вас, понеже...

Пётр нетерпеливо перебивает:

— Ну, говори же! Токмо коротко... Что у тебя?..

Канцлер вынимает из портфеля бумажный пакет:

— Донос, государь...

Пётр требовательно восклицает:

— Донос? На кого?!..

— На гетмана Мазепу... — произносит Головкин с сомнением.

Общее молчание. На лице Меншикова мелькает удовлетворённая улыбка. Пётр бросает сурово:

— А доносчик кто?..

— Генеральный судья Кочубей... Свояк гетмана... — покорно отвечает Головкин.

После очередной паузы царь решительно протягивает руку:

— А ну, давай его сюда!..

Граф передаёт пакет, государь вскрывает его, перебирает исписанные листы бумаги:

— Ты сам-то читал сие?..

— Ознакомился...

— И что? Как думаешь?..

Граф уклончиво отвечает:

— Явных признаков измены или злоумышления на оную, по моему хилому разумению, обнаружить там не довелось...

— Ну, поглядим, — Пётр читает вслух: — «Услышав в прошлом году, что у Пропойска побиты царские ратные люди, гетман спрашивал нетерпеливо: справедлива ли эта весть? А у себя в Батурине за обедом сказал, что весть справедлива, и смеялся. А после того гетман объявил, что от достоверных людей слышал, будто король шведский хочет идти на Москву и учинить там иного царя, а на Киев пойдёт король Станислав. Мазепа сказал при этом: я просил у государя войска оборонять Киев и Украину, а он отказал, и нам придётся поневоле пристать к королю Станиславу»...

— Вот мерзавец! — вырывается у Меншикова.

— погоди! — останавливает его царь. — Я ему и вправду отказал... Нет у нас лишних дивизий, тебе ли об этом не знать?..

— Но, мин херц, — артачится Данилыч, — тут речь идёт о том, что Мазепа хочет

пристать к полякам!.. Это ясно...

Головкин заступает за гетмана:

— Но он же говорил — «поневоле»!.. Стало быть — по принуждению...

Меншиков не соглашается:

— Поневоле иль по воле — это всё едино!.. Гетман — хитрющий старик и правды всё одно не скажет... А куда он клонит — и дураку ясно!..

Граф выбрасывает последний козырь:

— Загвоздка-то вся, Пётр Алексеич, в том, что Мазепа сманил у Кочубея дочку!..

Тогда-то и вся каша заварилась! А не будь этого...

— Да ну?! — искренне удивляется царь. — Девка-то шибко молода?

Головкин хитро улыбается:

— Годов шестнадцать-семнадцать...

— А ему за шестьдесят!.. — вторит Меншиков, качая головой. — Ну и ну!.. А как же его докучные жалобы на ревматизм и боли в спине?! Он что с ней — в бирюльки играет?.. Или она ему на сон грядущий пятки чешет?..

Мужчины, игриво перемигиваясь, весело смеются. Шереметев восклицает удивлённо:

— Ай да гетман! Хват — да и только!.. Вот не думал, не гадал...

Решнин пытается осмыслить ситуацию:

— Кочубею, конечно, обидно, и его можно извинить...

Головкин тут же соглашается:

— Ну, ещё бы! Однако же вся беда в том, что Мазепа — её крёстный отец... А это обидно вдвойне!..

Наступает тишина. Царь, который сам когда-то увёл свою нынешнюю подругу от Меншикова, а тот её же — от Шереметева, угрюмо размышляет. Собеседники молчат. Едва ли кто из них отважился бы дать ему какой-либо совет.

Наконец сам Пётр решает:

— Мазепа — наш старый, испытанный слуга. Он много лет верно служил России. Мы воевали вместе под Азовом, он громил татар и поляков, помогал нам в битвах со шведами... У меня нет причин не верить ему... Так уж выходит... — подчинённые молчат. Царь обращается к Головкину: — Давай-ка, Гаврила Иваныч, сделаем так: ты призываешь к себе Кочубея, доставляешь его любыми путями пред мои государевы очи, и будем с ним разбираться... — вздыхает. — У нас хватает хлопот не токмо со шведами, своих негодяев пруд пруди!.. На Дону вон Булавин лютует...

Шереметев услужливо подсказывает:

— Князь Долгоруков — брат убитого — против него воюет весьма успешно...

Пётр, перекрестившись:

— Пошли ему, Господь, удачи! — поворачивается к графу: — Ты всё уяснил, Гаврила Иваныч?..

Головкин удовлетворённо отвечает:

— Всенепременно, государь!

Пётр распоряжается:

— Тогда ступай... С Богом!..

Граф встаёт и выходит, а царь кладёт донос на стол и пристально смотрит в него. Генералы дружно безмолвствуют...

21

Белоруссия. Середина мая. Невдалеке от села Головчина, в долине небольшой речушки Бибиц, среди лесов и болот, осторожно передвигается шведское войско во главе с самим королём. Над долиной стелется густой, непроницаемый туман и упорно моросит мелкий, нудный дождь.

Неприятельская кавалерия и пехота, укладывая на зыбкую почву фашины — тесно связанные между собою стволы и ветви деревьев, — с большим трудом одолевает несчастные хляби. Сам король, наравне со всеми, делит тяготы нелёгкого пути. Солдаты, увязая по колено и по пояс, кое-как выбираясь из зыбкой трясины, нещадно ругаются.

— Проклятая страна!.. — ворчит один.

— Здесь место только кодунам и ведьмам!.. — вторит другой.

— Остерегись, приятель! Не поминай их всуе! — предостерегает третий. — Не то они затянут тебя на дно!..

Карлу по цепочке передают:

— Слева, в полумиле, стоит русская пехота...

Король громко командует:

— Кавалерию ко мне!..

Всадники, яростно нахлёстывая лошадей, из последних сил стараются выбраться

на твёрдую землю. Почти на ощупь они поднимаются на пологий берег, и к королю приближается генерал Шпарре:

— Ваше Величество, похоже, мы оказались между двух русских дивизий!..

— Чёрт возьми! Это очень скверно!.. — взволнованно восклицает Карл.

К нему подъезжают Шлиппенбах и Канифер. Шлиппенбах вопрошает:

— Что случилось, Ваше Величество?..

— Мы оказались в ловушке! Справа и слева — русские...

Канифер, стараясь казаться спокойным, заключает:

— Это называется — угодили между двух огней. И что теперь?..

— Драться! Не возвращаться же назад, в этот ад!.. — решительно бросает король.

Но Шпарре пытается найти выход:

— А если драться, то с кем?.. С теми и другими?..

Генералы и король лихорадочно размышляют. Между тем, на берег понемногу выбирается пехота и небо над долиной заметно светлеет. Канифер замечает обеспокоенно:

— Если вдруг покажется солнце, то противник всё увидит, и нам точно не поздоровится!..

Помощники выжидательно смотрят на короля. Карл бодро вопрошает:

— А где находится Украина, кто знает?..

Канифер показывает налево:

— Там, Ваше Величество...

— Вот туда мы и ударим! К бою! Вперёд!..

Трубачи трубят боевой сигнал, и шведская кавалерия, обнажив палаши и сабли, смело летит туда, куда указывает король...

А в расположении дивизии генерала Репнина, когда из облаков тумана, словно сказочные видения, возникают многочисленные всадники с поднятыми клинками, начинается паника...

Солдаты, не успев зарядить ружья и примкнуть штыки, разбегаются куда попало. Драгуны и гусары не в силах найти и оседлать коней. Пушкари тут же бросают бесполезные орудия... Шведы только успевают колоть и рубить... Теперь они теснят русских к тем же болотам, которые сами успели недавно преодолеть. И во главе наступающих сам король...

И на правом фланге, где начальствуют Шереметев и Меншиков, тоже слышен шум яростного сражения. Из палатки фельдмаршала выбегает Меншиков, тревожно осматривается, приставив к глазу подзорную трубу. Следом выбирается тучный Шереметев:

— Ну, что там, Александр Данилыч?..

Меншиков сердито бурчит:

— Чёрт его разберёт! Ни шиша не видно...

Слышен конский топот. Меншиков выхватывает пистолет, но у палатки появляется запыхавшийся вестовой:

— Господа генералы, шведы напали на Репнина!.. Погиб генерал Шведен, убиты несколько офицеров и сотня солдат...

Меншиков властно кричит:

— Трубить тревогу! Всем в ружьё!..

В лагере поднимается суета. Небо над долиной проясняется, и вдалеке уже ясно различимы синие мундиры шведов. Шереметев командует:

— Пушки к бою, живо! Изготовиться к баталии!..

Шведы, захватившие наши орудия в дивизии Репнина, усиленно пытаются развернуть их в сторону Шереметева и Меншикова, но русские оказались проворнее. Гремит пушечный залп, и десятки бомб падают в расположение противника. Там появляются убитые и раненые...

— Где король?.. — мечется встревоженный адъютант Канифер.

— Он погнался за русскими!.. — стонет раненый офицер. — О, Боже! Помогите нам... Как мне больно...

— Чёрт возьми!.. — ругается Канифер. — Сейчас они нас раздавят!..

Гремит ещё один залп и ещё... Адъютант, яростно нахлестывая коня, уносится прочь...

А Карл, между тем, прочно увяз в болотной трясине, и его гнедой жеребец, выкашив тёмно-синие зрачки и разорвав до крови губы, изо всех сил пытается выбраться из губительной западни. Король в немом отчаянии оглядывается по сторонам, но вокруг никого... Видны только бесчисленные шапки болотных кочек и угольно-чёрные стволы деревьев...

Конец мая. Город Киев. В поместье воеводы Иосифа Потоцкого, в роскошном кабинете сам воевода, гетман Мазепа, писарь Орлик, обозный Ломиковский, командир сердюков Чечель, атаман запорожцев Гордиенко.

Потоцкий сообщает негромко (разговор идёт по-польски):

— Москалей убито больше ста человек... Сотни четыре взято в плен...

Гордиенко любопытствует:

— А шведов?.. Они все живы или как?..

— Шведов полегло больше тысячи, а сам король...

— Что с ним? Ранен?.. — встревоженно вставляет Мазепа. — Неужто убит?!..

Потоцкий, чуть улыбнувшись, поясняет:

— Карл увяз в болоте... Его кое-как вытащили польские наёмники... Он чудом избежал плена, а может — и гибели...

Заговорщики утрюмо молчат. Верные помощники Мазепы исподтишка переглядываются. Сам гетман делает отсутствующее лицо. Потоцкий хмуро замечает:

— На войне, конечно, случается всякое, — он ищет взгляда Мазепы, — но самое скверное, панове, то, что шведам пришлось возвращаться в Могилёв, на исходные позиции... Теперь всё нужно начинать сначала...

Мазепа глухо вопрошает:

— А где был царь?..

— Пётр сидит в своей ставке в Витебске... — охотно поясняет Потоцкий, — Он ждёт прихода генерала Ренна...

Ломиковский прибавляет:

— То бишь — очередного подкрепления?..

Воевода молча кивает головой. Чечель мрачно замечает:

— Тоды Карлу буде зовсим нэ сладко!..

Сообщники разочарованы и подавлены. Каждый уже подумывает о том, как бы избежать опасного и гибельного финала. В дверях появляется рослый, разнаряженный гайдук:

— До пана гетмана прибыл гонец от москалей!..

Присутствующие растерянно переглядываются, хотя в словах слуги нет ни малейшего намёка на опасность. Первым приходит в себя Мазепа:

— Панове добродийство, — говорит он негромко и вкрадчиво, — вы сэбэ ступайтэ тихесенько, а мы з ним погутарим... Мало ли чэго?.. — заговорщики беспрекословно удаляются через потайную дверь. Гетман кивает гайдуку: — Веди его...

Входит маленький, кругленький вице-канцлер Пётр Павлович Шафиров:

— Доброго здоровья, Иван Степанович!..

Мазепа вскакивает и восклицает с неподдельной радостью:

— Здоровеньки булы, Пётр Павлович!.. Якими судьбами?.. Вот нэ думав, нэ гадав!.. — они сердечно обнимаются. Мазепа радушно предлагает: — Сидай, будь ласка, дорогой... Я дюже рад тэбэ!.. — Шафиров садится. А гетман не умолкает: — Давно приехав? Що тэбэ сюда привэло?.. Якая нужда у ясновельможного пана до нас, бедных да сирых?..

Гость пристально смотрит на собеседника:

— Ты умный человек, Иван Степанович, и мог бы сразу догадаться, что я по собственной воле за сто вёрст киселя хлебать не стану! Ни к чему мне это...

Мазепа прячет улыбку и переходит на русскую речь:

— Стало быть — тебя сюда послали?..

Шафиров откровенно признаётся:

— Ага. Послали... И подумай — кто?..

— Неужто сам государь — Пётр Алексеич? — теряется в догадках гетман.

— Нет. Не он... — чуть помедлив, отвечает нежданный гость.

— Тогда Александр Данилыч Меншиков, — предполагает Мазепа. Шафиров качает головой:

— Опять не угадал... — делает небольшую паузу. — Граф Головкин...

Гетман с маху ударяет себя в лоб:

— Гаврила Иваныч?.. Как же я сразу не дотумкал! — качает головой. — Ох, видно, совсем старый стал... Нюх потерял! На покой пора...

Шафиров иронично прибавляет:

— На покой, говоришь?.. — улыбается, — А молодая девица тебе зачем?.. Чтобы скрасить унылый стариковский досуг?..

Мазепа явно в растерянности, но быстро приходит в себя:

— Там уже всё известно?.. — он кивает головой в сторону.

— Известно, — усмехается Шафиров. — И догадайся — от кого?..

Гетман пожимает плечам:

— Врагов у меня хватает... Пол-Украины люто ненавидит своего гетмана за то, что я верно держу руку русского царя, — крестится, — служу ему верой и правдой, врагов себе наживаю...

Шафиров жёстко обрывает его:

— Девица, в конце концов, дело десятое... Мало ли чего! Хотя не грех было бы и поостеречься... — он говорит ему в упор: — Обвиняют тебя в том, что ты готовишь измену... Пришёл на тебя донос — предатель ты будто!..

— Я?! — Мазепа изо всех сил выдерживает взыскующий взгляд гостя. И, чтобы разуверить его, вновь размашисто крестится. — Как перед Господом Богом!.. Чтоб на могиле моей черныбыль вырос!.. Да кто ж посмел измыслить такое?! Кто враг всей моей жизни?!.. Хотел бы знать...

— Кочубей, — кратко отвечает Шафиров.

Гетман потрясённо умолкает. Сурово молчит и посланец, обдумывая всё сказанное. Нельзя утверждать наверняка, что его убедили ответы гетмана, но первопричину случившегося он готов принять безоговорочно.

— Эх, Иван Степаныч, Иван Степаныч... Разве мало тебе своих дворовых девок?..

— Шафиров укоризненно смотрит в лицо старого сластолюбца. — А она же твоя, как говорят, крёстная дочь... Одумайся!..

Мазепа понимает, что теперь ему лучше всего искренне раскаяться в содеянном и признать свою вину. Он опускает голову и глухо бормочет:

— Бес меня, видать, попутал... А как — сам не пойму! Ох, грехи, грехи наши тяжкие... — крестится. — Верно люди говорят: седина в голову — бес в ребро... — тычет себя в седые виски. — Вот он, старый дурень, — поглядите на него!..

Шафиров снисходительно улыбается:

— Не казни себя понапрасну!.. Отдай девку родителям — и дело с концом! Разопьёшь с Кочубеем по чарке горилки, обниметесь да расцелуетесь, как это у вас, хохлов, заведено, и всё закончится миром!.. — гетман тяжело вздыхает. Собеседник понимает это по-своему: — Или ты её, грешным делом, уже испортил? — озорно подмигивает старику. — Ну, ничего!.. Отвалишь судье грошей побольше или хуторок какой подаришь, а он и дочку, и донос свой назад заберёт, верно?..

— Он заберёт! Жди!.. — сердито ворчит Мазепа. Гость пожимает плечами:

— Ну, тут я тебе, дорогой гетман, не советчик... Моё дело — предупредить, а дальше — разбирайтесь сами... — гетман сосредоточенно молчит. Шафиров поднимается на ноги: — А теперь, Иван Степаныч, позволь откланяться! Пора мне...

Мазепа тоже встаёт, пытаясь собраться с силами:

— Погоди, Пётр Павлович, что-то ты уж больно скоро! А пообедать да выпить по чарочке? За встречу?..

— Не уговаривай, Иван Степаныч!.. — решительно отказывается гость. — Я — человек подневольный, и время нынче беспокойное... — понижает голос. — Того и гляди — очередной донос напишут...

Гетман обескураженно качает головой и хлопает в ладоши. Появляется гайдук. Мазепа распоряжается:

— Принеси, хлопче, мою шкатулку... — Шафиров притворно вздыхает. Слуга приносит шкатулку. Гетман открывает её и достаёт золотой перстень с изумрудом: — Прими, дорогой Пётр Павлович, от чистого сердца...

Гость почти искренне благодарит:

— Спасибо, пан гетман! Век не забуду...

Мазепа, кланяясь в пояс:

— И большой поклон Гавриле Ивановичу... Я его неоплатный должник, — улыбается. — И твой тоже... — гость надевает перстень на руку, мелкомком смотрит на него. Мазепа мирно продолжает: — А государю нашему, Петру Алексеевичу, непременно доложи, что я всегда был его верным слугой и буду им впредь, до смертного часа!.. На том и буду стоять!.. — осеняет себя крестным знамением.

Шафиров согласно кивает и направляется к выходу, гетман следует за ним. Они выходят во двор, где гостя поджидает запряжённая карета. Шафиров усаживается в неё, кучер взманивает кнутом... Мазепа, стоя на крыльце, старательно машет рукой...

Но стоит экипажу укатить со двора, благодатная улыбка на лице гетмана сменяется озабоченностью и тревогой. Он спешно возвращается в палаты и тут же проходит в опочивальню. Матрёна, полуодетая, мирно сидит у окна, прилежно занимаясь рукоделом. Мазепа делает несколько быстрых, совсем бесшумных шагов, потом застывает на месте. Любовница поднимает голову:

— Ты не скучаешь? — он не знает, куда девать свои руки.

— Ни, — спокойно отвечает девушка, — тильки Анку зустріть хочу... Як там вона? Давно её нэ бачила...

Гетман подходит ближе:

— По сестре соскучилась важко?.. — он осторожно улыбается. — Вжэ скоро ты её, мабудь, побачишь...

— Як побачу?.. Колы?.. — удивляется девушка. Мазепа наклоняется и целует её. Матрёна охотно принимает его ласки.

— Як? — повторяет любовник. — Мэнэ здаецца, що тэбэ трэба вертаться до дому...

— Куды?.. — не понимает Матрёна.

— У Батурич, — мягко наставляет её Мазепа. — Такэ дило зачнулось, що трэба зараз усё кинчать... Мало выйдет ще хуже... Розумеешь, чи ни?..

Любовница непонимающе смотрит на него. В её юном, нежном лице страх, тревога и обида. Старый гетман прячет глаза...

23

Белоруссия. Город Витебск. Начало июня. Главная ставка царя Петра. В небольшой комнате расположился сам государь, фельдмаршал Шереметев, генералы Меншиков, Голицын, Репнин. Пётр гневно мечется между ними, сердито выговаривая последнему:

— Мало того, что ты проспал баталию, — он грозит Репнину кулаком, — по твоей милости погиб генерал Шведен!.. Убиты офицеры, солдаты... Как ты допустил сие, ротозей?!..

Репнин жалобно оправдывается:

— Государь! Пётр Алексеич...

Пётр яростно кричит:

— Замолчи, сволочь! Я велю тебя расстрелять! Немедля!..

Все потрясены. Репнин как подкошенный падает на колени:

— Государь! Пощади! Виноват... — по щекам его катятся слёзы. Меншиков, Голицын и Шереметев тоже готовы упасть на колени, все дружно просят:

— Мин херц! Государь! Помилосердствуй! Смилуйся! Прости его...

Просьбы ближайших помощников всё-таки возымели действие. Царь машет рукой:

— Ну, будет! Довольно! Уймьтесь, защитники!.. — он останавливается перед коленопреклонённым генералом. — Так и быть — прощаю!.. Но увольняю от должности!.. И генеральского звания лишаю...

Репнин, уронив голову на грудь, рыдает, будучи не в силах подняться. Пётр рывком ставит его на ноги и крепко целует:

— Заслуги твои помню, потому и щажу... Но впредь берегись — голову сниму!.. Посмей только!..

Разжалованный генерал вытирает слёзы прядями густого парика. Государь усаживается на стул, пристальным взглядом окидывает своих помощников и неожиданно спрашивает:

— А как думаете, господа генералы, почему Карл двинулся на юг, а не пошёл на Смоленск?.. Стойкость нашу испытывает или тень на плетень наводит? Ответствуйте...

Первым придя в себя, отвечает Шереметев:

— Я полагаю, государь, что шведы всё-таки прознали, что на смоленском направлении их встретят, как подобает, и потому они ищут себе обходных путей... Только найдут ли?..

Но Меншиков не соглашается:

— А мне думается, что Карлус устал ждать подмоги и сам пошёл навстречу Левенгаупту...

Его поддерживает Голицын:

— Так оно и есть... Тем паче, государь, что тот везёт большие запасы продовольствия, с которыми у Карла негусто...

Пётр нехотя соглашается:

— Ну, ин ладно... — усмехается. — Шведский владыка опять в Могилёве. Будем считать, что ему пока не шибко везёт... А что далее?..

Генералы не торопятся с ответом. В комнату входит граф Головкин:

— Государь, я прибыл, как мне было велено. И не один...

— Погоди, Гаврила Иваныч, тут не до того... — царь не сразу понимает, в чём суть дела... Обожди с докладом...

Головкин разводит руками:

— Как ты приказывал, Пётр Алексеич, я привёз с собой судью!..

— Какого ещё судью?.. — недоумевает царь.

Граф поясняет:

— Кочубея...

— Это по тому делу? Касаемо гетмана, что ли?..

Головкин кивает:

— Точно так, государь... По доносу на гетмана Мазепу...

Меншиков осторожно добавляет:

— А Карлус, между прочим, шёл на юг... Украина ведь именно там...

Царь минуту раздумывает, потом машет рукой:

— Ладно, быть по сему. Веди его...

— С ним ещё полковник Искра.

— Хорошо. Давай обоих...

В комнату приводят судью и полковника. Вид у доносчиков подавленный, опустошённый и заметно помятый. Пётр обращается к Головкину:

— Явились они добровольно?.. Уговаривать не пришлось?..

Граф пожимает плечами:

— Какое там — добровольно!.. Под усиленным конвоем везли и глаз ни на миг не спускали!..

Пётр переводит тяжёлый взгляд на обоих виновных:

— Как это понимать, господа казаки?!.. Коли вы чуете за собою правду и желаете обличить изменника, то почто хотите избежать ответа?!..

Кочубей негромко отвечает:

— Я, государь, всё как есть написал. Не утаил ни слова. Чистую правду...

Пётр грозно восклицает:

— Читал я твою бумагу, гораздо читал!.. — едва сдерживая себя. — Но там ни слова путного, одни сплетни да наветы!.. Ты пишешь, что гетман ждёт к себе польского короля, а где улики?.. Где договоры, письма, клятвы?.. Одним словом — где прямые доказательства?! Их нет... — виновники молчат. Царь ядовито прибавляет: — Мои присные тоже меня не шибко любят, — показывает на своих генералов, — и за моей спиной кланут меня, поди, на все корки... Всех чертей наверняка сулят!.. Не так, что ли?.. — у помощников от ужаса глаза лезут на лоб. — И что же теперь?! Мне их всех на осине вешать надобно?.. — царь зло усмехается. — Ежели крепко проштрафятся — повешу! За сим дело не станет...

Кочубей упорствует:

— Мазепа держит при себе польскую охрану и дружит со свояченицей польского короля... И киевский воевода Потоцкий — поляк... Католической вере привержен...

— А у меня жена — немка и часть генералов тоже... И что тут такого? — Петр смотрит на Искру: — А ты что скажешь, полковник? Улики у тебя есть?.. Представь. Покажи...

Искра глухо отвечает:

— Пан судья всё сказал...

Пётр, качая головой, обращается к Кочубею:

— Ты слышал, надеюсь?.. Коль ты судья, то и веди себя, как подобает судье... Я знаю, что гетман у тебя дочку сманил, и ты, видимо, решил мстить ему... — усмехается. — Только месть выходит подлая — чужими руками ты с обидчиком расправиться хочешь... Не выйдет! — грозит ему. — Я руки в гетманской крови марать не стану... Не рассчитывай!..

Кочубей опускает голову. Меншиков делает слабую попытку выгородить виновных:

— Государь, Мазепа опозорил свою крестную дочь!.. Это ли не вина?..

Царь категорично заключает:

— Пусть с этим разбирается святая церковь и Господь Бог!.. Не наше это, грешных людей, дело... Не мирское суть...

Головкин соглашается:

— Твоя правда, Пётр Алексеич!..

Шереметев, Голицын и Репнин сочувственно кивают головами. Пётр твёрдо произносит:

— Знаю... — взыскующе смотрит в лица обвиняемых. — Ежели вам больше нечего сказать — ступайте вон!.. — Головкину: — А ты, Гаврила Иваныч, распорядись... — и со значением кивает головой.

Кочубея с Искрой выводят.

Повисает тяжёлая, удушающая пауза. Оставшиеся избегают взглядов друг друга. Царь понимает, что каждый из его помощников невольно ставит себя на место несчастного судьи. Он говорит с издёвкой:

— Ишь, ловкий какой!.. Хотел мне глаза отвести и полковника с собою прихватил... Ан нет — провалилась затея!.. — взыскующе смотрит на подчинённых. — Вот так, господа генералы, заканчиваются злобные наветы... Не кляни другого, ежели сам

нечист!..

Меншиков осторожно вставляет:

— Мне кажется, мин херц, что и сам Мазепа чистотой не блещет... Наш турецкий резидент сообщает, что гетман через крымского хана пытался связаться с самим султаном...

— Насколько точны эти сведения?..

— Надо проверить... — в голосе Меншикова заметно колебание.

— Ты прежде проверь, а потом докладывай!..

— Будет исполнено, государь...

— Ну, то-то же... — миролюбиво заключает царь. Генералы, понимая, что гроза миновала, заметно успокаиваются...

24

Средина июня. Левобережная Украина. Тихое село Диканька, владение генерального судьи Кочубея. В просторной хате, в горнице, сидят хозяйка и её старшая дочь Анна. Мать, едва сдерживая слёзы, жалуется старшей дочери:

— Воны вмисти с Искрой бежалы у Червонный Кут до полковника Осипова, но там их взяли и повезлы к царю...

Анна, искренне сочувствуя, переспрашивает:

— Батьку и дядьку Ивана?..

— Эгэ... — горестно подтверждает мать. — Пид конвоем... — она утирает слёзы. —

Ох, горе, горе якое!..

Дочь негодует:

— А гетман?.. Вин чэго робил?!.. Ничого нэ бачил, чи як?!..

— А щось гетман?.. — мать безнадежно машет рукой. — Вин сидит сэбэ у Києве, або у Батурине, да з твоей сестричкой милується, щоб ему повылазило! И ей тэж, поганке!..

Анна участливо вздыхает. Хозяйка плачет, уткнувшись в рушник, и по всему заметно, что скорби этой не будет конца, как это случается у любой украинки. И старшая дочь, глядя на неё, тоже начинает безудержно лить слёзы... Дворовая прислуга, особенно женщины, безмолвно, как привидения, бродят по усадьбе, а на их лицах застыло глубочайшее, безграничное сочувствие...

— И що тепер з ними буде?... — сквозь слёзы вопрошает дочь.

— Хиба я знаю?!.. — неутешно рыдает мать, давая понять, что ожидает самого ужасного, и Анна улавливает это. Тогда её плач обращается в вой, в вопли и стенания, словно по умершим. И теперь вся Диканька оглашается мольбой и причитаниями, которым не предвидится конца...

А по дороге из Полтавы, вздымая облака пыли, несётся бричка с плетёным кузовом, но впереди изади неё неотступно скачут верховые. Дворовая девчонка, не мигая, глядит на дорогу из-за плетня, потом срывается с места и вихрем летит в хозяйский дом:

— Пани! Пани!.. Мотря едет! Дюже швидко!..

Хозяйка и дочь остолбенело смотрят друг на дружку, одним полотенцем проворно вытирают мокрые лица и наперегонки спешат на крыльцо. Вначале во дворе появляются конные, затем следом вкатывается бричка и замирает посередине. Казаки спешиваются, и один, поклонившись хозяйке, говорит со сдержанной улыбкой:

— Ось вона!.. Примайте, шановни пани!..

Обе женщины — молодая и старая — во все глаза смотрят на вновь прибывшую. Матрёна сидит — ни жива, ни мертва — под плетёным навесом тарантаса, застыв, словно изваяние. Дворня, высыпавшая изо всех углов, и казаки-проводатые тоже замерли, во все глаза наблюдая душераздирающую картину. Только лошади, поводя взмысленными боками и отгоняя хвостами назойливых слепней, нарушают зловещую тишину...

И вдруг старшая дочь, будучи не в силах сдержаться, стремглав бежит к повозке, подлетает, встаёт на цыпочки и тянет руки кверху. Матрёна почти падает в её объятия, и обе сестры заливаются навзрыд...

Тогда и сама мать спускается с крыльца...

Она выступает нарочито неспешно и целенаправленно, чувствуя, что на ней жадно скрещиваются все взоры собравшихся. И каждый шаг пожилой женщины мигмом запечатлевается в глазах зевак. А стоит ей оказаться возле брички, как обе её дочери разом умолкают, словно им запечатали рты...

— Явилась, поганка! — зло цедит мать, испепеляя глазами грешницу. — Як тэбэ земля носит!.. — она говорит полушёпотом, зная, что каждое её слово, каждый звук отдаётся набатом в ушах и сердцах окружающих. Матрёна цепенеет...

— Батьку свою згубила!.. Мэнэ згубила!.. Усих нас згубила!.. — она тянет руки с

намерением схватить беглянку за волосы и стащить её наземь, но вдруг прижимает дочь к себе, и все трое начинают дружно голосить...

— Вин мэ́нэ прогнав!.. — обливается слезами Матрёна. — Мазепа казав — вертайся швыдче до дому...

— Ой, жэж, ты моя нерозумна дытына! Нещастье мое... — приговаривает мать. — Що ж ты наробила! Скільки бед и горя принесла!.. А на що?!.. Для чого?.. Кажи!..

— Мамо, — проникновенно спрашивает Анна, — пожалкувайте вы её!.. Вона ще молода... Проститэ её, мамо...

Младшая дочь жалуется сквозь слёзы:

— Мазепа хоче, щоб я пишла у монастырь...

— Куды пишла?! — давясь рыданиями, восклицает мать.

— У монастырь!.. — и младшая дочь тонет в слезах.

Прислуга, столпившаяся вокруг, наймиты и наймички, и молодые казаки охраны, видя проникновенную, душещипательную картину, размягчились и разжалобились совсем. Женщины, не скрываясь, плачут. Мужчины, не глядя друг на друга, сурово сводят брови и тихо склоняют головы. Над Диканькой витают уныние и скорбь...

25

Конец июня. Белоруссия, город Могилёв. Ставка шведского короля. В дом, где расположился король, входят Лещинский и генерал Крассау. Их встречает генерал-адъютант Канифер:

— Вы хотите видеть Его Величество, Эрнст? — по-свойски спрашивает он шведа. Крассау кивает на польского короля:

— Нам не терпится узнать о дальнейших планах кампании...

Канифер осторожно замечает:

— Его Величество крайне обеспокоен недавними событиями под селом Головчиным...

Лещинский бросает явно невпопад:

— Но мои поляки вели себя очень достойно!..

Канифер произносит полушёпотом:

— О том, что они выручили монарха, — лучше не вспоминать! Забудьте...

Дверь неожиданно распаивается, и в комнату стремительно входит Карл:

— Доброго здорovia, господа! Я, как видите, бодр, здоров и невредим. Чего и вам желаю... — присутствующие кланяются. Король хвастливо заявляет: — Победены не только русские — победены их леса, болота и оплоты! Я приказал выбить медаль в честь этого славного сражения!.. Как вам это?..

Лещинский пытается быть нейтральным:

— Поляки, Ваше Величество, надеюсь, не будут забыты?..

— О чём Вы, Станислав?.. — якобы не понимает Карл.

— Лышу себя надеждой, что на этой памятной медали будет выбито хотя бы одно польское имя...

Шведы молчат. Король недовольно хмурится:

— Да, кстати — садитесь, господа!.. — все садятся. Карл деловито продолжает: — А теперь относительно наших дальнейших планов: я намерен вас, Станислав, и генерала Крассау направить в Польшу... Даю вам — каждому — по дивизии, и действуйте!.. Поднимайте всех поляков против Москвы...

Крассау откровенно недоумевает:

— Но позвольте, Ваше Величество, в Польше нет активных сторонников царя Петра!..

— Зато там есть пассивные... — пожимает плечами Карл и поворачивается к польскому королю. — Верно, Станислав? Или я ошибаюсь?.. — тот согласно кивает в ответ. — Вот поэтому я и направляю вас туда... Во-первых — это умерит пыл тех, кто хоть как-то сочувствует русским, а во-вторых — заставит шевелиться наших явных и тайных союзников... К примеру — того же Мазепу... Кстати, что он подельывает?

Лещинский:

— Гетману теперь приходится выкручиваться. Увы!..

Канифер с иронической улыбкой:

— Он по-прежнему ведёт двойную игру?..

— А ничего другого ему не остаётся... — пожимает плечами Лещинский. — Интрига состоит в том, что на Мазепу написали донос...

Карл восклицает:

— Вот как?! И кто же?..

— Его ближайший помощник — генеральный судья Кочубей...

Крассау, усмехаясь, цедит:

— Ну, если сам судья, то его судьба предрешена. Судьи знают, что писать!..

Карл сокрушённо качает головой:

— Вот и доверься этому увёртливому хохлу!.. — смотрит на польского короля: — А что с этим бунтом донских казаков, Станислав?.. Мы надеялись, что он отвлечёт у Петра значительные силы...

— К сожалению, Ваше Величество, их предводитель Булавин убит, а сам мятеж почти подавлен...

Канифер и Крассау хмурятся. Карл снисходительно замечает:

— Подведём, господа, предварительный итог: русских мы потрепали, но до окончательного разгрома дело пока не дошло... — качает головой. — Меня предупреждали, насколько опасно вторгаться на чужую территорию, а к москвитам особенно... — деланно улыбается. — Я это отлично прочувствовал, сидя в том мерзком болоте!.. Ощущение не из приятных, уж поверьте!.. — собеседники тоже улыбаются, но отнюдь не беззаботно. Король замечает это и тут же серьёзнее: — Русский царь — хитрый парень, хитрый и коварный... Но мы решительно противопоставим ему нашу отвагу, твёрдость и настойчивость... И заставим его принять генеральное сражение, которое станет его несмываемым позором и проклятьем! Так и будет!.. — собеседники согласно кивают головами. Карл обращается к Лещинскому и Крассау: — Итак, отправляйтесь, господа! Я жду от вас непереманных успехов...

Генерал и польский король встают и выходят. В комнате остаются Карл и его адъютант...

26

Июль месяц. Левобережная Украина, город Белая Церковь. Ставка гетмана Мазепы. В полутёмном остроге, в цепях, томятся Василий Кочубей и полковник Иван Искра. Ручные и ножные кандалы обоих узников примкнуты к кольцам в каменной стене. Лохмотья драной, потрёпанной одежды кое-как прикрывают их истерзанные тела. Искра тщетно пытается сменить позу, с великим трудом поворачивается набок и тихо стонет. Кочубей открывает глаза:

— Тяжко тэбэ, полковник?..

Искра пытается улыбнуться:

— И тэбэ, я чую, нэ сладко, пан судья...

— Верно чуешь... Совесть мэнэ мучит — для чого я тэбэ втравив в цею свару?.. Тильки на щире погибель...

Искра миролюбиво утешает:

— Нэ кори сэбэ, Василь!.. Що стряслось, то стряслось!.. Теперь, кромэ Господа Бога, нам никто нэ поможе...

Кочубей соглашается

— Цэ так... — после минуты молчания: — Здаётся мэнэ, Иван, що згинем мы ни за понюх тютюну!.. Никому и ничего нэ доказав...

— А Мазепа будэ в героях ходыть!.. — укоризненно подхватывает Искра.

Тяжело гремит засов, с грохотом распахивается массивная кованая дверь, узники закрывают глаза от яркого света, ворвавшегося в тёмный каземат. А на пороге возникает коренастая фигура гетмана. Кандалники, скорее нутром, почували это и сквозь судорожно прижмуренные веки безуспешно пытаются рассмотреть своего палача...

Мазепа при полном параде — в дорогом, расшитом кафтане, шапке с собольей оторочкой, с увесистой булавой и косматым бунчуком в руках. Но его пышное облачение — это не пустое бахвальство, а своеобразный вызов кандалникам. Дескать, вот вам, смотрите — вопреки вашим доносам я по-прежнему на самой вершине власти! И невольники точно понимают этот своеобразный демарш...

Малороссийский владыка картинно и неспешно входит в каземат. Осматривается. Глаза его с большим трудом привыкают к глухому полумраку. Измождённый, поверженный, жалкий вид арестантов, тем не менее, благотворно действует на вошедшего. Он даже слегка размягчается:

— Що, Василь, богато ты добився своими наветами?.. Може, поделишься зи мной?..

Кочубей глухо звенит цепями:

— Як бачишь...

— Бачу, бачу... — с усмешкой кивает Мазепа, подходя ближе. — Хиба ты нэ знав, чем кинчається така погана вигра?..

Судья хмуро соглашается:

— Знав, да що з того?..

Гетман подхватывает, как бы сожалея:

— А колы знав, зачем у цэ дило ввязався? Нади мною думав поизгальтись?.. Пид топор мэнэ пидвесть?.. Нэ выйшло!..

Кочубей мстительно цедит:

— Ты у мэнэ дочку сманив...

Мазепа, злорадно усмехаясь:

— Я у тэбэ нэ тильки дочку — жинку могу забрать... — машет рукой. — Тильки на що мэнэ вона?!..

Судья глухо напоминает:

— Бога ты нэ боишься!..

— Ты думаешь, вин на твоей стороне?.. — качает головой Мазепа.

— Вин на стороне правды!..

Гетман поворачивается к Искре:

— И ты так думаешь?..

Полковник молча кивает головой. Мазепа произносит убеждённо:

— Никто усей правды нэ знае... — он широко крестится. — Я ни для сэбэ, а для всей Украины воли шукаю...

Кочубей — с издёвкой:

— Для Украины? — кое-как сплёвывает, — Пана ты ей другого шукаешь... И сэбэ тэж... Гляди — нэ промахнись!..

— Я — стрелянный горобец, мэнэ на мякине нэ проведешь!..

— Воны тэбэ нэ мякиной, а сетью опутают, а з тобою и усю Украину...

— Мовчи! — Мазепа теряет терпение. — Ничого ты нэ розумеешь... Твья жинка тобою вэртит — ты у неё пид чоботом...

— А ты попадешь пид чобот шведьского короля, або ще кого-то...

— Мовчи, я казав! — яростно кричит Мазепа и поворачивается к свите: — На майдан их, зрадников! Швыдче!..

Судью и полковника, не освободив от цепей, выводят из острога. Сажают в простую телегу и везут на городскую торговую площадь — майдан. Сам гетман едет в карете, сопровождаемый сердюками во главе с Чечелем...

На площади собралась большая и пёстрая толпа народа: тут и реестровые казаки, и запорожцы в самых немыслимых одеяниях, простые мужики и бабы, которых привела сюда жажда щекочущего нервы зрелища...

Казацкая старшина стоит тесной кучкой, не желая смешиваться с чёрным людом. Лица Орлика, Войнаровского, Обидовского, Ломиковского, Горленко, Полуботка, Гордиенко чересчур серьёзны и значительны. Они понимают, что присутствуют при некоем показательном событии. Среди толпы слышны голоса:

— За що их казнять?..

— Воны якую-то цыдулу писалы...

— И що? Теперь их на шибеницу?..

— Якую шибеницу? Дэ ты её бачишь?

— Дывись — вона кат з секирою... Вин усё и зробит...

На высоком помосте, и вправду, расхаживает дюжий палач с топором в руках, привлекая к себе все взоры. Это его грозное, неумолимое торжество. Каждый из толпы невольно представляет себя на месте будущих жертв и с ужасом и подобострастием следит за приземистой, крепкой фигурой с безжалостным орудием наготове. Раздаются крики:

— Везуть! Везуть!..

Появление скрипучей телеги с измученными кандалниками вызывает у всех собравшихся, почти без исключения, прилив жалости и сочувствия. Даже чопорные старшины, изо всех сил изображавшие своё превосходство и безмятежность, невольно склоняют головы. Повсюду воцаряется мёртвая, кладбищенская тишина...

Судью и полковника под руки спускают с повозки и ведут на помост. Траурный звон цепей уныло и тревожно разносится в воздухе...

— Господи Иусе!.. Та що ж цэ будэ?!.. — раздаётся в жуткой тишине недоумённый женский возглас, как будто его обладательница не хочет верить, что на её глазах свершится нечто трагическое и ужасное. И вся тысячная толпа людей одновременно вздрагивает...

Но тут подъезжает роскошная карета гетмана, и Мазепа, с помощью гайдуков, медленно вылезает из неё. Он сразу ловит общее настроение собравшихся, принимая суровый, непогрешимый вид. Сейчас он властитель судеб не только двоих несчастных, но и всего украинского народа...

— Панове добродийство и уси громадяне! — голос старого гетмана звучит хрипло и негромко, однако все обращаются в слух. — Русский царь отдав в мои руци сих лихих, безсоромных людей... — он указывает булавою на двух кандалников, — и казав — зроби з ними, що хочеш, на твий розум я надеюсь...

Хитрый гетман сделал короткую паузу, чтобы люди вокруг поняли: вину преступников определил сам царь, а её мера и состав — на совести малороссийского владыки.

— Воны оболгали мэнэ! — голос Мазепы крепнет. — И думалы, що царь з гетмана голову знимет але вздёрнет его, клятого, на шибенице! Нэ вийшло!..

Народ понемногу зашевелился. Слова о наглой клевете провинившихся посеяли в умах и душах казаков праведное чувство негодования. Слишком многие из них знали, что такое чей-то подлый поклёп. Мазепа отметил это:

— Хиба мы з вами нэ розумеем, що цэ таке? Як из доброго чоловика можно зробить ворога, падлюку та хриstopродавца?! И потим щиро клясть его!..

— Вэрно гутаришь! — слышались негромкие голоса. — Усе можно!..

Мазепа приосанился:

— Так що мэнэ з ими робить? Пожалкувать их, можэ?..

— Голову з их снять! — зазвучали громкие голоса. — Смерть им!..

И, чтобы не дать остыть умело раздутому гневу, гетман махнул рукой:

— Кинчайте их!..

Судью и полковника подталкивают к плахе. Палач срывает с Кочубея остатки кафтана и ловко опрокидывает его на деревянный брус. Судья едва успеваает переkreститься. В руке ката сверкает топор...

Толпа ахает. Все собравшиеся, с нетерпением и ужасом ждавшие этой роковой минуты, разом цепенеют от случившегося — слишком скоро, постыдно и необратимо прервалась чужая жизнь. Женщины начинают безудержно лить слёзы...

К плахе подводят полковника. Искра быстро крестится. Мазепа отводит взгляд, и в глазах его мелькает если не сочувствие, то какая-то тревожная, беспокойная мысль. Он опускает булаву...

27

Август месяц. Белоруссия. Русское войско расположилось по берегу небольшой реки Ипать, вблизи местечка Доброе. На пригорке, оседлав коня, главенствует сам царь Пётр с подзорною трубой в руках. А чуть поодаль, тоже верхами, находятся Шереметев, Меншиков и князь Голицын. Царь зорко вглядывается вдаль. Меншиков тоже подносит к глазу трубу:

— Похоже, мин херц, что Карл всё-таки идёт на Москву...

— А не водит ли он нас за нос?.. — недоверчиво замечает Шереметев.

— В его положении, — резюмирует Голицын, — это весьма рискованно... Хороших дорог в том направлении нет. И продовольствия тоже...

Генералы ждут ответа государя. Но Пётр неожиданно обращается к Шереметеву:

— Погляди-ка, Борис Петрович, на шведские порядки... — он передаёт трубу фельдмаршалу. Тот смотрит долго и внимательно:

— Вижу, Пётр Алексеич, что правое крыло зело припозднилось... Там одна пехота...

Царь не успеваает оценить его слова, как Меншиков тут же подхватывает:

— А ежели по ней аллюром ударить?!.. Конницу разом пустить...

Но Пётр уже принял решение:

— Бери, Михайло Михалыч, бригаду драгун, — обращается он к Голицыну, — а в помощь себе генерала Флюка — и в бой!.. Возьмёте шведов в кольцо...

— А мы, мин херц? Нам-то как быть?.. — с надеждой вопрошает Меншиков. Царь решительно отрубает:

— Вы останетесь в резерве!..

Голицын быстро отъезжает. Драгуны седлают лошадей...

Далеко впереди армия шведов переходит вброд небольшую речушку Напу. Рядом с королём нет верного Канифера (он взят в плен), в его свите генералы Шлиппенбах, Мейдель, Шпарре и Мюлендорф (изменник). Шпарре уточняет:

— Как долго, Ваше Величество, мы должны совершать этот ложный манёвр?

— Во что бы то ни стало, — уверенно отвечает Карл, — нам нужно выманить русских на оперативный простор... По моим сведениям, армией командует сам царь Пётр... Нам это просто на руку...

Мюлендорф поддерживает его:

— Если они перейдут за нами реку — мы разобьём их навверняка!..

— Ну, вот видите! — заносчиво бросает король. — Терпение, господа генералы! Терпение... — и после краткой паузы: — Пусть они думают, что мы ищем другой путь на Москву!.. — он широко улыбается. — Всегда приятно сознавать, что противник глупее тебя, не так ли?..

Свита тоже улыбается, но Мейдель напоминает:

— Русские взяли в плен генерала Канифера...

— И что?! — вскидывается король. — Вы подозреваете, что он им выдал наши планы?.. — смотрит на предателя Мюлендорфа. Тот отводит взгляд. Мейдель осторожно

прибавляет:

— Нет, разумеется. Но осмотрительность всё-таки не помешает...

Карл недовольно бурчит, прищипывая коня:

— Согласен...

Свита устремляется за ним. И шведское войско — авангард и левое крыло — значительно опережает пехоту, которая начала переходить вброд речушку Напу. А костяк русской армии, во главе с Пётром, молча следит за её движением. Но драгуны, во главе с Голицыным, на рысях спешат в обход...

И не успевают прославленные синемундирные вояки оказаться на твёрдой земле, наспех отжать промокшую одежду и вылить воду из сапог, как на них обрушивается стремительная русская кавалерия. Драгуны пускают в ход тяжёлые палаши...

Пётр и его помощники наблюдают с высокого пригорка за происходящим.

— Голицын действует примерно, а где генерал Флюк?.. — одобрительно замечает Меншиков. Шереметев поддакивает:

— А Флюк, однако, не поспеет... Там кругом одни болота...

Глядя на царя, Меншиков предлагает: — Может, мне, мин херц, подсобить Голицыну?..

— Не горячись, Данилыч, — спокойно отвечает Пётр. — Сейчас Карл обнаружит свою промашку и повернёт назад...

— А как же наши?.. — тревожится Меншиков. Но вместо царя говорит фельдмаршал:

— Голицын, чай, сумеет враз отойти... Невелика хитрость...

Пётр молча кивает головой. И как бы в подтверждение всего этого, к шведскому королю стремительно скачет вестовой:

— Ваше Величество, русские напали на наш аръегард!.. Части генерала Круза и Роуза разбиты!..

— Как разбиты?! Не может быть!..

— Их порубила русская кавалерия. Одним стремительным налётом...

— Солдаты! Отомстим врагу за наших павших героев! Я сам поведу вас! За мной!..

Карл рывком поворачивает коня, и свита — вместе с ним. Однако развернуть подобным же образом несколько дивизий так быстро не удаётся. И вслед за безрассудным монархом устремляются одни генералы и несколько десятков телохранителей. А когда они оказываются у места недавней схватки, то на крутом берегу реки лежат сотни тел храбрых пехотинцев, обезглавленных и рассечённых, и ни единого русского...

Король потрясён:

— Это были мои лучшие гвардейцы!.. Блистательная шведская пехота... Какой ужас!..

Генералы подавленно молчат. К ним постепенно стекается основная масса войск. Генерал Шлиппенбах осторожно предлагает:

— Ваше Величество, мы можем начать контратаку. Все в сборе...

Карл бросает взгляд вдаль и видит на противоположном берегу строгие шеренги русских. Они стоят грозно, монолитно и несокрушимо, в полной боевой готовности. Конница, пехота и артиллерия. В руках у пушкарей дымятся фитили...

— Вы видите это?.. — с едва уловимой иронией спрашивает генерал Шпарре.

И вдруг король начинает рвать волосы и бить себя по щекам:

— Ах, какой я осёл!.. Тупица!.. Недоумок!.. О, Господи, дай мне силы пережить всё это!..

28

Август месяц. Крым. Городок Бахчисарай. К уютному ханскому дворцу, утонувшему в знойном мареве южного лета, в сопровождении татарских всадников подъезжает гетманский посланец Быевский. Он спешивается с коня, стража снимает с него саблю, забирает пистоль и ведёт его во дворец...

В главном зале дворца крымский хан Каплан-Гирей принимает турецкого визиря Чорлулу Али-пашу. Оба вельможи сидят на небольшом возвышении, покрытом роскошным ковром. Перед ними стоит низкий столик, на котором красуются сладости и фрукты. Они покурявают кальяны, услаждая слух и глаз мелодией зурны и тамбурина и затейливым танцем гибких одалисок...

К хану осторожно подбирается главный евнух и шепчет что-то ему на ухо. Визирь зорко скашивает глаза. Хан сразу сообщает:

— Прибыл гонец от малороссийского гетмана Мазепы...

Визирь покровительственно кивает головой. Каплан-Гирей хлопает в ладоши. По мановению ханской руки музыка тут же умолкает, танцовщицы, как бойкий ручеёк,

прихотливо вытекают из зала. Вводят Быевского. Он низко кланяется хозяевам, и хан сразу узнаёт его:

— Салам алейкум, неверный! Тебя, кажется, зовут Быевским?..

Посланец отвечает по-турецки:

— Ты, как всегда, прав, мой повелитель! Я — Быевский...

Визирь любопытствует:

— Он лях?..

Хан кивает:

— Лях. Но служит гетману Мазепе...

Быевский внимательно смотрит на гостя, понимая, что это — очень важная персона.

— С чем ты прибыл, сын шакала?.. — с лёгкой улыбкой вопрошает Каплан-Гирей.

— Я привёз тебе, мой господин, послание от самого гетмана, — Быевский достаёт из паха свёрнутый лист бумаги.

— Ну, так зачитай его! — глядя на визиря, распоряжается хан. Посланец разворачивает письмо:

— Оно написано по-польски...

— Так переведи! — настаивает Али-паша. Быевский прокашливается:

— Гетман низко кланяется твоей... — он слегка запинаясь, — ханской милости и доверительно просит известить тебя о том, что шведский король Карл со всем своим войском движется на Украину... Сам гетман намерен оказать королю помощь и ни-жайше просит тебя о том же...

— О чём?..

— Я думаю, почтеннейший, он имеет в виду твою конницу.

Как бы невзначай визирь спрашивает:

— Мазепа намерен изменить своему царю? Или уже изменил?.. Поведай нам...

Посланец мнётся. Али-паша спокойно сообщает:

— С русским царём Алексеем и его сыном Петром Турция воюет тридцать лет... Великий султан, — он складывает ладони, — да продлит Аллах его дни, не намерен отдавать неверным ни пяди земли, над которой реет зелёное знамя Пророка!.. — оба правоверных совершают привычный ритуальный жест. — Если король шведов намерен окончательно разгромить русских, — визирь пристально смотрит на Быевского, — а гетман Мазепа собирается ему в этом помочь, то, с благословения Аллаха, наш верный подданный Каплан-Гирей, — он кивает в сторону хана, — сможет принять в этом участие... — хан охотно склоняет голову. Быевский удовлетворённо улыбается, но Али-паша неожиданно заключает: — А каков интерес у самого гетмана?.. Он собирается перейти в услужение к шведскому королю?.. — посланец теряется. Видимо, подобный поворот событий они с Мазепой не обсуждали. — А может, Мазепа хочет вернуться к польскому владыке?..

Тут Быевский решается лгать напрапалу:

— Гетман не исключает того, что Украина перейдёт под руку великого султана...

В зале наступает гулкая тишина.

— Он готов сменить веру?.. — уточняет Али-паша. Хан усмехается:

— Ему это не впервой...

— Мазепа — православный, — упрямо бурчит Быевский. — Он им был и остался...

Визирь пристально смотрит на него:

— А ты? Ты ведь поляк...

— Я — католик...

Али-паша качает головой:

— Вас, лживых неверных, не разберёшь!.. Кому вы служите?.. Какому Богу молитесь?.. Верно гласит Коран: «Мы открыли им веру, а они хотят остаться лжецами!» — он устремляет взор к небу и бережно оглаживает ладонями бороду. То же делает и хан. Быевский упорно смотрит в пол. Визирь, помолчав, произносит: — Тогда слушай, сын собаки!.. Передай своему гетману, что Турция согласна выступить на стороне шведов и сделает это в том случае, если Мазепа открыто пойдёт против русского царя... Ибо, как говорит Аллах: «Кто поступит вероломно, тот вероломно поступит против самого себя, а кто верно исполнит то, в чём клялся перед Всевышним, тому Он доставит великую награду». Ты понял это?..

Посланец кивает головой в знак согласия. Хан бросает небрежно:

— Тогда ступай. Удачи тебе...

Быевский кладёт письмо Мазепы на столик. Кланяется и уходит.

ман лежит в опочивальне, с компрессом на голове, весь обложенный пластырями и тихо стонет. Возле него сидит на стуле царский посланец, полковник Анненков. Мазепа, превозмогая недуг, едва слышно произносит:

— И передай Его Величеству, что я — покорный слуга его воли, но оставить нынче Украину не могу никак... — он пытается улыбнуться. — Даже не могу оставить эту постель, будь она неладна...

Полковник сочувственно соглашается:

— Я передам государю, что ты изрядно болен...

Мазепа чуть машет рукой:

— Не в болезни суть... Если бы я мог ехать верхом во главе казацкой конницы, то всё равно бы не покинул Украины... Гиблое это дело...

Полковник недоумевает:

— Как так?... Ведь сам государь требует!..

Гетман, собравшись с силами, поясняет:

— Я довольно говорил и писал государю, что здешний непостоянный и переменчивый народ всегда готов к возмущению... Стоит оставить его без догляда и призора, и — пиши пропало — разом вспыхнет бунт!..

Анненков подхватывает:

— Как на Дону?!..

— Куда там! Хуже не бывает... Есть у нас такое разбойное гнездо — Запорожская Сечь... Прибежище воров и негодяев... Я давно изведал государя, что надобно его, наконец, разорить... Оттуда идут все зловредные и злокозненные бредни и крамола... Там весь источник смуты...

Анненков соглашается:

— Это так... Но у государя пока руки не доходят... Со шведами война вон который год тянется... Не до Сечи нам...

Гетман, пряча глаза, уверяет:

— Вот потому, пока я ещё жив — из последних сил буду держать Украину под надзором... Как поклялся в том ещё царице Софье Алексеевне... — гетман крестится слабой рукой и смеживает веки. Анненков с тревогой смотрит на замершего малороссийского владыку. Мазепа, не открывая глаз, говорит тихо: — Я всё отписал Петру Алексеевичу... Мой писарь Орлик передаст тебе послание... С Богом!..

Полковник встаёт:

— Желая тебе выздоровления, Иван Степанович! Пусть Господь укрепит твоё тело и душу... Без тебя мы никак не обойдёмся.

— Дякую, пан полковник... — едва слышно благодарит Мазепа.

Анненков выходит. Мазепа открывает глаза и жадно прислушивается к негромким голосам в соседней комнате. Потом шум стихает, и гетман осеняет себя крестным знамением. Шепчет молитву. Вновь слышны чьи-то шаги. Мазепа притворяется спящим. В спальню заглядывает Орлик:

— Пан гетман! Чи вы спите?..

Мазепа открывает глаза и отбрасывает со лба полотенце:

— Москаль убрався?..

— Эгэ... Тильки пыль столбом!.. — усмехается писарь.

Гетман тут же садится на кровати:

— Як воны уси мэнэ змучили!.. Куды от них схватись? Що ты скажешь, Пилип? Погана мия доля...

Орлик пожимает плечами:

— Хиба ты сэбэ нэ голова, пан гетман?.. Уся Украина тэбэ слухае, як самого вэлыкого владыку...

— А що толку? — Мазепа безнадёжно машет рукой. — Кацапский царь Петро як прикаже, так воно и будэ... — за окном слышится шум. Он приказывает писарю: — А ну, побачь, що там?..

Тот выходит, а гетман отлепляет все пластыри и перемещается в горницу. Появляется Орлик с посланцем Быевским. Он кланяется Мазепе:

— Dobgiden, pan getman!

(Весь разговор идёт по-польски).

Мазепа спокойно отвечает:

— Здравствуй, Тадзь... Какие вести привёз?..

В голосе посланца не слышно радости:

— Да как тебе сказать?.. Татары ничего наверняка не обещали...

Гетман тревожится:

— Это почему?.. Ты сказал им, что Карл движется на Украину?..

— Сказал... — кивает Быевский. — И сказал, что ты хочешь ему помочь...

— А они?.. Что они ответили?..

Посланец пожимает плечами:

— Они спросили, не собираешься ли ты перейти под власть шведов?.. — Мазепа недовольно качает головой. Бывеский продолжает: — Я ответил, что нет... Не собираешься...

— А что татары?..

Посланец отводит взгляд:

— Тогда хан и турецкий визирь уточнили — может, ты хочешь перейти к полякам?

Они настаивали на этом...

— Там был и турецкий визирь?!.. — обеспокоено восклицает хозяин.

— Был. Он и задал вопрос о поляках, пан гетман...

Хозяин старательно обдумывает услышанное. Бывеский терпеливо ждёт. Мазепа раздосадовано ворчит:

— Дались им эти шведы и поляки!.. — смотрит в упор на посланца. — А что было потом?.. Они собираются поддерживать Карла?.. Да или нет?..

Бывеский уклончиво отвечает:

— Визирь сказал, что султан поддержит тебя, пан гетман, только в одном случае...

— В каком? Не тяни!..

— Если ты, — осторожноничает посланец, — в открытую выступишь против царя Петра...

Гетман невнятно ругается и начинает нервно метаться по горнице, крепко сжимая кулаки.

30

Начало сентября месяца. Белоруссия, деревня Доброе. В неприметной, небольшой хате заседает военный совет во главе с Петром. Царь спрашивает у генерала Голицына:

— Сколько шведов ты положил, Михайло Михалыч, в последней схватке?..

— Полагаю, что не меньше трёх тысяч, государь, — отвечает Голицын. Пётр обращается по-немецки к сидящему тут же пленному генералу Каниферу:

— Сколько было солдат в вашем арьергарде, генерал?..

Канифер спокойно сообщает:

— Около пяти тысяч, Ваше Величество...

— Карл по-прежнему намерен идти на Москву?..

— Насколько мне известно — да, — отвечает, не колеблясь, пленный генерал. —

Других планов у нас не было...

Меншиков запальчиво возражает:

— Он врёт, мин херц!.. По нашим сведениям, Карл перешёл реку Сож и двинулся на Украину...

Канифер, не понимая языка, встревожено смотрит на говорящего русского генерала. Пётр вновь обращается к нему:

— Не упоминал ли ваш король имени малороссийского гетмана Мазепы?..

Пленный отрицательно качает головой:

— Я знаю, что есть такой военачальник — ваш верный слуга, но король о нём не говорил...

— Не верю я ему, Пётр Алексеич, — подозрительно замечает Меншиков. — И гетману не верю!..

— Ну, будет тебе, Данилыч!.. — урезонивает его Шереметев. — Коли Карл пошёл на Украину — сейчас всё оно и прояснится!..

Генерал Ренн поддерживает фельдмаршала:

— Борис Петрович прав... Если гетман начнёт военные действия — все подозрения с него снимутся...

Государь распоряжается:

— Давайте о главном, господа... Генерал Левенгаупт с продовольствием и с двадцатью тысячами войска идёт на соединение с королём! Никоим образом мы не должны допустить этого... Посему полагаю, — смотрит на Шереметева, — тебе, Борис Петрович, надлежит идти вслед за Карлом, а мы... — он обращается к Меншикову, Голицыну и Ренну, — выступим супротив Левенгаупта...

Генералы обдумывают распоряжение царя. В избу входит дежурный офицер:

— Государь, прибыл полковник Анненков...

— Веди его!.. — в дом входит посыльный полковник. Кланяется присутствующим, а царю особо. Пётр пристрасно спрашивает его: — Ну, докладывай, полковник!.. Что сказал тебе малороссийский владыка? Ты передал ему мой приказ?..

— Передал, государь... — Анненков поясняет с нотками сожаления. — Но Мазепа серьёзно болен...

— Опять подагра и ревматизм?.. — иронично подсказывает Меншиков. — Это мы уже слышали!..

— На сей раз всё куда хуже — гетман не в силах подняться с постели!.. Я, грешным делом, подумал, что вижу его в последний раз... — крестится. — Краше в гроб кладут!..

Пётр обескуражено вопрошает:

— Так ты говорил с ним? Говорил аль нет?!..

— Говорил, — покорно отвечает полковник. — И гетман сказал, что, даже будучи здоровым, он не стал бы, даже на день, покидать Украину...

— А решил дожидаться Карла на свои поминки!.. — озорно подхватывает Меншиков. Генералы усмеваются. Пленный Каниффер пытается понять происходящее, однако тщетно.

— Погоди, Данилыч! — Пётр обращается к полковнику. — Почему Мазепа не может идти на смычку с нами?.. У него ведь есть помощники!..

Анненков уныло отвечает:

— Гетман опасается, что в его отсутствие на Украине вспыхнет бунт. Как на Дону было... — полковник передаёт царю послание Мазепы: — Вот, государь, его ответ...

Пётр берёт и разворачивает бумагу. Читает громогласно:

— «По берегу Днепра снуют шайки, одна в восемьсот, другая в тысячу человек — всё это русские люди, а главное, донцы. Над одной шайкой атаманом Перебий-Нос, а над другой — Молодец. Бродяги, как прибывает вода, плывут к ним отовсюду и, если я с войском удалюсь, то надобно опасаться, чтобы эти негодяи не сделали неожиданного нападения на города. Да и со стороны Сечи нельзя сказать, чтобы всё было безопасно...»

Анненков подхватывает:

— В этом, государь, есть резон. Эти мерзавцы могут возмутить народ!..

Пётр согласно кивает:

— Я помню, что Мазепа давно уговаривал меня разогнать этот разбойничий вертеп, но не до того было...

Шереметев пытается сделать вывод из услышанного:

— Так что же получается, Пётр Алексеич?.. Карл идёт на Украину, я иду следом за ним, а малороссийский гетман?.. Он-то что?..

Пётр завершает чтение:

— «Если и теперь, когда я внутри Украины с войском, бродяги и чернь затевают бунты, то что же будет, когда я с войском удалюсь? Начнут честных и богатых людей резать и пожитки их грабить? Будет ли это полезно интересам Его царского величества?»

Меншиков ядовито усмешается:

— Во как! Моя хата с краю — я ничего не знаю! Он хочет просто отсидеться! Или отлежаться...

— Так дело не пойдёт!.. — убеждённо заключает Шереметев. — Ежели он не в силах — тогда пусть назначает вместо своей персоны наказного атамана...

— И пускай этот атаман или сам Мазепа идут нам навстречу... — подхватывает Голицын. Остальные генералы, кроме пленного шведа, охотно поддерживают его. Царь вопрошает:

— Вы все, господа генералы, с этим согласны?..

— Точно так, государь! — слышен дружный хор. Царь кивает кабинет-секретарю Макарову:

— Пиши приказ, Алексей Васильевич...

Секретарь макает перо в чернильницу...

31

Середина сентября. Левобережная Украина. Шведское войско, во главе с королём, старательно выбирается на правый берег реки Десны. Сам Карл, по обыкновению, движется в первых рядах. Вокруг генералы — Шлиппенбах, Мейдель, Шпарре, Штапельберг. К королю на рысях подъезжает командир конного полка:

— Ваше Величество, кавалерия готова форсировать реку!..

— Погодите, полковник! — Карл озабоченно обращается к генералам: — А где же обещанная переправа?.. Малороссийский гетман нас извещал, что к нашему приходу будут приготовлены паромы, где же они?.. — свита недоумённо переглядывается. Карл спрашивает Шпарре: — У какой деревни, Аксель, мы должны переправляться?..

Генерал показывает рукой вдаль:

— Вон она — деревня Макошино... Здесь нас обязаны ждать паромы... Так писал Мазепа...

— Где же они?!..

Шлиппенбах в подзорную трубу взыскательно осматривает окрестности, бросает взгляд на противоположный берег:

— Ваше Величество, сюда кто-то плывёт!..

От левого берега Десны отчаливает лодка, в ней сидят три человека, включая гребца...

— Если это не русские лазутчики, — негромко шутит Мейдель, — то это — единственное средство переправы!..

Король и свита спешиваются. Ждут. Лодка приближается. Один из троицы, сидящей в ней, одет в потрёпанный шведский мундир. Шлиппенбах говорит королю:

— Ваше Величество, похоже, что там наш соотечественник...

Карл молчит, а человек в синем мундире, находящийся в лодке, радостно машет руками, будучи не в силах сдержать своих чувств. Некоторые из солдат осторожно отвечают ему, с опаской косясь на генералитет. Посудина причаливает к берегу...

Гребец вытаскивает нос лодки на песок, из неё неуклюже выбирается посланец гетмана Быстрицкий, затем пленный швед. Заметно исхудавший, обросший клочковатой, неряшливой бородой. Увидев вблизи своего короля, он заметно тушуетсся и опускает голову. Король обращается к нему на родном языке:

— С благополучным прибытием!.. В каком ты был звании, ветеран?..

— Капрал, Ваше Величество!..

— А где попал в плен?..

— Под Калишем.

Король показывает на Быстрицкого:

— А кто этот человек?..

— Это родственник Мазепы. Управитель его волости... — отвечает пленный.

— Зачем он здесь?.. Что ему нужно?.. — неприязненно вопрошает Карл.

— Он привёз от гетмана письмо...

В разговор вступает генерал Шпарре:

— А почему гетман не приготовил, как обещал, к нашему приходу паромы?

Пленный поворачивается к Быстрицкому:

— Генерал спрашивает, почто здесь нэма паромов?..

Быстрицкий пожимает плечами:

— Хиба я знаю?!..

Капрал переводит:

— Он не знает!..

— А где сам Мазепа?.. — настойчиво спрашивает Шлиппенбах. — Почему он не встречает нас?..

Пленный переводит вопрос Быстрицкому:

— Воны спрашивают, дэ Мазепа?..

— Вин у сэбэ, у Батурине... — скромно отвечает управитель. Капрал переводит:

— Гетман в своём имении... В городке Батурине...

— Это далеко отсюда?..

— Около сотни миль, Ваше Величество...

Шлиппенбах оборачивается к королю:

— Значит, два-три дня пути, Ваше Величество... Стоит рискнуть...

— Для начала, Вольмар, нужно преодолеть эту реку! — насмешливо бросает Штапельберг. — А наши пехотинцы не слишком хорошие пловцы...

К монарху и его свите спешит капитан рейтаров:

— Ваше Величество! На том берегу появились русские!..

Карл и генералы хватаются за подзорные трубы. На противоположном берегу Десны мелькают зелёные мундиры русских драгун, вперемешку с кафтанами казаков и халатами калмыков...

— Что будем делать, Ваше Величество?.. — с тревогой осведомляется Мейдель. Король не теряет присутствия духа:

— Для начала мы постараемся определиться — сколько сил у противника и что он намерен предпринять?.. Слава богу, что мы не начали переправы! — обращается к пленному шведу: — Скажи, капрал, этому хохлу — пусть он передаст нам письмо своего хозяина!..

Тот поворачивается к Быстрицкому:

— Король приказав отдать бомагу...

Управитель кланяется:

— Я зараз!..

Достаёт из шапки письмо и передаёт его ближе стоящему генералу Шпарре. Тот вручает конверт королю. Карл распечатывает его, и брови монарха ползут вверх:

— Что за чертовщина?.. На каком языке оно написано?..

Шпарре спрашивает капрала:

— Каким языком пользуется гетман?..
 Пленный толкает в бок Быстрицкого:
 — На какой мове Мазепа писал бумагу?
 — Хйба я знаю?.. — разводит руками управитель. Капрал переводит:
 — Он не знает...
 Генералы улыбаются. Шпарре скашивает глаза через королевское плечо:
 — Ваше Величество, это, по-моему, латынь...
 — Ты знаешь по латыни?.. — с надеждой восклицает Карл. Генерал скромно отвечает:
 — Надеюсь, я смогу это одолеть...
 Король передаёт ему письмо. Шпарре старательно вчитывается:
 — Гетман безмерно радуется вашему прибытию на землю Украины... Он просит помощи для освобождения всего малороссийского народа от тяжкого московского ига... И заверяет вас в том, что всегда и во всём будет оказывать посильную помощь. Продовольствием и военной силой...
 — И это всё?! — бурно негодует король. — Всё, что он готов отдать?!..
 — Всё...

32

Конец сентября 1708 года. Белоруссия, окрестности городка Пропойска. На лесной поляне, на походном табурете расположился сам царь в окружении главных военачальников. Перед ним понуро стоит торговец-еврей. Пётр пристрасно выпрашивает его:

— Ты же мне клялся, иудина душа, что шведы не перешли Днепр, а что оказалось?! Где же твои слова?! Ты нас подло обманул!..

Меншиков вторит ему:

— Левенгаупт уже три дня, как на этом берегу стоит! Нас караулит, а ты его не видел, что ли?..

— Ваше царское величество! Милостивый государь! — умоляет торговец. — Клянусь вам могилой отца, что меня таки обманули польские жида!.. Они, да пропади пропадом их дети и внуки, продались нечестивым шведам!.. Ей-богу, так, — низко кланяется. — Ей-богу, так!.. Лопни мои глаза...

Пётр сурово укоряет:

— И ты продался с ними заодно, свиное ухо!.. Ну, берегись!.. Я тебе покажу!.. — царь, вставая, машет рукой: — Кончайте его!..

Торговец падает на колени, но солдаты хватают его и волокут, под вопли и причитания, к ближайшему дереву. Государь и свита усаживаются на лошадей. Слышны пушечные залпы. Пётр бросает генералам:

— Надо поспешать! Дело заваривается зело круто!..

Кавалькада всадников устремляется по лесной дороге, навстречу грохоту пушечных залпов. Проскакав две-три версты, царь и свита оказываются на лесной опушке вблизи нашей батареи. Канониры ведут обстрел шведской пехоты, которая стремительно отступает к городку Пропойску. Последние шеренги неприятеля скрываются за пологим холмом и в густом подлеске. Пётр, спешившись, командует:

— Огонь прекратить!.. Бомбы и порох беречь!.. — стрельба замирает. Военачальники устраивают короткое совещание. — Как полагаешь, Данилыч, — спрашивает царь Меншикова, — дерзнут шведы нас обойти?.. Или бой примут?..

— А ничего другого, мин херц, им не остаётся!.. Впереди их ждёт Карл, и дела у него весьма незавидны...

— Королю нужно продовольствие, пушки и порох, — поддерживает его Голицын. Царь размышляет вслух:

— У Левенгаупта двадцать тысяч войска, а у нас вполовину меньше...

— Значит, нам остаётся одно — атаковать!.. — с улыбкой замечает Боур. — Понеже такую силу мы обороной не удержим...

— Ты прав, Родион Христианыч, — соглашается Меншиков. — Смелого пуля боится, и штык его не берёт!..

Над холмами и перелесками заметно сгущаются сумерки. В лесу и на опушке прибывает русская кавалерия и пехота. Пётр обращается к Голицыну:

— Посмотри-ка по карте, Михайло, перед Пропойском есть селение?..

Генерал раскрывает планшет, смотрит:

— Там деревня, Пётр Алексеич... Прозывается Лесной... Кругом леса и болота...

— Мне думается — в ней и находится весь шведский обоз и главные части неприятеля... Мы отогнали токмо один авангард...

Меншиков осматривается:

— Уже вечерет, мин херц. Надо бы ночлег готовить...
 — Не до ночлега, братцы! — возражает царь. — За шведом надо поспешать, не да-
 вать ему, окаянному, роздыха!.. Вперёд!..
 — Через час, Пётр Алексеич, — пытается урезонить его Боур, — всё мраком укро-
 ется! В потёмках и заблудиться недолго...

Государь трогает лошадь:

— Не трусь, Родион!.. Теперь у нас проводник надёжный — сам Левенгаупт. Это тебе не торгаш подкупленный!..

И в окружении генералов и эскадрона драгун государь отправляется вслед за от-
 ступившим неприятелем. Солдаты, уже расположившиеся отдыхать, кряхтя и мате-
 рясь, нехотя поднимаются, разбирают ранцы и ружья, строятся и отправляются вдо-
 гонку за драгунами, казаками и калмыками. Кругом совсем стемнело...

33

Середина сентября. Левобережная Украина, городок Батулин. В поместье у гетма-
 на, в горнице собрались полковники и родичи хозяина: Войнаровский, Обидовский,
 Орлик, Ломиковский, Гордиенко, Полуботок, Горленко, Чечель. Мазепа, сидя во главе
 стола, вещает:

— И вот слушайте, панове добродийство, — царь требует, щоб я явився до него со
 всим вийском... Зо всеми вами, смекаете?..

Ломиковский советует:

— Пуцай вин требует, а ты нэ езды, и мы тэж...

— Як нэ езды?! — восклицает гетман. — Тоды вин з мэнэ голову знимет! Хиба вы
 его нэ знаете?..

— А ты тикай к Карлу, и мы за тобою! Уся Сичь за тобою встане!.. — подсказывает
 Гордиенко

Остальные заговорщики дружно поддерживают запорожского атамана. Гетман
 продолжает:

— Царь писав до мэнэ: оставляй на Украине сэбэ наместника и явись з козаками...
 Объяви мобилизацию...

Чечель выставляет кукиш:

— А цэ вин нэ бачил?! Щоб мы за москалей животы клалы? Нэ дождуться!..

Полуботок осторожно замечает:

— Я слыхав, що у Карла усё нэ дюже гладко... Вин хотел на Москву идти, да чего-то
 устрашився, чи передумав? И до нас пишов... А чего ему трэба?.. Може, вин хочет нас
 сэбэ пидчинить? — предполагает Полуботок. Генеральный писарь Орлик спешит вме-
 шаться:

— Ни. Мы ему тильки пидмога. Нашу незалежность вин не тронэ...

— А почём ты знаешь? — сомневается Горленко. Гетман понимает, что пора ему
 вступить в разговор, пока тот не принял опасного направления.

— Ни, панове, Карлу нэ трэба нашей воли... — Мазепа ухмыляется в усы. — У него
 е своя. Вин хочет наказать царя москалей, бо дюжэ богато тот о сэбэ думает... Поперёд
 батьки у пекло норовит!..

Заговорщики дружно и весело смеются. За стенами раздаётся шум. Орлик выгля-
 дывает в окно.

— Управитель Шептаковской волости приихав, — сообщает он хозяину.

Входит Быстрицкий, кланяется всем собравшимся. Гетман делает ему предостере-
 гающий знак рукой, но вошедший этого не замечает.

— Бачив я, панове, шведьского короля Карлу... — произносит он во всеуслышанье.

— И як? — тут же подхватывает Ломиковский. — Як вин тэбэ зустрітив?..

— Як козак татарина, — ослабился в ухмылке Быстрицкий, — тильки шаблюкой
 башку мэнэ трохи нэ срубив!..

— Да ты шо?! — поражается Чечель. — А за що?..

Быстрицкий пожимает плечами:

— А бис его знае! Вин кажет — чому его на реке паромы нэ встречалы?..

Полуботок любопытствует:

— Якие паромы?..

— Хиба я знав? — разводит руками Быстрицкий. — А Карла як загавчет — где па-
 ромы? Где паромы? Подавай их сюды!.. У мэнэ аж брюхо звело...

— А на якой реке цэ було? — доискивается Гордиенко.

— На Десне... Биля Макошина...

— Цэ ж зовсим близко! — восклицает Ломиковский и смотрит на гетмана. Мазепа
 качает головой, словно впервые слышит подобное известие. Он верен своей всегдаш-
 ней привычке: не торопить события и держаться в стороне...

— Коли вин такой ушлый, — задумчиво произносит Полуботок, — Карла цэй шведьский, мабудь, нэ трэба его у гости звать? На що вин нам?..

— Вот и я кажу, — соглашается Горленко.

Но атаман запорожцев Гордиенко сразу взрывается:

— Ишь, чогу загутарили! Карлу им нэ трэба!.. А чогу вам трэба?! Щоб москали вас у бараний рог скрутили? Холопив да солдатив з вас зробили?! Цэ вам щастя?!..

Собравшиеся угрюмо молчат. И тут в спор вступает Мазепа:

— Кажу вам правду, панове!.. Нэ дюже люб мэнэ король шведьский, а царь москалей — вин и того страшнее... Прав Кость Гордиенко — москали нас на колена пиставят... По три шкиры з кожного будуть драть... На що цэ нам всим?.. — хитрый гетман оглядывает сообщников. — А можэ, мы таки дурни, що цэй доли сэбэ хотим?..

— Ни... Нэ хотим!.. Нияк!.. На що цэ нам?!.. — недружно, вперебой подхватывают полковники. Мазепа прячет довольную улыбку в усах...

34

Конец сентября. Белоруссия. Над лесистой, пологой долиной занимается скупой осенний рассвет. Наши солдаты бредут из последних сил, изредка переругиваясь и спотыкаясь. Унтер-офицеры подгоняют отставших:

— Не зевайте, служивые! Спать не время! Держите шаг бодрей...

Один из рядовых огрызается:

— Тут токмо бы сопли удержать! И ещё душу!

Ему сразу откликаются:

— Она у тебя, земляк, часом не в пятках? На сучок, смотри, не напорись — кончишься мигом!..

По рядам волной прокатывается смех.

Лес впереди редееет. Пехота выбирается на открытое место. В нескольких верстах видна деревня Лесная. Над бедными избами поднимаются струйки сизых дымков. Во дворах сгрудились телеги и лошади...

Пётр, стоя на пригорке, рассматривает в подзорную трубу пристанище неприятеля. Рядом Меншиков, Голицын, Боур, Репнин, Флюк. Шведы тоже заметили русских, и в деревне началось заметное движение...

— А добра у них хватает! — одобрительно замечает Меншиков, глядя в трубу. — Телег и фургонов целая тьма... Вот награбили, мошенники! Всю Лифляндию, поди-ка, обобрали...

Пётр поворачивается к помощникам:

— Развернём баталию так, — показывает на Меншикова: — Ты, Данилыч, остаёшься тут с тремя полками, с тобой Репнин... А я беру гвардию, один драгунский полк и два пехотных — и пойду в обход... — остальным генералам: — Вы все со мной... Пошпешаем!..

В деревне тоже закипает суета. Шведские командиры и солдаты пытаются встретить врага во всеоружии. Из хаты попросторнее выходит Левенгаупт с генералами и полковниками, стараясь угадать направление, в котором движется неприятель. Сам командующий, глядя в подзорную трубу, строго замечает:

— Русские пошли в обход!..

Генерал Кнорринг тут же предлагает:

— Нам нужно создать круговую оборону. И как можно быстрее!..

— Нет. Мы пойдём им навстречу... — решительно командует Левенгаупт. — Готовьте пехоту и кавалерию... И стерегите обоз!..

Военачальники бросаются выполнять приказ.

Меншиков, оставшийся на месте, наблюдает за обходным манёвром царя и ответными действиями шведов. Рядом с ним Репнин, разжалованный в полковники.

— Гляди-ка, Аникита Иваныч, шведы разгадали нашу хитрость! Левенгаупт пошёл навстречу государю... Ловок, сукин сын!..

— Левенгаупт — стратег серьёзный! Он самому Карлусу, надо думать, нос утрёт. Это точно...

А за деревней в это время завязывается кровопролитная схватка. Против двух русских полков шведы направили гвардию. Она чуть потеснила наших, но тут подоспел Голицын со своими гвардейцами. Положение выправилось, а штыковой бой не затихает ни на минуту... Левенгаупт, жаждающая перевеса, бросает в атаку конницу, и Пётр тоже отвечает конным ударом — и всё окончательно смешалось...

Несколько часов — от восхода до полудня — на дальней окраине деревни и в ближнем лесу кипит жаркое рукопашное сражение. Наши и шведы яростно дерутся штыками, палашами и саблями... Через пару часов непрерывного, острейшего боя заметен перевес на стороне русских. Наконец неприятель, теряя убитых и раненых, отходит к

деревне Лесной, стараясь сохранить обоз. Русские его не преследуют, оставшись на приметном расстоянии...

Меншиков, стоя на противоположной стороне деревни, явно изнывает от безделья, однако ждёт дальнейших распоряжений царя. Его солдаты тоже чуть расслабились, кто сидя, кто лёжа, изредка поглядывая в сторону кровавого побоища. А неожиданное затишье беспокоит всех...

— Как думаешь, Аникита Иванович, — обращается Меншиков к Репнину, — баталия окончилась аль нет? Тишина какая-то непонятная. К чему бы это?..

Репнин, высматривая отступающих шведов, отвечает задумчиво:

— Не должна бы... Обоз-то ихний цел и самих супостатов ещё хватает...

Меншиков нервно переступает:

— Может, и у наших чего-то не заладилось? — крестится. — Или с государем, не дай бог, несчастье приключилось...

Слышится дробный перестук копыт, и на опушке появляется вестовой офицер. Подскакивает и передаёт командирам:

— Вам приказано начать атаку с приходом конницы генерала Боура!..

— А где сам Боур?.. — тут же спрашивает Меншиков.

— Боур преследует шведскую кавалерию, ушедшую к Пропойску...

Репнин осведомляется:

— А до прихода Боура нам быть в бездействии?..

Вестовой отвечает:

— Государь повелел вам вести огонь из пушек... Но бомб даром не тратить! — он мигом разворачивается и скачет обратно. Повеселевший Меншиков командует:

— Канониры! Орудия к бою!.. Живо!..

Артиллерийская прислуга начинает разворачивать орудия, выпрягать лошадей, готовить бомбы и фитили... В шведском лагере слышны стоны раненых, звон оружия и сдержанный шум...

А на крохотной поляне в лесу, на пне сидит Пётр в окружении своих помощников: Голицына, Флюка, Фастмана, Инфлянта. Мундиры их измяты, изодраны, перепачканы кровью...

— С прибытием Боура все силы бросаем в бой... Дерёмся до последнего солдата! — Пётр смотрит на Голицына: — Передай, Михайло, калмыкам, которые стоят за фронтом: кто из наших ударится в бега — колоть без разбора!.. — бьёт себя в грудь. — Хоть меня самого!.. Никого не щадить! Бьёмся насмерть!..

Голицын отправляется передать приказ. Издалека доносятся пушечные выстрелы. Царь с улыбкой замечает:

— Вот и артиллерия наша заговорила! Теперь шведам зело неудобно!..

С осеннего хмурого неба начинает падать лёгкий снежок. Генералы озабоченно поднимают головы.

— С первым вас снегом, господа!.. — поздравляет их государь. Его сподвижники натужно улыбаются — погода их явно не радует.

— Как бы не завьюжило, Пётр Алексеич!.. — сетует Флюк. Царь ободряет свиту:

— Шведам тоже ведь несладко! Деревенька не шибко большая — крова на всех не хватит!.. — он окликает своего денщика Кикина: — Александр, разводи огонь! Пора бы и погреться... — потирает руки. — Зябко, однако! Давай скорей огня...

Однако не успевает Кикин с солдатами разжечь костёр, как доносится беспорядочный стук множества копыт. На подмогу спешит конница.

— Это Боур! — восклицает Флюк.

— Вот сейчас и погреемся! — подхватывает Пётр, вставая на ноги. — Господа генералы!.. Это наша решающая битва!.. Либо мы их, либо... — царь машет рукой и спешит к лошади.

Генералы тоже седлают коней. А снег валит всё крупнее и гуще, налипая на голые ветви деревьев, головы и спины всадников, устилая белым покрывалом затоптанную, растревоженную, щедро политую кровью землю...

Начало октября. Левобережная Украина. Ставка Б.П. Шереметева вблизи городка Стародуба. Солдаты и казаки, расположившиеся лагерем, жгут костры, варят кашу... Десятка полтора, собравшись в кружок, слушают сказочников и балагуров. Чуть в стороне сидят дудочник и балалаечник, самозабвенно играя на своих нехитрых инструментах, а поодаль скупилась ватага благодарных слушателей... Все ружья и пики стоят в пирамидах. Стреноженные кони бродят вокруг, срывая остатки пожухлой травы...

Вдруг на околице появляется необычный всадник в синем шведском мундире с жёлтой каймой. Усталая, загнанная лошадь едва переставляет ноги, а сам ездок вы-

глядит разбитым и подавленным. Казаки настораживаются. А всадник, едва разглядев людей, сидящих у костров, резко останавливается, выпрямляется в седле, пытается вернуть усталого коня. Казаки коршунами взлетают с земли, бросаются наперерез, хватают жеребца за поводья и мигом спешивают седока...

— Лазутчика пымали! Держи его крепче!.. — раздаются задорные, восторженные вопли.

Пленённого шведа дружной командой ведут к штабу фельдмаршала. Швед, ошалеv от неожиданности, даже не сопротивляется. Шереметев только что встал, расположившись выкушать чаю. Услышав шум за стенами, его денщик вышел навстречу казакам:

— Что за гам, братцы? Чего шумите?..

— Шпиёна схватили! — поясняет сотник. — Лазутчика. Доложи енаралу...

На крыльцо выходит сам Шереметев:

— Чего шумите, станичники?..

Казаки кланяются:

— Шведа пымали, вашество! Шпиён, должно...

Борис Петрович внимательно осматривает пленника, замечает на нём офицерские нашивки:

— Важная птица!.. Благодарю за службу, станичники!..

Казаки хором:

— Рады стараться, вашбродь!..

Фельдмаршал делает знак денщику:

— Заводи его в избу и зови толмача...

Пленного шведа приводят в дом, где стоит накрытый стол с пузатым самоваром, пышными калачами и янтарным мёдом в туюске. Пленник как замороженный замирает у порога, не сводя глаз с манящих яств. Шереметев с шумом усаживается на место, берёт в руку стакан и вдруг замечает алчущий взгляд шведа.

— Иди садись!.. — жестом приглашает он пленника. Тот чуть не бегом спешит к столу, плюхается на табурет и хватает калач. С жадностью рвёт его зубами. В дом входит денщик с толмачом (переводчиком из Посольского приказа). Толмач кланяется фельдмаршалу:

— Доброго здоровья, ваше превосходительство!.. Я прибыл по вашему повелению...

Шереметев с улыбкой указывает на пленника:

— Вишь, как оголодал, бедняга! Должно, у Карла с пропитанием-то негусто... Аппетит, как у волка...

Швед, проглотив кусок, что-то невнятно бормочет. Толмач успел уловить сказанное:

— Он благодарит ваше превосходительство за гостеприимство!..

— Какое, к чертям, гостеприимство?! — восклицает маршал. — Он явился сюда непрошенным!.. Спроси, любезный, откуда он? И в каком звании?..

Толмач задаёт вопрос и, выслушав сбивчивый ответ пленника, поясняет:

— Он майор из корпуса маршала Левенгаупта...

— Левенгаупта?! — удивляется Шереметев. — А за каким бесом он здесь окинается?..

И пока пленник и переводчик объясняются, хозяин даёт знак денщику, чтобы тот налил шведу чаю.

— Корпус Левенгаупта разбит... — сообщает переводчик. — Восемь тысяч шведов полегло... Три тысячи взято в плен. Обоз и пушки тоже... Левенгаупт отправил майора сообщить королю печальную весть, но майор заблудился...

Шереметев потирает руки:

— Ай, да Пётр Алексеич!.. Разгромил-таки шведскую подмогу!.. Утёр нос войкам надменным! Теперь Карлу придётся туго!.. — он весело смотрит на присутствующих. Швед, обжигаясь, пьёт чай, закусывая свежим калачом. Борис Петрович кивает денщику: — Нацеди-ка ему, бедолаге, медку!.. Пусть подсластит свою горькую судьбину!.. — потом обращается к переводчику: — И ты садись, любезный! Откушай, что бог послал...

— Премного благодарен, ваше превосходительство! — кланяется толмач, присаживаясь к столу. Фельдмаршал размашисто крестится. Благоговейная тишина воцаряется в доме...

Начало октября. Левобережная Украина. Правый берег реки Десны. Ставка Карла XII. Вечереет. В шведском лагере тишина и уныние. Солдаты молча греются у костров,

размачивают в кипятке сухари и, с грехом пополам, ужинают. Пятёрка рейтар ведёт пожилого украинца напрямик к штабной палатке. Рослые гвардейцы у входа преграждают им путь.

— Доложите Его Величеству, что мы поймали русского агента!.. — просит офицер. Один из гвардейцев заходит внутрь. В палатке сам король и генералы: Шлиппенбах, Мейдель, Шпарре, Штакельберг. Гвардеец докладывает:

— Ваше Величество, привели русского агента...

— Ведите его сюда!..

При неярком свете сальных свечей шведы внимательно разглядывают пленённого. На нём поношенный казакин, перетянутый верёвкой, перепачканные дёгтем шаровары, разбитые сапоги. Обвислые седые усы и сивый «оселедец» дополняют колоритный облик...

— Где вы его задержали? — после минутной паузы спрашивает король.

— Напротив деревни он переплыл реку.

— На чём?..

— В лодке... И с ним было вот это, — офицер протягивает Карлу свёрнутый лист бумаги. Шлиппенбах подносит свечу. Повертев бумагу так и эдак, монарх протягивает её Шпарре:

— Кажется, Аксель, это по вашей части...

Но генерал, всмотревшись в написанное, восклицает:

— О, нет, Ваше Величество! Это не латынь... По-моему — это кириллица...

— Приведите-ка сюда того капрала, который был в плену у русских!..

Офицер, доставивший малоросса, выходит из палатки. Мейдель глубокомысленно замечает:

— А вы не находите, господа, что в его облике есть что-то дикое и неукротимое? Он похож на скифа...

— Вы хотите сказать, генерал, — произносит Карл с улыбкой, — что земля этих людей отнюдь не гостеприимна? Здесь живут дети диких степняков?..

В палатку приводят бывшего капрала. Карл выясняет:

— Ты умеешь читать по-русски?

— Нет, Ваше Величество, — мнётся капрал. — Я и по-шведски читаю с трудом...

Шлиппенбах находит выход:

— Ваше Величество, возможно, этот хохол грамотен... Пусть он прочтёт бумагу капралу, а тот...

— А тот её переведёт, — подхватывает Карл и обращается к капралу: — Ты понял, что от тебя требуется?..

— Так точно, Ваше Величество, — кивает капрал в ответ и оборачивается к пленнику. — Ты грамоту розумеешь?..

— Ни, — хрипло отвечает украинец.

— Он неграмотен, — заявляет капрал. Однако Штакельберг предполагает:

— А не врёт ли он?.. — обращается к капралу: — Скажи, что мы его расстреляем, если он её не прочтёт...

Капрал объясняет украинцу:

— Генерал каже: коли ты нэ схочешь читаты цю бомагу, воны тэбэ убьють!

Старый казак упрямо молчит, потом нехотя выдавливая:

— Ця бомага от гетмана Мазепы... Я знаю, що в ней писано...

— Это письмо от гетмана Мазепы, — переводит капрал. — Он знает, что в нём...

— Так пусть расскажет!..

И пленник отваживается, сопя и запинаясь, негромко бормотать что-то почти на ухо капралу, как будто бы шведы могут его подслушать. Король и генералы снисходительно улыбаются, Шлиппенбах крутит пальцем у виска. Наконец капрал, солидно прокашлявшись, начинает старательно переводить:

— Эта бумага называется универсалом. Написал её сам Мазепа и отправил по всем волостям, чтобы жители спешно зарывали в землю хлеб, зерно, деньги и вещи, а в храмах все молились об избавлении Украины от нашествия врагов православия...

— Что?! — Карл подсакивает и хватается за ворот несчастного пленника. — Ах, он мерзавец! Подлец! Негодяй!.. — у пожилого хохла от страха подкашиваются ноги. — Я убью его! — король ненавидяще смотрит в лицо казака. — И тебя убью! Стража, расстреляйте его немедленно!..

Гвардейцы-охранники врываются в палатку, сгребают обеспамятевшего от ужаса малоросса в охапку и, стуча сапогами, выволакивают его вон. Король выхватывает из рук Шпарре грамоту злосчастного гетмана и грубо ругается. Генералы уныло молчат. Невдалече раздаются хлопки ружейных выстрелов. Карл нервно мечется по палатке:

— Чёртов хохол!.. Он нас таки провёл!.. — грозит кулаком. — А всё этот польский король, который постоянно твердил мне, что Мазепа ненавидит русского царя!.. — об-

рацается к Шлиппенбаху: — Скажи, Вольмар, тебе не кажется, что Станислав и Мазепа в сговоре?..

Генерал качает головой:

— Я так не думаю, Ваше Величество...

— Поляки и хохлы слишком ненадёжный народ, — вступает в разговор Штапельберг. — Те и другие всегда ведут двойную игру...

За тонкими стенами палатки раздаётся тревожный шум. Внутрь заглядывает часовая:

— Ваше Величество, там поймали дезертира!.. Он уверяет, что служит в корпусе генерала Левенгаупта...

— Где он? Ведите его!..

Дежурные гвардейцы приводят солдата. Он в разорванном мундире, с наспех перевязанной головой, сапоги унизаны комьями засохшей грязи...

— Откуда ты? — живо восклицает король. — Разве ты дезертир?..

— Нет, Ваше Величество!.. Я из корпуса генерала Левенгаупта, бригада полковника Шталаля... — с трудом рапортует солдат. — Рядовой Эрик Сундстрем...

— Ты хочешь сказать, что вы разбили русских?.. — голосом, полным уверенности и надежды, допытывается монарх. Солдат опускает голову:

— Нет, Ваше Величество... Русские разбили нас...

Карл не верит своим ушам:

— Постой! Не спеши... Ты испугался и всё перепутал! Ведь так?.. — он подходит ближе. — Тебя отравили с тем, чтобы ты сообщил нам о победе шведского оружия! Что московиты наконец разгромлены...

Рядовой упорно бормочет:

— Нет. Мы проиграли...

— Не может быть!.. А что с самим Левенгауптом и полковником Шталем?

— Полковник взят в плен, а генерал успел бежать...

Карл опускается на табурет. Из-за стен палатки доносится какое-то странное, не очень внятное, но ошутимое беспокойство. Вдруг полог палатки откидывается, и на пороге возникает Левенгаупт. Худой, обросший, в измятом мундире и нечищенных сапогах...

37

Середина октября. Левобережная Украина, городок Батури. Поместье Мазепы. В горнице сам малороссийский владыка и его племянник Войнаровский. Гетман возбуждён и раздосадован:

— Так ты кажешь, що царь разбил шведского генерала?..

Войнаровский виновато отвечает:

— Так. Вин его разгромив у прах... И забрав увесь обоз... И рушницы, и порох, и гарматы...

Мазепа горестно качает головой:

— И пропитання тэж забрав?..

— Эгэ... Усё, що там було... — в тон ему отвечает племянник. — Мабудь, нам нэ трэба з Карлой вязались?.. На що вин нам?..

— Кто знае, хто знае...

— Мэнэ донэслы, що сам Меньшиков у Батури хоче приихать...

— Сам Меньшиков?!.. Ты не брешешь?.. — пугается Мазепа.

— Эгэ... Вин, — подтверждает племянник. Эта новость подхлестывает гетмана. Он сразу начинает распоряжаться:

— Ось цэго нэ трэба... Ни як! Ни у коем разе!.. — нервно теревит свой сивый ус. — Давай зробим так: ты поедэшь к Меньшикову у штаб и кажешь ему, що гетман дюже занемог... — крестится. — Вин при смерти... Его увезлы из Батурина у Борзну и почалы соборовать, чуешь?.. Хай воны думают, що нам ни до того... Чхатх мы хотелы на свары царя с королём! Нас сам господь призывает!.. Ось так... — гетман довольно побряхтывает, удовлетворённый своей хитрой уловкой. Племянник собирается с мыслями. — Ну, коханий, чекать николи! — подстёгивает его дядя. — Стримай швыдче до Меньшикова... Допобачення!..

Войнаровский поднимается и уходит. Гетман несколько минут сидит в раздумье, потом берёт в руки «люльку» и зовёт:

— Эй, хлопче!..

Появляется гайдук.

— Дай вигня!..

Слуга выходит и мигом приносит горящую лучину. Мазепа жадно затягивается. От порога доносится частый стук сапог. Хозяин выпускает струю голубого дыма. В горни-

цу входят Орлик, Чечель, Гордиенко, Галаган, Апостол...

— Здоровеньки булы, пан гетман!.. — они вразной приветствуют хозяина. Мазепа солидно кивает в ответ:

— Дякую, панове добродийство! Сидайте, будьте ласковы...

Нежданные гости чинно усаживаются, хотя в их движениях заметны тревога и растерянность. Гетман спокойно курит, и полковники, глядя на него, тоже вынимают трубки. Мазепа молча кивает на картуз с табаком, стоящий на столе. Гости по очереди набивают свои люльки. Хозяин кличет:

— Эй, хлопче!.. — появляется тот же слуга. — Дай панам вигня!..

И вновь в ход идёт лучина. Полковники передают её из рук в руки, и скоро вся горница застилается облаками густого дыма, словно поле в момент жестокой битвы...

— Гарный тютюн!.. — одобрительно замечает Галаган.

— Москали шведьского генерала добре поколотили... — негромко и как бы невзначай бросает Орлик.

— Слыхав... — невозмутимо соглашается хозяин.

— Що будемо робить?.. — не выдерживает Чечель. Мазепа не торопится с ответом.

— Козаков подымать треба!.. — не дождавшись слов хозяина, восклицает Гордиенко. — Иттить на допомогу Карле! Ще не пизно!..

Остальные сосредоточенно молчат. Усердно сосут свои люльки.

— Що мовчите, панове? — Мазепа чуть заметно усмехается. — За моею спиной хотите сховатись? А потим тихесенько до дому тикать?..

— Кажу тэбэ прямо, пан гетман, — не выдерживает Галаган, — нэ хотять значные козаки со шведами брататись... У их вера погана — так вони кажуть!

— Вэрно, не желають, — поддерживает соседа Апостол, — и мои козаки тэж...

Запорожский атаман Гордиенко машет рукой:

— Нэ слухай их, пан гетман, запорижцы уси, як один, за тобою пидут!..

Хозяин качает головой:

— Твоих запорижцев, Кость, дюже маленько...

Дотоле молчавший Орлик вдруг вмешивается в горячий спор:

— А мабудь, панове добродийство, нэ треба козакам Карлу в друзья сватать? Хай вин остается ворогом!..

Полковники непонимающе взирают на него, и только один Мазепа сразу понимает, куда клонит его генеральный писарь.

— От цэ добре! — под усами гетмана мелькает одобрительная усмешка. — Спасиби тэбэ за щирое слово, Пилип! — поворачивается к остальным: — Слушайте мэнэ, панове!.. Слушайте та разумеите... Зробим так: скликайте козаков на вийну, тильки нэ промовляйтесь з кем...

— Як нэ промовляйтесь?!.. — удивляется Галаган.

— Ось так... — Мазепа делает паузу. — Хай вони думают, що со шведами... Потим разберёмся, дасть бог...

38

Конец октября. Белоруссия. Городок Стародуб. Ставка Шереметева. Утро. Шереметев и Меншиков, сытно позавтракав, обсуждают планы дальнейших действий. Меншиков рассуждает вслух:

— Государь в честь победы под Лесной отслужил благодарственный молебен и отбыл в Смоленск... Все погибшие с честью преданы земле... Теперь нужно приниматься за главного противника. За Карлуса...

— Легко сказать... Ведь он по-прежнему стоит на правом берегу Десны и ни тпру, ни ну... И что у него на уме — никому не ведомо...

— А что бы ты делал на его месте, Борис Петрович?.. — Меншиков чешет за ухом. — Подкрепления у него нет, провианта тоже...

— Но сдаваться не думает — и мира не просит...

— Ишь, чего захотел! Да этот шведский бахвал скорее сдохнет, чем пойдёт на мировую!.. Как, мол, так — лучшую в мире армию поставила на колени какая-то дикая Московия! Позор на всю Европу!..

Шереметев соглашается:

— Карлу это как кость в горле... Зело самолюбив монарх свейский!..

— Ну, и бес с ним! — машет рукою Меншиков. — А нам-то, грешным, что делать? Также сидеть, как опята на берёзовом пне?.. — осматривается вокруг. — Над нами, слава богу, не каплет... И тепло, и светло, и сытно... Поеду-ка я, пожалуй, к этому старому хохлу...

— К Мазепе?.. — переспрашивает фельдмаршал.

— К нему... Что-то он, чёртов лиходея, нынче совсем затаился!.. А Толстой из Кон-

стантинополя писал, будто приспешники мазепины к хану крымскому наемни вылазку делали... — Меншиков накидывает плащ и надевает шляпу: — Только за каким бесом он их туда засылал?.. — поворачивается и выходит.

Во дворе его ждёт засёдланная лошадь и эскадрон гусар. Меншиков уже намеревается сесть в седло, но тут с улицы пятёрка драгун вводит связанного человека в польском кафтане.

— Ваше превосходительство, — обращается к генералу капрал. — Мы лазутчика поймали!..

Меншиков смотрит на пленника.

— Я племянник гетмана Мазепы, — говорит тот, — Войнаровский... Вы меня не признаёте, ваше превосходительство?..

Меншиков вглядывается пристальней:

— Развяжите его!.. — пленника развязывают. — Ты сам виноват, любезный друг! Зачем на тебе польское платье?.. Ничего другого, что ли, не нашлось?.. Каким ветром занесло тебя сюда, любезный племянник? И что поделывает твой дорогой дядя? Здоров ли?

— Иван Степаныч дюже занемог... Занедужил...

— А что с ним приключилось? — будто бы участливо подхватывает Меншиков. — Я было собрался навестить его, — показывает на свою свиту, — через минуту-другую мы уже летели бы по дороге в Батури, вот так...

— Его перевезли в Борзну, — продолжает скорбно лгать племянник. — Туда должен приехать из Киева архиепископ, дядю соборовать...

У Меншикова вытягивается лицо:

— Соборовать?! Разве всё так худо?!.. Ну, не пугай нас!..

Войнаровский молча кивает головой.

39

Конец октября. Левобережная Украина. Батури. На улицах городка теснится и шумит казацкое воинство. Явились миргородский, компанейский, полтавский полки и запорожцы во главе с Костей Гордиенко. Пока казаки братаются и весело балагурят, полковники собрались в поместье гетмана и решают, как им дальше поступить?

— Та чего тянуть? — настаивает Гордиенко. — Треба идти до шведов и усё!.. Поки москали нас нэ зустрилы!..

— А твои сечевики знают, куда вони пидуть?.. — хитро сощуривается главный обозничий (интендант) Ломиковский. Гордиенко бьёт себя в грудь:

— Зи мною хлопцы пидут в огонь и воду!..

— Поперву мы пидем у воду... — подхватывает гетман.

— Як у воду?.. — удивляется миргородский полковник Апостол. Мазепа напоминает:

— Нам треба перейти Сейм, потим Десну. Дви речки...

— А шведы где стоять?.. — уточняет Чечель. Гетман смотрит на него:

— Вони стоять на правом берегу Десны... Тильки ты туда не пидешь...

— Цэ почему? — удивляется Чечель. — Мои сердюки воды нэ злякались сроду!.. Я цэго нэ помню...

Собравшиеся посмеиваются, зная, что гетманская стража не боится никого и ничего, кроме своего хозяина.

— Вы остаетесь тут, — отрубает Мазепа. — Батури бросать нэ треба!..

— А скажи, будь ласка, пан гетман, — любопытствует компанейский полковник Галаган, — чи нэ ты хочешь своих ляхов шведам уступить? Що такэ?..

От неожиданности гетман не сразу находится с ответом, но стоит ему перевести дух, как в зале вдруг появляется взволнованный и растрёпанный Войнаровский:

— Пан гетман!.. Панове полковники!.. Сюды Меншиков скаче!..

Заговорщики взрываются.

— Як скаче?!.. — вскидывается Гордиенко. — Треба ворота закрывать да гарматы к бою готовить!..

Все разом поднимаются на ноги.

— Геть!.. — неожиданно громко и грозно восклицает Мазепа. — Ничого нэ треба робить! — обращается к племяннику. — Дэ ты его бачил?..

— У Стародубе... — испуганно отвечает Войнаровский.

— Ты ему сказав... — гетман делает паузу, — що я помираю? Сказав, чи ни?..

— Сказав...

— А вин?.. Що вин ответив?!..

— Меншиков пытав, дэ тэбэ поховают?.. У Борзне чи у Батурине?.. А Шереметев кажет, що у Печерской лавре... Тильки там тэбэ мисто...

— А як же ты поведав, що вин сюды скачет?..

— Колы я до него прискакав — Меншиков на коня садився... Вин до тэбэ поспешать хотел...

— А потим? — не отстаёт дядя.

— Потим вин до хаты пишов и я з ним...

— Хай бис ему у печёнки!.. — пристально смотрит на своих сообщников: — Я так розумию, панове полковники, треба нам з городу швыдче выступать... Хто его знае, що кляты москали надумалы!..

Казацкие старшины выходят на улицу. Здесь их ждёт шумное и многоголосое сборище. Мазепа толкает в бок Гордиенко:

— Ратуй, Кость!.. Веди своих хлопцев, а за ними и вси пидуть!..

— По коням, хлопцы!.. — зычно командует Гордиенко. — С нами бог и слава козацкая!..

Сечевики седлают коней, и, глядя на них, прыгают в сёдла казаки полтавские, миргородские и компанейские... Их главари тоже усаживаются верхами. Сам гетман, отозвав в сторонку главу сердюков Чечеля, что-то внушает ему. А вся гетманская охрана — это в основном крепкие и сильные поляки — старается не смешиваться с остальной массой!..

Но вот и самого Мазепу помещают в седло, гайдуки вставляют носки его сапог в стремя, и вся многотысячная орава галдящих, бряцающих оружием, раскуривающих трубки, отхлёбывающих из фляжек горилку, бесшабашных и отчаянных людей двинулась вон из города...

Возле гетмана сгруппировались его ближайшие помощники — писарь Орлик, обозный Ломиковский, генеральный судья Чуйкевич (занявший место казнённого Кочубея), племянники Войнаровский и Обидовский, атаман Запорожской Сечи Гордиенко, полковники Апостол, Галаган, Зеленский, Покотило, Лизогуб, Томара... Половину своей личной охраны — сердюков — он тоже взял с собой. А оборонять резиденцию Мазепы — Батурин — остались опять же сердюки и часть казаков во главе с Чечелем...

Но вот последние всадники минули городскую ограду, за ними закрылись тяжёлые ворота и наверху, на стене, разом возникли бдительные дозорные. Простые обыватели, оставшиеся на опустевших улицах, недоумённо судачат:

— Куда воны поихалы?..

— Та шведов бить...

— А чому ворота закрылы?..

— Та бис его знае!.. — отвечает самый догадливый. — Мабудь, шведы их побьют, тоды мы тут сховаемся...

— Сховаемся? Чекай!.. — ворчит самый недоверчивый. — Колы москали на пидмогу нэ прискачут — шведы нас вигнём спалят...

— А сердюки-то, дывись, никому спуску нэ дадут!..

— Та цэ ж ляхи!.. Воны и з тэбэ шкиру знимуть!..

Горожане, взволнованные случившимся, не спешат расходиться по домам. А когда казацкое воинство скрылось за горизонтом, к воротам прискакал эскадрон храбрых гусар. На громкий стук из сторожевой вышки показался недовольный охранник:

— Ты чого колотишь, скаженный?..

— Открывай ворота! — приказывает вахмистр. — Сюда сам Меншиков едет!..

— Нэ вэлэно!..

— Как не велено?! — ярится гусар. — Ты очумел, что ли, дурья башка?! Говорю тебе — сам Меншиков!..

— Та хочь сам господь бог! — равнодушно роняет страж. — Никого пускать нэ вэлэно, и усё!..

В это время к городу на рысях приближается драгунский полк во главе с Меншиковым.

— В чём дело, братцы?.. — видя плотно закрытые ворота, недоумённо спрашивает он.

— Ваше превосходительство, — докладывает вахмистр, — эти чёртовы хохлы не желают нас впускать...

Меншиков подъезжает ближе:

— Эй, кто там?.. Извольте открыть ворота! Это приказ!..

Стражник орёт в ответ:

— А мэнэ начхать! Кажу вам — нэ вэлэно...

— Ты хочешь пулю получить, казак?.. — Меншиков вынимает из-за пояса пистолет. — А ну, позови старшого!..

На стене показывается командир сердюков Чечель:

— Кто тут шумить? Якого биса вам треба?..

Меншиков узнаёт его:

— Так это ты, Чечель? А где твой хозяин?.. Он жив или уже преставился?..
 — Жив и вам того желаеть...
 — Так прикажи впустить нас!.. — нетерпеливо распоряжается генерал. — У меня к нему дело...

Командир сердюков не двигается с места:

— Гетмана у Батурине нэма...
 — А где он? В Борзне?.. — не отступает Данилыч.
 — Нэ знаю... Мэнэ вин нэ докладае...
 — Ладно. Потом разберёмся... А пока впусти нас...
 — Нэ пуцу! — твёрдо отвечает главный страж. — Мазепа нэ вэлел...
 — Ты с ума сошёл!.. — свирепеет генерал. — Да мы тебя!..

Чечель делает знак рукой, и на стене появляется сотня вооруженных ружьями сердюков, наставив их на русских.

40

Конец октября. Левобережная Украина. Правый берег реки Десны. Шведский лагерь. Утро. В штабной палатке собрался весь генералитет. Карл, стараясь не терять присутствия духа, бодро объясняет помощникам:

— Я полагаю, господа, что всё обстоит не столь уж мрачно... Правда, мы понесли чувствительные потери и потеряли темп наступления, но и русские явно выдохлись...
 — Уже почти месяц, как они совсем не тревожат нас!.. — подтверждает Шлиппенбах. Но генерал Шпарре не соглашается:

— А мне кажется, что обольщаться этим преждевременно... Я склонен допустить, что русский царь готовит нам очередной сюрприз...

— Я солидарен с генералом, — поддерживает Шпарре многоопытный Левенгаупт.
 — Это затишье не сулит ничего утешительного...

— Ну, хорошо. Что вы предлагаете, господа?..

После минутной паузы слово берёт Мейдель:

— К сожалению, Ваше Величество, у нас только два выхода: воевать дальше или просить мира...

— Просить мира?! У московитов?!.. Никогда!..

В палатку вбегает дежурный офицер:

— Ваше Величество! На том берегу появились русские!..

Все собравшиеся разбирают оружие и выбегают вон. Весь лагерь уже на ногах. Офицеры и солдаты, бряцая оружием, седлают коней, спешно заряжают мушкеты и примыкают штыки. Королю и генералам подводят лошадей, они запрыгивают в сёдла и скачут в сторону реки, причём Карл летит впереди всех...

Река Десна в этом месте неширока, где-то около полутора сотен сажений, и поэтому ещё на скаку все успевают разглядеть вражеское воинство на противоположном берегу...

— Ваше Величество, это не солдаты!.. — догнав короля, кричит Шлиппенбах.

— Вижу!.. — не оборачиваясь, рявкает Карл.

Предвкушение неминуемой битвы уже вовсю обуревает неутомонного вояку. Очутившись у самой кромки воды, шведы осаживают коней.

— Ваше Величество, они могут нас обстрелять!.. — предупреждает Шпарре.

— Ничего страшного... — возражает многоопытный Левенгаупт. — Пули сюда не долетят, а пушек я не вижу...

И вправду, большое конное войско, сгрудившееся напротив, оснащено только ружьями и саблями, другого оружия у него не заметно.

— Кто это такие?.. — недоумевает Мейдель.

— Это казаки, — отвечает Шпарре. — Сейчас мы их разгоним ядрами...

Шлиппенбах пожимает плечами:

— Но ведут они себя довольно странно!..

Король оглядывается и видит, что его солдаты — конные и пешие — уже усеяли весь берег позади него и ждут сигнала. А противник и не думает форсировать реку. Более того — в самой гуще чужого войска происходит нечто непонятное: там кто-то выступает с речью, и все вокруг внимательно слушают его...

— А ну-ка, приведите того капрала, — распоряжается Карл, — того, который был в плену!..

Весь шведский берег невольно замирает, как будто тоже хочет услышать оратора. А этим оратором был малороссийский гетман.

— Вильные казаки! Шановни громадяне!.. Я привёл вас сюды от щирого сердца... Нэ треба нам воевать зо шведами, хай воюють з ними москали! Цэ воны хотять пидчинить вас та зробить из вас рабив и холопив... А шведы дадут нам права и свободу...

Ходим, ходим до них!.. — Мазепа, сидя на коне, указывает рукою на неприятельский берег, — казаки, кроме запорожцев, сердюков и гетманской свиты, угрюмо молчат. — Чого вы мовчите?.. Хиба вам нэ треба прав та воли?.. А чого вам треба?..

— Нам треба тикать до дому!.. На що нам такэ дило?!.. — раздаются отдельные, негромкие голоса.

Мазепа теряется. Он в недоумении оглядывается на сподвижников, на грозных сердюков, но подавляющее число казаков начинает стремительно разбегаться... Шведы на том берегу уже выкатили пушки и запалили фитили, однако, видя столь неударжимое бегство, застыли в растерянности...

— Что там происходит?!.. — негодует Карл. — Неужели эти хохлы что-то задумали?.. Какой-то небывалый трюк?..

А вокруг гетмана и его помощников, скорее всего, осталась лишь десятая часть от бывшего ополчения. Только запорожцы во главе с Гордиенко и верные сердюки окружают его.

— Ваше Величество, — окликает Карла генерал Шпарре, — привели того самого капрала...

Монарх обращается к бывшему пленнику:

— Послушай, гвардеец, спроси у этих людей, кто они такие и чего хотят? Может, они просто заблудились?..

Капрал подходит к самой кромке воды, складывает ладони рупором и кричит:

— Гэй!.. Добры люди!.. Звидкиля вы и чого вам треба?..

Среди сторонников гетмана заметно оживление. Мазепа толкает в бок писаря Орлика. Он тоже подъезжает к воде и кричит в ответ:

— Мы — людина гетмана Мазепы и приехали до шведьского короля Карлы!..

Капрал поворачивает голову:

— Они от гетмана Мазепы и приехали к вам, Ваше Величество...

Король с подозрением вопрошает:

— А где же сам неуловимый гетман?.. Его нет, что ли?..

Переводчик, надсаживаясь, кричит:

— Его Вельчность спрашуваеь — дэ сам незловивый гетман?.. Его нэма, чи шо?..

Среди малороссов возникает недоумение, но Мазепа вдруг решительно раздвигает плотную охрану и смиренно приближается к воде. Карл и его свита во все глаза смотрят на него. Даже шведские артиллеристы, державшие на прицеле вражеский берег, поднимаются с колен...

Монарх подносит к глазу подзорную трубу, несколько минут созерцает малороссийского владыку и роняет вполголоса:

— Он действительно стар, но довольно бодр и крепок... — окликает капрала: — Спроси его — зачем он сюда явился?.. Что ему нужно?..

Но не успевает переводчик задать вопрос, как Мазепа сам громко отзывается по-немецки:

— Я приехал служить Вашему Величеству. Верой и правдой!..

41

Конец октября. Левобережная Украина. Село Погребки в двух верстах от Новгорода-Северского. По дороге катит почтовая карета в сопровождении эскорта драгун. В карете двое — царь Пётр и денщик Кикин. Слуга мирно дремлет, а государь, неотрывно глядя в окно, о чём-то сосредоточенно размышляет. Экипаж подъезжает к почтовой станции, и лошади, как по команде, останавливаются. Кикин мгновенно просыпается:

— Уже приехали, Пётр Алексеич?..

— Приехали... Только куда?.. — царь распахивает дверцы кареты. А на крыльцо выбегает стационарный смотритель. Видя вооружённых всадников и внушительную фигуру пассажира, смотритель от страха теряет дар речи.

— Скажи-ка, любезный, — спрашивает Пётр, — где наши генералы квартируют?..

Смотритель кланяется и молчит. В разговор вступает Кикин:

— Кажи, будь ласка, пан поштарь, дэ важкие москали живут? Розумеешь?..

В лице смотрителя появляется мысль и оживление.

— Ось там, — он показывает рукой, — у той хати... Там вони усе...

Денщик намеревается вернуться в карету, но царь удерживает его:

— Пойдём пешком... Это экипаж казённый, пусть его используют по прямой надобности...

И, в сопровождении эскадрона верховых, Пётр отправляется к указанному дому. А весть о его прибытии, непонятно каким образом, уже разнеслась по селу. На улицах сразу появились и жители, и солдаты, в пояс кланяясь царю. Он недоволен:

— Чёртовы хохлы! Когда я отучу их поклоны бить? Вот окаянные!..

Кикин, неся царский сундучок, лукаво посмеивается:

— Им это в радость, Пётр Алексеич! И для согрева опять же... Ничего, не переломятся!..

Из дверей просторного дома выходят Меншиков и Голицын — очевидно, что им тоже успели сообщить о приезде царя. Пётр не ждал увидеть радости и восторга в лице того и другого, но кислые физиономии генералов сразу насторожили его.

— Что-то случилось?.. — ступив на крыльцо, сразу спрашивает он. — Карл поколотил Шереметева? Или вас обоих?..

— Да как сказать, мин херц... — пожимает плечами Меншиков. — Случилось то, что должно было случиться...

Государь замирает на пороге. Наверно, он догадывается, что имеет в виду Данилыч, только не желает в этом признаться. И Меншиков молчит, не рискуя лишний раз колоть ему глаза. И тут Голицын решает разрядить накалившуюся атмосферу:

— Мазепа сбежал...

— К Карлу?.. — выдыхает Пётр.

— К нему... — подтверждает Меншиков. — К кому же ещё?..

Царь стремительно входит в дом, помощники спешат за ним. Там он рывком сдёргивает с головы шляпу, сбрасывает плащ... Генералы тревожно молчат. Пётр двумя шагами пересекает комнату и с маху садится на табурет.

— Значит, Кочубей был прав... — голос его звучит сдавленно и глухо.

— Прав, мин херц... — негромко соглашается Меншиков.

После затяжной, тяжёлой паузы государь пытается осознать случившееся:

— Но это доподлинно известно?.. Это не слух, не сплетня, не навет?..

— Как перед богом, Пётр Алексеич! Какие тут наветы?.. — истово крестится Голицын и Меншиков вслед за ним.

— Когда сие случилось?..

— Третьего дня... — сообщает Меншиков. — Ко мне прискакал его племяш Войнаровский — и говорит, что Мазепа помирает!..

— Как помирает?! — недоумевает Пётр. Данилыч усмехается:

— Это он для отвода глаз! Нынче-то всё известно — Мазепа собрался бежать к шведам и устроил этот балаган, чтобы время выиграть... А я, мин херц, как раз собрался к нему в Батурин нагрнуть!.. А Войнаровский говорит — при смерти, мол, дядя! Собрывать его собрались, из Киева сам архиепископ едет...

— Вот старый Иуда!..

— Он самый!.. И пока то, да сё — племяш его живо дал тягу!.. Утёк во все лопатки... Я взял полк драгун — и за ним. Приезжаю в Батурин — Мазепы и след простыл!.. Ворота закрыты... Кругом охрана... Главный его телохранитель Чечель говорит, в город пускать никого не велено! И ружья на нас наставил...

Пётр уточняет:

— Он один, что ли, сбежал?..

Тут в разговор вступает Голицын:

— В том-то и дело, что нет!.. С ним было тысяч двадцать войска: и реестровые казаки, и запорожцы, и сердюки...

Пётр:

— Это сила серьёзная! Карлу она будет нелишней...

Меншиков:

— От силы этой остался один пшик!.. Одна вшивая команда!..

— Как так?..

— Когда они добрались до шведов, то все казаки разбежались — остались сердюки и запорожцы...

— Испугались?..

— Ан нет!.. Оказалось, что Мазепа увёл их обманом... Казаки-то думали, что их ведут воевать с Карлом, а гетман призвал их перейти на сторону шведов... Тут всё и началось... Удрали без оглядки!.. Только пыль столбом!..

— А откуда вы об этом узнали?..

— К нам прибежал казачий сотник, который был с Мазепой, и всё, как есть, передал...

— Сколько людей с Мазепой осталось?..

— Сотник говорил — тыщи полторы-две.

— А что он им посулил?..

— Клялся, что Карл даст им права и свободу... Более ничего...

— Из моих рук он получил власть и деньги, а от Карла он намерен получить права и свободу? Сие крайне занимательно... А зачем ему всё это?..

Меншиков смеётся:

— Власть и деньги, мин херц, можно увидеть и пощупать!.. А что такое — право и

свобода?! Так, — надувает губы, — фук и ничего больше!..

— Как полагаете, господа генералы, куда Карл направит свои стопы? — вопрошает Пётр.

— В Батурин, конечно...

— Только туда, государь... Мазепа не такой дурак, чтобы идти к шведам с пустыми руками! Кое-чего он, надо думать, заранее поднакопил, запаса... И провианту, и свинца, и пороху...

— Тогда нам нужно его опередить! Кто पहले, тот и правее, верно?.. Нельзя, чтобы этакий куш неприятелю достался!.. Самим в дураках бы не остаться... Вы оба и пойдёте! С богом!..

42

Начало ноября. Левобережная Украина. Правый берег реки Десны. Лагерь шведов. В штабной палатке собрался весь генералитет во главе с королём. Напротив них сидит Мазепа вместе со своими ближайшими сподвижниками — Орликом, Ломиковским, Гордиенко, Апостолом, Галаганом. Судя по всему, разговор идёт крайне напряжённый и затяжной. Обе стороны старательно прощупывают друг друга...

Карл с недоверием смотрит на малороссийского владыку, пытаясь понять причину его поступков. Разговор идёт по-немецки. Орлик переводит, он знает почти с десяток языков. Король держит в руках универсал, когда-то опрометчиво распространённый Мазепой, и сердито спрашивает:

— Кто сочинил эту бумагу?..

— Я, Ваше Величество, — смиренно соглашается гетман.

— Здесь предлагается всем малороссам зарыть в землю зерно, деньги и вещи?..

Мазепа покаянно кивает:

— Именно так...

И тут король достаёт ещё одну бумагу — манифест, обращённый к самому шведскому монарху:

— А это? Кто автор?..

— Тоже я, — старый гетман виновато склоняет голову.

— Так чему мне должно верить? Где истина и где подлая, коварная ложь?..

— Ваше Величество, я вынужден был писать это, чтобы отвести от себя гнев царя Петра... Если бы он уличил меня в измене — не сносить бы мне головы...

— Почему казаки бросили тебя?..

— Думаю, Ваше Величество, что они заметили готовые к стрельбе пушки и просто испугались...

Шлиппенбах подсмеивается:

— Твои воины, гетман, не слышали грома пушек? Им милее пенье петухов?

— А почему эти, — Карл кивает на старшин, — и те две тысячи не сбежали?..

— Это мои помощники, моя охрана и запорожцы...

— Не много же у тебя союзников! А ты писал, — Карл потрясает манифестом, — что поднимется вся Украина!.. Она только и ждёт нашего прихода... Где это всё?!..

— Чем вин нэ доволен?.. — не выдерживает Гордиенко.

Гетман отвечает вполголоса:

— Нас зовсим трохи...

— Пущай вин почекает... Усё Запорижье разом поднимется!..

— Что он говорит? — интересуется король. Мазепа поясняет:

— Это — мой наместник в Запорожской Сечи... Он утверждает, что на соединение с нами идут тысячи казаков... Нужно немного подождать...

Карл смотрит на генералов. Шпарре пожимает плечами:

— Нам больше необходимо продовольствие и порох, чем живая сила... Воевать мы сами умеем...

Его поддерживает Левенгаупт:

— Неплохо бы обеспечить солдат тёплой одеждой...

Гетман тут же заверяет:

— Ваше Величество, всё это припасено у меня в Батурине... И провиант, и порох, и тёплая одежда...

43

Начало ноября. Левобережная Украина. Окрестности Батурина. К городской стене скачет сотник Маркевич с отрядом казаков. Едва он оказывается вблизи ворот, из надвратной башни появляется дозорный. Маркевич кричит ему:

— Гэй! Добрый молодец! Дэ твий полковник?..

На зов выходит Чечель:
 — Я тута. Чого тэбэ треба, сотник?..
 Маркевич снимает папаху:
 — Пан полковник, ты нэ забудь, што три дня, которы вам давалы на роздумье, вжэ кинчились?..
 Чечель как будто не понимает:
 — Якие три дня?..
 Сотник пытается вразумить его:
 — Та як же? Генерал Меншиков казал, што через три дни нас у Батурина треба пушцать!..
 Чечель грозно:
 — Вас? У Батурина?!.. — выставляет кукиш. — А цэго ты нэ бачил?!..
 Маркевич надевает папаху:
 — Ну, тоды держись!.. Тоды мы вас усих повбиваем!.. Никого у живых нэ оставим!.. Предателив...
 Чечель злобно:
 — Ах ты, мать твою!.. Москальский падлюко!.. Ось тэбэ!.. — стреляет в сотника из пистолета.
 Маркевич хватается за плечо, едва не падая из седла. Казаки удерживают его. Начинается перестрелка, и гонцы отступают. А вдалеке уже видны строгие ряды всадников и пехотинцев, следом за ними движется артиллерия. Сотник, кое-как держась на лошади, вместе с казаками спешит им навстречу. Его замечает генерал Голицын, едущий во главе русского войска, и посылает ему наперехват адъютанта. Тот приказывает казакам привезти раненого к генералу. Голицын останавливает лошадь и терпеливо ждёт. Маркевич, прикрывая рукою рану, старается держаться молодцом.
 — Тебя крепко ранило, сотник?.. — участливо спрашивает генерал.
 — Сердюцкий полковник угостил, ваше превосходительство!.. — Маркевич улыбается и бледнеет.
 — Лекаря сюда!.. — командует Голицын и прибавляет: — Не хотят они нас в город пускать?..
 — Никак нет... — сотник вот-вот рухнет наземь, но его подхватывают казаки и передают на руки полкового лекаря. Генерал приказывает:
 — Всем стоять!.. Пушки к бою!..
 Трубит сигнал. Кавалерия и пехота замирают на месте. Канониры выкатывают орудия, выпрягают лошадей. До городских стен остаётся с полверсты. Внутри города заметно движение, его обитатели готовятся к обороне. А снаружи начинается размеренная и деловитая осада: пушкари прочищают жерла орудий, выкатывают ядра и бомбы, готовят порох и разжигают фитили...
 В задних рядах заметно движение и шум:
 — Генерал Меншиков скачет!..
 К Голицыну на рысях приближается Меншиков:
 — Ну, что, Михайло, не хотят ляхи нас в город пускать?..
 — Ни под каким видом! Нашего парламента чуть не убили!..
 — Ну, ладно, чёрт их дери, не хотят — и не надо!..
 Со стороны Батурина в направлении русских летит бомба, падает наземь, бешено крутятся... И не успевают солдаты броситься на землю, с грохотом разрывается. Слышны крики и стоны раненых...
 — Огонь, ребята!.. — кричит Меншиков. — Дайте им, нечестивым, жару!..
 И тут же закипает яростная, безудержная пальба. Всё вокруг заполняется дымом и адским грохотом...

44

Начало ноября. Левобережная Украина. Город Глухов. На главной площади-майда-не, недалеко от главного собора, плотники сколачивают из свежеструганного дерева внушительную виселицу. Вокруг толпятся досужие горожане и детвора. Все возбуждены и озадачены...
 — Цэ для кого шибеница?.. — любопытствует смазливая молодая бабёнка.
 — Для жинок, — усмехается пожилой казак, — воны таких, як ты, молодок, будуть вишать ногами кверху, — под общий хохот заключает он, — щоб усё було видко!..
 — А ну тэбэ к бису!.. — отмахивается та.
 — Цэ для Мазепы шибеница... — говорит ей пожилая горожанка.
 — Хиба его пиймалы?.. — удивляется молодка. Ещё один старый казак прибавляет:
 — Ни. Утик вин до шведов... На шибеницу повисят его опудало... Москали кажуть — чучело...

— А для чего?.. — изумляется молодка. Окружающие явно не знают, как растолковать ей, в чём суть позорного обряда.

— Вин царя предал... — уныло твердит пожилая горожанка.

— Кто? Чучело?.. — недоумевает молодка. Старый казак смеётся:

— Ни. Сам Мазепа... Ох, и дурна твия голова!..

— Сам ты старый дурень!.. Гутаришь якусь шкоду!.. — фыркает молодка. Издалека доносятся голоса мальчишек:

— И-го-го-го!.. Мазепу везуть!.. Ма-зе-пу!.. Ратуйте уси!..

В открытые двери собора чинно входят состоятельные горожане, крестя лбы. Храм переполнен. В первых рядах находится сам государь и его ближайшие сподвижники: Шереметев, Меншиков, Голицын, Репнин, Головкин, Шафиров, новый гетман Скоропадский. Перед алтарём, у царских врат, стоит киевский митрополит со всем своим клиром. Протодиакон громогласно возглашает:

— Благослови, владыко!..

Митрополит в ответ:

— Благословен господь бог наш!.. Ныне и присно и во веки веков!..

Хор, стоящий на клиросе, подхватывает:

— Аминь!..

Прихожане, во главе с царём, истово крестятся. В это время на площади появляется палач, тянущий за собою на верёвке чучело Мазепы. На нём голубая андреевская лента и бутафорские ордена. Ватага мальчишек бежит следом, гогоча и кривляясь... Уличная толпа встречает всё это почти полным одобрением. Многие наверняка вспомнили масленичные гуляния, когда в минуты самого разгульного веселья все тормозят и весело жгут чучело зимы. Палач умело закидывает верёвку на деревянный глаголь, срывает с чучела голубую ленту, шутовские награды...

А в храме протодиакон басом рокочет:

— Благословен бог, вечно живущий и благословенно царство его... Ибо он наказует и милует, и нет никого, кто избежал бы руки его...

Хор дружно:

— Аминь!..

Митрополит:

— В его руке душа всего живущего и дух всякой человеческой плоти. У него могущество и премудрость. Он покрывает стыдом знаменитых и силу могучих ослабляет. Если бог не отвертит гнева своего, то падут пред ним все поборники гордыни. Все отступники и малoverы...

Хор:

— Аминь!..

Прихожане крестятся. Митрополит:

— Свет у беззаконного потухнет, и не останется искры от огня его. Померкнет свет в шатре его и светильник угаснет над ним. Сократятся шаги могущества его, и низложит его собственный замысел его, ибо он попадёт в сеть своими ногами, им же расставленную...

Хор:

— Аминь!..

Митрополит:

— Со всех сторон будут страшить его ужасы... Истощится от голода сила его и гибель его не за горами — она рядом с ним... Память о нём исчезнет с земли, ибо имя его не прозвучит на площади. Изгонят его из света во тьму и сотрут его с лица земли...

Хор:

— Аминь!..

Все крестятся. Митрополит завершает:

— Ни сына его, ни внука не останется в народе его, и никого не увидят в жилищах его. О дне его ужаснутся потомки и ныне живущие будут объяты трепетом...

Хор громогласно:

— Аминь!..

Протодиакон густым, рокочущим басом возглашает:

— Мы, избранные во имя господа Иисуса Христа, всенародно возглашаем: мало-российскому гетману, изменнику, клятвопреступнику, злоумышленнику Мазепе, — громовым басом, — ана-фе-ма!..

Хор и весь клир:

— Анафема! Анафема! Анафема!..

Все поспешно крестятся и в открытые двери храма видно, как чучело Мазепы вздымается на виселицу. Народ в необъяснимом ожиданье чего-то невероятного умолкает...

Середина ноября. Левобережная Украина. Разорённый городок Батурин. Вернее то, что от него осталось... Холодный ветер гуляет над пепелищами и развалинами. Выгорело и порушено всё, что было когда-то хатами простых горожан, усадьбами казацкой старшины и богатым поместьем гетмана, которое он гордо именовал «замком»...

Десятки оставшихся в живых жителей, старики, женщины и дети, бродят среди пожарищ, вороша жалкие останки своих и чужих родовых гнёзд, в непонятной надежде отыскать что-то дорогое и памятное... И не истошные вопли и причитания витают над стылыми руинами, а жалкий, почти щенячий вой и всхлипы...

Но вдруг на горизонте появляются плотные шеренги людей в синих мундирах, движущиеся уверенно и грозно. И бедные батуринцы, которых, казалось бы, ничто не трогает на этом свете, мгновенно умолкают и разом исчезают, словно растворяются в пепле и гари...

К остаткам бывшего города приближается шведское войско. Король, как всегда, едет впереди. А рядом с ним — бывший гетман. Теперь он здесь, как равный с равным. И право на это ему даёт случившаяся трагедия. Даже чужеземные генералы понимают, что стёртый с лица земли город — вотчина Мазепы — даёт ему отпущение всех грехов. Он может даже приобрести кое-какой моральный капитал и возвыситься в их глазах...

Заметив, что Карл и его генералы сочувственно наблюдают за ним, малороссийский владыка снимает папаху, размашисто крестится и шепчет молитву. Все замирают на месте. Картина свершившегося бедствия более чем выразительна: сожженные, разрушенные дома, неприбранные трупы, следы буйств и надругательств...

Мазепа говорит по-латыни:

— Вон там был мой замок... — в глазах его блестят слёзы.

Король и свита видят остов гетманской усадьбы. Разумеется, над его разгромом осаждавшие потрудились особо, не оставив там камня на камне...

— Мне жаль тебя!.. — вполне искренне признаётся король.

Вдруг на пепелище появляется полураздетая, вся в пепле и саже старуха. Она возникает неведомо откуда, словно некий материализовавшийся дух сожжённого города. Фурия мести и отчаяния. Даже бывалые и brave вояки, завидев её, невольно вздрагивают. А та, ни на кого не обращая внимания, идёт, босая, по золе и пеплу, напрямиком к гетману. И тот, глядя на неё, цепенеет...

— Явився, ворон!.. Явився, скаженный!.. Явився, гаспид!.. Нашу погибель бачить прискакав?!.. И як вона тэбэ?!..

— Та ты шо, маты?.. — восклицает Мазепа. — Я ж ваш гетман!.. Може, ты мэнэ нэ пизнала?..

Карл и свита в немом изумлении наблюдают эту сцену. Им кажется, что на их глазах происходит нечто дикое и необъяснимое. Будто бы некий кошмарный сон...

— Нэ пизнала?! — старуха ощеривает беззубый рот. — Пизнала, як облупленного! Хиба нэ ты, злыдень, нас тута кинув?! На разправу москалям?! Сам утик, а мы усе згублы... И диды, и жинки, и малые диты... — лицо её искажается гримасой боли и плача. Мазепа опускает голову.

— Буде проклят ты, поганый павук!.. Шведський пёс... — медленно поворачивается и тихо уходит. Костлявые плечи несчастной содрогаются от рыданий...

К полковнику Апостолу осторожно приблизился худой, оборванный старик с маленьким, чумазым мальчонкой, протягивая горстью дрожащую руку. Полковник, не колеблясь, отдаёт ему кошелёк и участливо спрашивает:

— Батько, хто вас спалив?..

— Меньшиков... — отвечает дед, благодарно кланяясь полковнику и заодно шведам.

Декабрь 1708 года. Левобережная Украина. По зимней, заснеженной дороге в закрытом возке едет государь вместе с денщиком Кикиным. Оба в добротных шубах, меховых шапках, укрытые медвежьей полостью. Драгуны в бараньих полушубках и шапках, с белыми от мороза лицами, молча сопровождают их. Гривы и чёлки лошадей щедро унизины инеем, а пар из ноздрей вырывается белыми облаками...

— Такой лютой зимы, Пётр Алексеич, — поколачивая одной рукавицей о другую, — даже старики здешние не помнят... — с усмешкой говорит Кикин.

— Эх, кабы этот зверский мороз токмо одних бы шведов донимал!.. — вдруг о крышу возка ударяется что-то увесистое и твёрдое, словно камень или кусок льда... — Что за дьявольщина?.. — восклицает Пётр. — Голова у кучера никак отвалилась?..

Кикин стучит в переднюю стенку:

— Ермоха, ты жив?.. Жив аль нет?.. Отзовись, непутёвый!..

Возок внезапно останавливается. Осторожно приоткрывается дверь, и в щель просовывается рука с мёртвой птицей на ладони:

— Гляди, царь-батюшка, какой подарок прямо с неба свалился!.. Меня чуток не пришибло!..

— Это ворона! — объявляет денщик, а Пётр, как завзятый натуралист, берёт мёртвую птицу в руки и с интересом рассматривает её. Кикин кричит: — Закрывай дверь, кромешник!.. Чай, не лето!..

Кучер захлопывает дверь, и возок трогается. Царь неожиданно произносит:

— А в евангелии сказано: «Посмотрите на воронов — они не сеют, не жнут, нет у них ни хранилищ, ни житниц, а бог питает их...» — он вертит в руках неожиданную добычу, потом осторожно кладёт её под лавку и говорит задумчиво: — Прогневили мы господа окаянством своим... И наслал он и мор, и глад, и стужу... Неужто это всё нам в испытание?..

Денщик вторит:

— На лету ведь птица околела!.. Ну и ну!.. Скажи кому — не поверят!..

Возок приближается к селу Веприки. Над низенькими, до окон утонувшими в сугробах хатами стоят торчком десятки дымов, и встающее из-за горизонта солнце едва пробивается сквозь завесу густого, морозного воздуха. Экипаж подъезжает к самому просторному дому. Государь и денщик выпрыгивают наружу и, не останавливаясь, взбегают на крыльцо. На ходу отрясают валенки и рывком открывают дверь. В хате тепло и уютно, горят свечи, на столе пыхтит самовар. Генерал Ренн спешит встретить царя. Пётр переступает порог и пытается перекреститься на икону в красном углу, говоря с улыбкой:

— Вот наказанье! Лоб окрестить не могу — задубел насквозь! Даже язык еле ворочается.

— А вот самоварчик готов, Пётр Алексеич! — радушно восклицает генерал. — Горяченького чайку с мороза — самое разлюбезное дело! Прошу покорно...

Царь сбрасывает шубу и шапку на руки Кикина и садится за стол. Ренн сам наливает ему чай. Пётр берёт стакан и тесно обнимает его ладонями, с наслаждением согревая их.

— Нынче к тебе ехали — и надо такому случится — ворона на лету очоурилась и к нам на возок пришлась!.. Точно бомба свалилась...

— Это она к шведам летела!.. — вполне серьёзно отвечает Ренн. Царь удивляется:

— Ты взаправду или как?.. Шутить изволишь?..

Генерал улыбается:

— Могу поклясться, Пётр Алексеич! — после секундной паузы прибавляет: — Они, бедолаги, лошадей своих едят, а требуху и кости на улицу бросают... Вот вороньё туда и валит со всех сторон...

— Шведы от тебя в скольких верстах?

Ренн указывает прямо перед собой:

— В двадцати пяти верстах, в Гадяче, стоят три полка, — потом кивает вправо: — А в тридцати верстах, в Ромнах, стоит сам Карл... С ним все главные силы...

Царь некоторое время размышляет, потом задумчиво произносит:

— Оно, конечно, нельзя им позволить соединиться — понеже они тебя могут раздавить... Однако же и своих солдат в такой свирепый мороз на улицу выгонять не хочется... Риск больно велик!.. — Пётр сокрушённо вздыхает.

— И что?.. Остаётся ждать, пока неприятель не съест всю свою кавалерию и не вымерет от голода и холода?..

— Карл не тот вояка, который будет сидеть и выжидать. Он скорее умрёт на острие шпаги, чем позволит удушить себя костлявой рукой голода...

— Так что нам остаётся, государь?..

Царь залпом допивает чай и встаёт:

— Действовать. Будь завтра к утру у меня в Лебедине... Соберём военный совет и решим... — Кикину: — Тулуп, Александр!

Декабрь месяц. Левобережная Украина. Село Ромны. Ставка шведского короля. В тесной хате набились казацки старшины. При свете сальной свечи, покуривая свои люльки, они расположились привычным порядком, кто сидя, кто лёжа на лавке, небрежно подстелив лохматые бараньи полушубки.

Главный обозничий Ломиковский пытается отвести от себя справедливые упреки:

— Я давно казав гетману, щоб вин ховав пропитання подале от москалей...

— А куды? — укывшись завесой дыма, возражает Апостол. — Побльже к ляхам?..

— Время вин упустил, — трезво замечает Галаган, — треба було раньше зачинать, але нэ зачинать зовсим!.. Тоды б и жратва була, и усё як надо...

— Царь велел проклясть его во всех церквах!.. — траурно сообщает генеральный судья Чуйкевич.

— Его вже кругом клянуть без роздыху!.. — подхватывает Лизогуб.

Полковники в тревоге оборачиваются к нему. Но тут распаивается низкая дверь, и вместе с клубами морозного воздуха в хату входит Мазепа в сопровождении Орлика. Внимание собравшихся сразу переключаются на него, однако хитрый гетман делает вид, что смертельно устал и не может мгновенно отвечать на чьи-то докучливые вопросы...

— Ох-ох, хлопцы!.. Дюже тяжко мэнэ... Дайте хочь прилечь!.. Бо ноють старые кости... Ох, лишенько, боже ж ты мий!..

Старшины суетливо вскакивают, под руки берут малороссийского владыку и бережно укладывают на импровизированную постель в красном углу. Мазепа, потихоньку постанывая, прижмуривает веки. Сообщники тревожно переглядываются — недуг или смерть повелителя лишит их всяких, самых призрачных надежд. В его руках их общая судьба...

— Свяжав мэнэ нечистый с этим Карлой... — после затяжной паузы негромко сетует гетман. — Найкраще з самим чёртом вязатись!..

— А що так?.. — с подозрением спрашивает Ломиковский.

— Що?! — Мазепа открывает глаза. — Кошта вин требуе!.. Дэ, кажет, ваше пшоно, греча та сало?.. Давай их швыдче сюды!..

Галаган восклицает:

— Ишь, чого захотев! Мы сами сало который год нэ бачили!..

— Дюже гарно вин жить хоче!.. — подхватывает Ломиковский. — Хиба мы за этим его звалы?..

Глаза у Мазепы загораются:

— А зачем?!.. Кто мэнэ пидстрекав да зудив — зови, зови сюды швыдче Карлу?! Хиба нэ вы?!..

Ломиковский, Орлик, Войнаровский, Апостол, Галаган прячут глаза. А за стенами растёт тревожный шум и нестройный гвалт. В дом врывается казак:

— Панове!.. Москали наступають!.. Тикайте раптом!..

Старшины ныряют в полушубки, хватают сабли, пистолеты и выбегают на улицу. Занемогший было гетман вдруг проявляет неожиданную прыть — разом вскакивает на ноги, окликавая Орлика:

— Пилип, дэ мий пистоль?.. Дэ шабля?!..

— Ось, пан гетман! — живо отзывается писарь, вручая Мазепе его оружие.

И оба, запахивая потуже полушубки, спешат вслед за полковниками. В свете занимающегося дня слышны выстрелы, стук сабель, стоны и брань...

48

Декабрь месяц. Левобережная Украина. Городок Лебедин. Ставка царя Петра. В небольшой хате, за столом, сидит государь и пишет письмо. Денщик Кикин возится у печи, подкладывая в неё дрова. Подслеповатые, маленькие окошки затянуло толстым слоем инея, и потому в горнице не угасает свеча. Огромная тень царя распласталась по стенам и потолку. Кикин ругается шёпотом.

— Чёртовы хохлы! — ворчит денщик. — Топка махонькая, только набьёшь её хвостом — глядь, уже прогорела!..

— Ты же сам говорил — таких холодов у них отродясь не бывало!.. Для чего им настоящие-то печи?.. Чай, не наша Русь-матушка...

За окнами слышится стук копыт, визг полозьев, скрип шагов, и в дом входят генералы Алларт и Ренн.

— Вы позволите, Пётр Алексеич?..

— Входите-входите! — царь встаёт из-за стола. — Рад видеть вас... Грейтесь, соколки! — вошедшие сбрасывают шубы и крепко потирают руки. Пётр, глядя на Алларта, восклицает: — Людвиг! Ты себе щёки и нос отморозил!.. — и вправду, обе щеки генерала и особенно нос необычайно белы, словно их вымазали мелом. Он встревожено трогает обмороженные места. — Александр! — окликает Пётр денщика. — У нас где-то был гусиный жир, — поворачивается к Алларту. — Против ожога это самое разлюбозное снадобье!

— Ожога?! — удивляется генерал. — Но я же не прижёл, а приморозил!..

Царь смеётся:

— Мороз Иваныч шутить не любит — жиганёт так, что света белого невзвидишь! А ныне он зело свиреп! Разгулялся вовсю... — Кикин протягивает Алларту склянку с

гусиным жиром и небольшое зеркало. Пётр настоятельно советует: — Мажь, нимало не жалея!.. Лучшего лекарства нет и спасенья тоже... — Алларт начинает обильно умащать нос и щёки жиром, к любопытству и одобрению присутствующих. Царь сопровождает его действия своеобразным комментарием: — Мороз — он никого не щадит. Ни царей, ни маршалов, ни генералов, ни рядовых... — после небольшой паузы напоминает: — Чем баталия-то закончилась? Солдат много полегло?..

— Выгнали мы-таки Карла из Ромн... — отвечает Ренн. — Более сотни наших солдат руки и ноги отморозили...

— Жаль бедняг!.. А со шведами что?..

— А шведы в степь ударились... Отошли в сторону местечка Гадяча... В полном беспорядке и расстройстве... Я думаю, что потери у них велики весьма, — заключает Ренн, указывая на своего коллегу: — Особливо если учесть примерные старания дедушки Мороза...

В дом входит дежурный офицер:

— Государь, сюда явились беглые мазепинцы... Просят допустить... Казачьи полковники Галаган и Апостол...

— Давай их сюда!..

Офицер выходит, и через секунду распахивается настежь дверь и в дом, в облаке морозного воздуха, вкатываются оба полковника, почти у порога падая на колени:

— Пощади окаянных, царь-государь!..

— Дверь затворяйте, идолы! — кричит Пётр. — Каяться будете после!..

Но изменники не поднимают голов, уткнувшись лбами оземь, и Кикину приходится почти бегом выполнять приказ царя. Пламя свечи суматошно колеблется и едва не гаснет. Государь и его сподвижники созерцают скрюченные тела кающихся предателей.

— Ну, вставайте, иудины дети! Будет! А то к полу примёрзнете...

— Прости нас великодушно, царь-батюшка!..

— Вставайте, говорю вам! — гаркает Пётр. — Живо!..

Кое-как поднимаются на ноги, готовясь вновь рухнуть навзничь, если появится такая необходимость. Царь сверлит их взглядом:

— С чем пожаловали?.. Говорите, я слушаю...

Апостол начинает покаянно:

— Согрешили мы перед тобой и богом, государь... — оба крестятся. — Пощади скаженных, если можешь...

— Бес вас попутал?.. — с ехидцей спрашивает Пётр.

— Нэ бис, а Мазепа, — откликается Галаган. — Цэ вин прельстив нас щирыми посулами...

— Посулами, говоришь?.. — едко усмехается царь. — Что он вам сулил? Славу? Деньги? Землю?..

— Волю... — едва слышно роняет Апостол. Государь укоризненно качает головой:

— Волю каждый добывает себе сам, а не ждёт подаяния от чужого доброго дяди... Польского, шведского либо турецкого...

— Так, государь, — соглашается Галаган. — Мы усё сами понялы и потому тикалы... Нэ треба нам тэй воли...

— Откуда вы бежали?.. — деловито осведомляется Алларт с лицом, блестящим от жира.

— Из Ромн, от Мазепы... — отвечает Апостол. Пётр уточняет:

— А где был сам Карл?

— Воны тоже тикалы... И Карл, и Мазепа... Коло четырёх тысяч шведов сгибло... У степи полегло, як косой скосило...

— В конце концов, — Пётр осенил себя крестом, — мы их в гости не звали. Сами напросились... Вот и получили... Упокой, господи, их души с миром!.. — и все присутствующие тоже перекрестились. Пётр снисходительно глянул на виновных: — Ну, так и быть, оборотни, я вас прощаю!.. Чего уж теперь... Но впредь берегитесь!.. Не пощажу!..

Полковники низко кланяются.

Конец января 1709 года. Левобережная Украина. Село Красный Кут. Ставка шведского короля. В просторной хате расположился сам Карл и его генералы: Левенгаупт, Шлиппенбах, Рейншильд, Шпарре, Штакельберг, Мейдель. Карл распекает гетмана, (разговор идёт по-немецки):

— Вначале ты обещал приготовить паромы... Их не было!.. Обещал собрать военную силу — где она?.. Две тысячи угрюмых мужланов, негодных к солдатской службе

и способных лишь разогнать плётками толпу жалких пьяниц!.. Вот и весь твой вклад...

Мазепа защищается:

— Мой помощник Гордиенко отправился в Запорожскую Сечь поднимать многоопытных и бывалых казаков... Они хорошо знают местные условия и отлично воюют...

— Отлично воюют?! Почему же царь Пётр переделывает их в драгун?.. Они умеют только пить водку и бунтовать! Не признают порядка и дисциплины... А самое главное — где пропитание?.. Чем мне кормить солдат, тех, кого ты призывал освободить Украину от московского ига?!..

— Если мы пойдём дальше, к городу Полтаве, то найдём там большие запасы продовольствия... Я это знаю наверняка...

— Господа генералы, вы верите в это?..

— Ваше Величество, — отзывается генерал Шпарре, — мы можем верить или не верить — не в этом суть... Мне кажется, нам нельзя стоять на месте...

— Я согласен, — подхватывает Шлиппенбах, — ведь местное население что-то ест и пьёт... И, между прочим, не умирает с голоду...

Левенгаупт качает головой:

— Вы оба предлагаете заняться реквизициями?.. Но, господа, тогда мы восстанем против себя всё местное население!..

— А другого пути у нас нет!.. — вставляет Рейншильд. Король заключает:

— Уморить армию голодом я не имею права... Остаётся лишь одно — воевать дальше... С верой во славу шведского оружия!.. — смотрит на Мазепу: — А тебе, гетман, придётся со своими телохранителями очищать амбары и забирать у людей скот... — Карл подводит итог: — По моим сведениям, в пяти милях от нас стоят два полка русского генерала Ренна... Я сам пойду против него... А вы все и ты, Мазепа, займётесь реквизициями... Не откладывая!..

Генералы надевают полушубки. Мазепа с Орликом тоже облачаются в бараньи тулупы и меховые папахи. Идут следом за шведами. Писарь с усмешкой говорит своему хозяину:

— Як подывишься на цих вояк — воны усе хохлами зробились!.. Наш одяг их гарно греет...

— Свалылись на наши головы! — угрюмо ворчит тот. — Вик бы их нэ бачил!..

Все выходят на улицу. Над низенькими хатами вьются дымки, всё укрыто снегом, но мороз заметно ослаб. И, несмотря на ясную солнечную погоду, село выглядит довольно уныло и настороженно. На улицах не видно детворы, девчата и парубки не закупают весёлых игр и катаний с гор. Селяне стараются не выходить наружу.

Вслед за Мазепой и Орликом выходит генерал Левенгаупт. Он окликает по-немецки малороссийского владыку:

— Какой сегодня день, господин гетман?..

— Воскресенье было с утра, господин генерал, — смиренно отвечает Мазепа.

— А по церковному календарю? — любопытно спрашивает швед. Орлик переводит. Гетман на секунду задумывается:

— Преподобного Макария Египетского, по-моему...

— Это почитаемая фигура в православном мире, не так ли?..

Мазепа соглашается:

— Можно сказать, что достаточно уважаемая...

— Ну, тогда вы, конечно же, помните эту известную историю с грабителем?

— С грабителем? Что-то не припомню...

Орлик, старательно переводя, почтительно внимает собеседникам.

— Однажды преподобный Макарий возвращался к себе в келью и видит, что у входа стоит осёл, а из кельи выходит вор и выносит его вещи. Святой, ни слова не говоря, подошёл к вору и стал помогать ему укладывать краденое... — швед делает красноречивую паузу. — Увязав всё как следует, он благословил вора и сказал: «Мы ничего не внесли в этот мир и ничего не можем унести отсюда... Да будет благословен господь во всём!»

Мазепа озадаченно смотрит на собеседника, не зная, что ему ответить. И вдруг до их слуха доносятся пронзительные вопли, ругань и плач... Из близстоящего дома выходят десятка полтора шведов, волоча за собой на верёвке коз, свиней и мешки с мукою и крупой на деревянных салазках. Старухи и женщины бегут следом, плача и причитая...

И через минуту всё село начинает стонать и голосить. В каждую хату заходят оккупанты и сердюки, забирая у хозяев всё, что можно выпить, съесть и одеть на себя...

— А вы говорите, — с лёгкой укоризной произносит Левенгаупт, — что православный мир почитает Макария!.. — показывает на рыдающих поселян. — Его пример их не вдохновляет...

— Макарий был пустынножителем, — сухо отвечает Мазепа. — И у него не было детей,

которых надо кормить, чтобы они не умерли с голоду!..

50

Конец января. Левобережная Украина. Село Ахтырка. Ставка царя Петра. В небольшой избе находится сам государь, Меншиков и денщик Кикин. Пётр, сидя у окна, читает письмо, кое-что комментируя вслух:

— Апраксин мне пишет, что корабли недостроены, а по слухам — шведы намерены идти в Воронеж... Откуда эти слухи?..

Меншиков бодрится:

— Мало ли чего они намерены, мин херц, а дойдут ли?.. Мазепины бывшие прищешники передают, что жрать им, бродягам, нечего!..

— Зело удачно, что мы догадались отправить в Польшу дивизию генерала Гольца!.. Он сумел остановить Лещинского и Крассау... Они наверняка везли Карлу продовольствие!..

— А скажи, мин херц, не пора ли нам дать ему последнюю, решающую баталию, и дело с концом?..

— Последнюю баталию, говоришь? Нет, ещё не время... — Пётр сворачивает письмо. — Теперь меня не одни токмо шведы беспокоят... С турками ведь тоже не всё ладно... Прошлые обиды они точно не забыли...

— А чего тогда Петруха Толстой в Стамбуле-то прохлаждается?.. Неужто там всё тишь да благодать?..

— Чёртов Мазепа ещё до измены мне писал, что турки усердно готовятся к войне и нападут на нас прошлой весной, а год-то уже минул!..

— А Толстой что?..

— Толстой? Он уверял меня, что всё это — поклёп и наветы... Не собираются, мол, османы с нами воевать... Вот и не знаешь, кому верить!..

— Но Петруха-то, стало быть, прав!..

— Получается так, но обольщаться всё одно не следует... Опять же изменник этот урок мне добрый преподавал! Уж как я ему верил!.. Ничьих советов не слушал... Жаль бедного Кочубея!..

— А может ли так случиться, мин херц, что человеку позарез свобода понадобится? Хоть умри, а дай её?!..

— А это смотря от чего он хочет освободиться!.. Ежели поглядеть со стороны, скажем, на меня, — тычет себя в грудь, — то какой я царь-государь, самодержец всероссийский?!.. Я — самый последний раб, хуже галерного каторжника, прикованного цепью к скамье и должного грести да грести... Право слово!.. Мне бы разбить эти проклятые оковы, выбросить к дьяволу рулевое весло, а я всё налегаю и налегаю на него, дабы вывести эту чёртову галеру — Россией именуемую — на большую воду!.. И вас, своих присных, тоже заставляю хребет напрягать и рвать жилы... Одной цепью мы скованы, разве не так? А коли освободимся — сразу пойдём ко дну, и никто нам не поможет!.. Вытаскивать нас назад, уж точно, никто не станет... Батюшка мой, Алексей Михалыч, не шибко себя утруждал, и свободы у него было моего поболее, да токмо державу нашу тогда мало кто всерьёз принимал... Даже крымские татары дерзали грабить нас чуть не ежегодно... Сколько наших парней, баб и девок распродано на невольничьих рынках?! Не счастье!.. А махни я на всё рукой да завались на печь или заведи себе молодую полюбовницу, как тот старый хохол, — и всё пойдёт прахом!.. Разве не так?!..

— Он, вишь, для всей Украины воли пожелал!.. — пытается возразить Меншиков. Царь недоверчиво щурится:

— Тогда почто, кроме его холопов, никто за ним не пошёл?..

— Казаки пошли запорожские, — подсказывает Кикин. Пётр машет рукой:

— Они ещё не знают, что Мазепа предлагал мне всю Сечь разогнать к ядрёной бабушке!.. Нынче я так и поступлю... Совет как нельзя кстати... Ну, хватит, разлюбезные, ласы точить... Надобно делом заниматься... — обращается к Кикину: — Вели, Александр, лошадей закладывать... Время нам к Апраксину в Воронеж ехать... Зима, слава богу, на убыль пошла, флот надо к спуску готовить... Пора!..

51

Конец января. Левобережная Украина. Заснеженная степь в нескольких верстах от села Красный Кут. Вечереет. В старой ветряной мельнице укрылся шведский король вместе со своими генералами: Мейделем, Шлиппенбахом, Шпарре. А вокруг мельницы плотным кольцом расположились рейтары и пехотинцы. Карл, взобравшись на верхние стропила, в отверстие крыши пытается рассмотреть окрестности,

вооружившись подозрной трубой.

— Ну, что там, Ваше Величество?.. — настойчиво спрашивает Шлиппенбах.

— Пока ничего страшного... На горизонте ни единого русского...

Карл умело спускается вниз. Осматривается. Потирает руки...

— Не мешало бы развести огонь, — он зябко поёживается. — Но не рискну трогать это чудовищное сооружение... Оно похоже на прибежище троллей...

Шпарре касается рукою мельничных жерновов:

— Всё это напоминает мне тактику царя Петра...

— То есть?

— Он охотно допустил нас на свою землю... Вот так, — Шпарре подносит ладонь к отверстию, куда обычно засыпается зерно. — Потом упорно и последовательно начинает, почти без усталости, перемалывать всю нашу армию. Обращая её в пыль и прах...

Король хочет резко оборвать генерала, но Мейдель обеспокоено восклицает:

— Боюсь, Ваше Величество, что эта ночь нам дорого обойдётся!..

— Это почему?

— Солдаты не выдержат до утра... Мы оставим здесь гору трупов...

— Вы что, господа генералы, предлагаете мне разобрать на дрова это ужасающее строение?..

— А ничего другого нам не остаётся... — невесело заключает Шлиппенбах. И не успевает монарх ответить, как внутрь врывается капитан рейтаров:

— Ваше Величество, справа показались русские!..

Король и генералы в спешке выбегают наружу. Далеко впереди, на белом снегу, заметно движутся тёмные фигурки людей. Шпарре подносит к глазу подозрную трубу:

— По-моему, это драгуны и казаки... Не меньше дивизии, я думаю...

— С артиллерией?.. — уточняет Шлиппенбах. Ему отвечает сам король:

— Нет. Пушек там не видно...

— Солдаты! Занять оборону!.. — командует Шлиппенбах.

Шведы старательно заряжают ружья и примыкают штыки. Тесные ряды русских не спеша устремляются в направлении старой мельницы, которую обложили со всех сторон чужеземные вояки, обутые и одетые в самые немыслимые наряды... Слышится испуганный вопль:

— Они нас окружают! Мы пропали!..

Шпарре смотрит в подозрную трубу:

— Это Левенгаупт!.. Он идёт к нам на выручку!..

И тут Карл, к немалому удивлению свиты, разражается истерическим смехом...

Казаки и драгуны застывают на месте. Войска противников окутывает ночная мгла...

52

Конец января 1709 года. Левобережная Украина. Село Опошня. Вечер. В просторной хате на высокой лежанке поживает бывший малороссийский владыка. На лбу его тугой компресс, на щеках пластыри, глаза полузакрыты. Мазепа старательно делает вид, будто находится в глубоком забытии... За столом у окна сидят главный обозничий Ломиковский и генеральный судья Чуйкевич, переговариваясь вполголоса.

— Польского короля та шведского генерала москали дюже приби́лы... А воны шведам кошт везлы...

— И нам бы тэж не грех покоштуватись!.. Ось побачь — свитка на мэнэ, як на шкилете виснэ... Вот до чого довоювались!.. Я так сэбэ думаю: на кой ляд нам всим цея свара?.. Що нам до неё?..

Ломиковский опасливо оглядывается на гетмана и шепчет:

— Казав бы словечко, да вовк пид боком...

— Не в вовке дило!.. Шведський король — хлопец дюже невезучий... Сэбэ на беду мы з им связались...

— Твоя правда, пан судья... Чого ж нам тепер робить?..

В дверях показывается племянник гетмана Войнаровский. Судью и обозничего настораживает его растрёпанный и взбудораженный вид.

— Що стряслось, Ивась?.. — окликает его Ломиковский. Войнаровский бросает взгляд на печь:

— А що з ним?.. Опять занедужив?..

— Хиба ты не знаешь своего дядьку?.. Як тильки беда приходит — вин хворобой мається... Пора привыкнуть... Та що стряслось, Ивась?.. Та не мовчи, скаженный!..

— Москалы у шведив весь обоз отбили, а самого Карлу чуть у плен не взяли... Вин еле отбився...

— Дэ нэ взяли?..

— На мельнице... Колы бы их генерал не явился на допомогу — Карле кинец бы пришов...

— А що було потим?..

— Потим була дюже жаркая битва... Москали навалились та отбили у шведов весь кошт... — Тоды Карла повелел спалыть наши сёла та хутора...

— Як спалыть?!..

— Дотла...

— Цэ вин напрасно... Ой, дюже напрасно...

Бывший гетман приподнимается с лежанки, отбросив компресс и отлепив все пластыри. Он делает попытку оставить своё убежище, и вся троица бросается ему на помощь... Немошного малороссийского владыку старательно спускают на пол.

— Цэ вин зробив сэбэ во вред... — тихо произносит Мазепа.

53

Март месяц. Россия. Воронеж. В доме местного градоначальника, в небольшой комнате Пётр трудится над моделью парусного судна, царь одет по-домашнему — в рубаху, жилетку и бумазейные штаны. Работа движется к завершению: государь прикреплает такелаж, устанавливает на верхней палубе крохотные орудия. Водружает на грот-мачте Андреевский флаг...

В комнату входят Меншиков и генерал-адмирал Апраксин. Оба осторожно приближаются к царю, молча созерцая творение его рук.

— Ну, мин херц, ты превзошёл сам себя!.. Это зело превосходно!..

— Аглицкие мастера тут явно посрамлены! Им сие не по силам... Фрегат отменный!..

Государь улыбается, как ребёнок:

— Это линейный корабль первого ранга... Длина — сто аршин, ширина — двадцать, — он демонстрирует на модели. — Здесь три палубы... Пушек при нём более сотни, каково?!..

— Более сотни?! — ужасается Апраксин. — Где ж нам, неурядливым, их взять?.. А пороху и ядер на них не напасёшься!..

— Уж коли мы хотим быть славной державой морской — нам потребны достойные корабли... Неодолимые и грозные... Где пушки взять, говоришь?.. А мы выльем их из колокольной меди!.. И вместо пасхального звона они станут победно салютовать отечеству! Чем не успех?.. Вот разобьём, наконец, шведов и за турок примемся... — он раскидывает руки. — Нашей матушке России нужны выходы не токмо в Балтику, но и в море Чёрное...

— Крымский хан намерен в набег ийти, — замечает Меншиков. — Карл и Лещинский его к тому призывают весьма настойчиво...

— А что султан?..

— Султан таких действий хана не одобряет, понеже явно не желает поддерживать шведов...

— Пока сие нам на пользу. А что подельвает наш главный изменник?.. Ни слуху о нём, ни духу...

— К Шереметеву, государь, давеча явились с повинной его ближайшие подручные — судья Чуйкевич, есаул Максимович и девять полковников. Судья и есаул передают, что Мазепа, если пожелаешь, готов сдать в твои руки главного шведского супостата...

— То есть Карлуса?.. — переспрашивает царь.

— Надо полагать.

— Нет, каков мерзавец, а?! И надобно тому случиться, что этот старый лис столько лет водил меня за нос!.. А я ему верил... Нет уж, уволь, скверनावец! Таковой услуги нам не надобно... Подобных подарков мы не приемлем!.. Низостью это именуется...

— А с перебежчиками-то, мин херц, как прикажешь поступить?.. — напоминает Меншиков. — Головы им отсечь либо повесить за измену? Другим в назидание...

Пётр машет рукой:

— В Сибирь сослать, и будет с них... Глядишь, на какое-нибудь дело там сгодятся... Люди всё-таки...

Государь кивком указывает на творение своих рук:

— Игрушку сию я ставлю образцом... И таких судов нам потребно с десяток... А на дворе, между прочим, весна, и пора нам, любезные други, братья за топоры. Время не ждёт... Данилыч, ты ещё не забыл уроки Саардама?..

— И голландского мастера Рогге?.. Зело сердитого и требовательного?.. Никак нет, Пётр Алексеич, не забыл...

— Тогда за работу! — царь решительно шагает к порогу.

Апрель месяц. Россия. Предместье Воронежа. На берегу неширокой реки «Воронеж» расположилась корабельная верфь. Внушительное военное 80-пушечное судно «Орёл» — дедушка будущего русского флота — готовится к спуску на воду. Ещё два 70-пушечных фрегата и 50-пушечный барк стоят на «стапелях».

Вокруг кипит шумная и нервная суета, какая случается при окончании любого важного события, будь то строительство дома, литьё большого колокола или рождение ребёнка. От бортов «Орла» убираются массивные подпорки, и корабль медленно, как огромная массивная глыба, сползает кормою к воде.

У всех присутствующих, включая самого царя, мелькает на лицах непередаваемая череда чувств: от невольного страха, опасения, неверия, ожидания до невероятного удовольствия и восторга... Судно, оказавшись в родной стихии, уверенно и мягко качалось на волнах, совсем как детский бумажный кораблик.

— Ура-а-а! — оглушительно загрели сотни голосов, и в воздух полетели шапки, картузы, фуражки, шляпы.

Плотники, кузнецы, столяры, пушкарки, матросы, сам царь и его помощники обнимаются и крепко целуются, вне себя от удачи и радости. Пётр машет руками и громко кричит:

— Молодцы, сукины дети! Вина всем вволю! Гуляйте, черти! На славу!..

Царские слуги во главе с Кикиным выкатывают бочонки с вином, вышибают дюны и начинают наперебой вычерпывать содержимое ковшами, кружками, ендавами и братинами. Кикин с поклоном подносит царю большой кубок вина. Пётр вместе с Меншиковым и Апраксиным с радостью и удовольствием наблюдают, как веселится рабочий люд.

Приняв кубок, государь подносит его к губам, но тут раздаётся стук копыт, скрип колёс и брань кучера:

— А ну, расступитесь, злыдни! Дорогу послу!..

Распахивается дверца, из дорожного возка, кряхтя, выбирается граф Головкин. Пётр возвращает кубок Кикину и нетерпеливо вопрошает:

— С чем прибыл, Гаврила Иваныч?..

— С бедою, Пётр Алексеич. Карл осадил Полтаву третьего дня...

— А что Шереметев?

В ответ Головкин протягивает царю письмо:

— Вот, государь, его депеша. Соблаговоли принять.

Пётр разрывает конверт, достаёт бумагу, пробегает её глазами, потом читает вслух: — «Ничего под Полтавой неприятель учинить нам не сможет, понеже великой артиллерии и довольной амуниции у себя не имеет». Что скажете?

Меншиков качает головой:

— Борис Петрович, я чаю, готов положить на волю случая, а напрасно! Артиллерия, и вправду, у шведов хилая, однако же и стены у города не шибко гораздые...

Апраксин соглашается:

— И в самой Полтаве, поди-ка, пороху и провианта не слишком богато — долго ей не продержаться... Беды бы не было!..

Но у царя уже созрело решение. Он бодро приказывает:

— Вот что, Данилыч, скажи живым духом к фельдмаршалу и бери команду в свои руки!.. Промедления ждать не должно... Не приведи господь, ежели Карлу доведётся город штурмом взять!.. В народе начнётся упадок духа и брожение... А сие никак недопустимо!..

Меншиков опрокидывает ковш вина, услужливо протянутый Кикиным, и молча лезет в возок, оставленный графом.

Пётр решительно распоряжается:

— Веселье помалу прекратить! Ещё не время победы вкушать — неприятель неистово в двери ломится...

— Ничё, царь-батюшка, — храбро возражает корабельный плотник. — Мы его подых да по сусалу!.. Не лезь, мол, куды не звали!.. Бивали, мол, и не таких супостатов!..

Все дружно смеются и Пётр вместе со всеми...

Левобережная Украина. Полтава. В осаждённом городе царит напряжение и ожидание, но незаметно никакой паники. Все городские обыватели пытаются принимать посильное участие в обороне. В доме полтавского коменданта полковника Келина собралась офицеры. Все озабочены и немногословны.

— Три приступа нам отразить удалось... — докладывает артиллерийский капитан.

- Теперь противник, надо полагать, приступит к длительной осаде...
- Сколько шведов под стенами полегло? — спрашивает комендант.
 - Не менее баталиона, господин полковник...
 - А наших? Убитые и раненые есть?
 - В общем, не более капральства...
- Келин обращается к интендантскому офицеру:
- Господин поручик, довольно ли пороху и гранат в наших магазинах?
- Поручик морщит лоб:
- Пороху имеется с полсотни пудов, а гранат нет и в помине...
 - Почему же? — удивляется Келин. Интендант разводит руками:
 - Бывший гетман Мазепа уверял государя, что шведы к городу нипочём не приступят и потому незачем его припасами обременять... Другим, дескать, они нужнее...
 - Потому и стены эти чудом держатся!.. — подхватывает артиллерист. — А ежели противник, упаси бог, сделает подкопы или же ночью подложит заряды... — он выразительно надувает щёки и взмахивает руками.
- Комендант распоряжается:
- Немедля удвоить ночные караулы! Глаз со шведов не спускать!.. — он обращается к казачьей старшине: — А казачки какво держатся? Об измене не помышляют?..
 - Отменно ведут себя, господин комендант! — отвечает есаул. — Так и норовят с мазепиными сердюками поквитаться!..
 - Мазепа свою охрану крепко бережёт!.. — не соглашается драгунский майор. — Ни единого сердюка в поле не видать...
- Распахивается дверь, и в комнату быстрым шагом входит вестовой:
- Господин комендант, поймали вражеского лазутчика!
 - Ведите.
- В дом вводят связанного по рукам человека в казачьем кафтане и папахе. Присутствующие с любопытством смотрят на него. Один из солдат снимает с пленника головной убор.
- Та цэ ж пан Чуйкевич! — восклицает есаул. — Здоровеньки булы, кум!..
- Комендант вопрошает:
- Кто он такой? Какого чина? Зачем явился?
 - Я, панове, генеральный судья... — покаянно представляется пленник.
- Келин встаёт:
- Тебя, надо полагать, направили сюда парламентёром? Карл предъявляет нам ультиматум? — смотрит на своё окружение. — Так передай королю и предателю Мазепе, что Полтава будет стоять насмерть! На поклон к супостатам мы не пойдём и милости просить не станем...
- Чуйкевич негромко отвечает:
- Мэнэ тэж их милостей нэ треба. Я пришов вину искупить... Самой тяжкой службой... Бис мэнэ попутав...
- Комендант хмурится:
- Простить тебя может только сам государь... Не в моей воле отпустить твою вину... Уведите его...
- Судью уводят. За стенами раздаются выстрелы. Мужчины дружно встают. Келин командует:
- Господа офицеры и старшины! Все по своим местам! Отразить врага, не мешкая! Да поможет нам Господь!..

56

Май месяц. Левобережная Украина. Окрестности села Опошни. Берег реки Ворсклы. Вечер. Сапёрный батальон возводит мосты через реку. Солдаты старательно вбивают дубовые сваи, сооружают своды, кладут настил... При догорающем закате отчётливо белеют свежеструганные брусья и доски. К работающим людям неспешным шагом приближаются верховые. Сапёрный начальник настороженно окликает:

- Стой! Кто такие? Пароль!..
 - Свои, братец! — слышится добродушный отзыв. — Генерал Меншиков...
- На берегу появляется группа всадников. Майор вытягивается «во фронт».
- К утру мосты должны стоять, имейте в виду, служивые!.. — напоминает Меншиков. Майор рапортует:
 - Точно так, ваше превосходительство! Непременно будут готовы...
- Данилыч обращается к генералу Белингу:
- Я с пехотой и кавалерией перехожу здесь, а вы, генерал, идёте в обход... — оборачивается к находящемуся тут же Репнину: — А ты, Аникита Иваныч, стоишь в резерве... На случай, ежели шведы нас потеснят... Всяко ведь бывает...

Белинг уточняет:

- Когда выступаем, ваше сиятельство?
- На заре...

Решнин кивает на сапёров:

- А они успеют? Работа ведь немалая...

— Пусть только посмеют проштрафиться!.. Турусы нам разводить некогда... Своих надо выручать!..

И всадники проворно удаляются. На берегу совсем стемнело. Кто-то из солдат достаёт кресало и кремёнь, явно намереваясь зажечь костёр. Офицер прикрикивает:

- Огня не разводите! Враг не дремлет!..

Старый капрал недоумевает:

— А как впотьмах-то топором махать, вашество?.. Ведь своего пришибёшь ненароком! И не заметишь даже...

— Маши аккуратно, — беззлобно отвечает командир. — Покойников и калек нам не надобно! Каждый служивый на счету... Войне конца-то не видно...

Сапёры недоумённо хмыкают. Из-за горизонта картинно выплывает полная, румяная луна.

— Наконец-то, матушка! — восклицает пожилой солдат. — Явилась-таки к нам, неурядливым, на выручку... — крестится. — Должно, Пречистая нас не забыла! Жалеет бедных солдатиков...

И над рекой звучит дружный, слаженный перестук топоров. В тихих, полусонных водах Ворсклы мелькают лунные блики, и сотни сосновых стружек скользят в волнах, словно маленькие кораблики.

Стук постепенно умолкает, небосвод светлеет, и в густых прибрежных кустах заводит свою песню соловей. «Щёлк-щёлк-щёлк! Тр-р-р!» — он будто бы испытывает собственное умение и силу, с каждым звуком обретая уверенность и мощь. А пробуждающаяся природа отвечает ему благодарно и радостно. И тогда ликующие, самозабвенные трели, как струи благодатного дождя, изливаются на траву, кусты, реку... на тела усталых солдат, спящих вповалку на голой земле. Они лежат вперемешку с топорами, молотками и пилами, кое-кто уложил голову на неошкуренное бревно. Кажется, что всех их свалила неодолимая вражья сила...

И вдруг издалека доносится перестук сотен конских копыт. Соловей умолкает. Старый капрал, поместившийся на услужливо расстеленных шинелях, с трудом поднимает голову, но тут же проворно вскакивает на ноги и спешит к походной палатке.

— Генералы скачут, вашество! И армия с ними!.. — откинув полог, тревожно сообщает он почивающему начальнику. Майор недовольно ворчит:

— Слышу, чёрт тебя возьми! Сейчас буду... Ох, служба проклятая — ни дня покоя... О-хо-хо...

А на берегу уже появилась кавалерия. Сапёры нехотя встают.

— Гей, служивые! Да вы никак топоры под головы клали, — шутит молодой казак, — вместо подушки пуховой... Спалось, знать, сладко!..

— Топор-то помягче твоей сабли... — разом откликается пожилой солдат. — И быстрее твоего языка... Не хошь попробовать?.. — он поднимает топор.

Сапёры и казаки дружно хохочут. Но тут ряды всадников раздаются, и появляется Меншиков, ловко сидя в седле.

- Где начальник? Начальника ко мне!..

Майор в нательной рубашке, на ходу надевая мундир, спешит ему навстречу:

- Я здесь, ваше превосходительство... Живой ногой!..

- Мосты готовы? Доложи!..

- Так точно, ваше превосходительство! Извольте видеть...

Берега реки соединяет тройка широких деревянных настилов. Они призывно белеют в лучах восходящего солнца.

— Молодцы! — одобряет Данилыч и тут же предостерегает: — Но ежели они пушек не сдюжат — берегитесь!.. За мной, ребята!.. — командует он казакам и драгунам, первым преодолевая реку вплавь. Конница устремляется за ним...

Май месяц. Левобережная Украина. Окрестности Полтавы. Полдень. Драгуны и казаки, предводительствуемые Меншиковым, атакуют шведов, засевших в укреплениях, окруживших город. Неприятель, укрывшись за земляным валом, щедро обстреливает из ружей и пушек русскую конницу, несущуюся плотным строем. Раненые казаки и драгуны падают навзничь...

Меншиков командует:

- Атаку прекратить! Пехота, вперёд!..

Кавалеристы мигом осаживают лошадей, и солдаты рассыпным строем, пригибаясь и припадая к земле, короткими перебежками спешат к вражеским укреплениям. Шведы отвечают беспорядочным огнём. Наши пехотинцы, оказавшись в нескольких шагах от земляных насыпей, за которыми укрылся неприятель, ловко примкнув штыки, бросаются на штурм. Завязывается ожесточённый и беспощадный штыковой бой...

Меншиков, наблюдая за происходящим в подзорную трубу, зычно отдаёт приказ:

— Кавалерия! На подмогу!.. Живо!..

Драгуны и казаки прыгают в сёдла и летят на помощь пехоте. Меншиков тоже трогает коня, но вдруг в нескольких шагах от него падает бомба, шипя и бешено крутясь... Всадник невольно отшатывается... Адьютант генерала обречённо закрывает глаза, но круглый снаряд, покрутившись, недвижно замирает. Меншиков суеверно крестится и говорит не своим голосом:

— Слава господу, пронесло... Вот так гостинец! Откуда, клятая, прилетела?

Адьютант отвечает:

— Видать, из Полтавы...

— Чего ж они, охальники, по своим палаткам?.. Глаза, что ли, застило?!..

— Ошалели, небось, с голодухи!..

Меншиков пристально вглядывается в снаряд:

— А ну-ка, братец, погляди, чего там торчит из нутра?..

Помощник, наклонившись, берёт чугунный шар в руки: из небольшого отверстия высунут закопчённый бумажный жгут. Адьютант осторожно извлекает его и разворачивает:

— Тут депеша!..

— А ну, читай!

— «Земляки! Россияне! Терпим нужду и бедность великую. Особенно в порохе, свинце и хлебе. Православные, выручайте, но передайте государю, что будем стоять до последнего. И помощи нам бог!»

Меншиков крестится и смотрит в сторону осаждённого города. Пехота и конница теснит отчаянно обороняющихся шведов. Те медленно отступают.

Но тут со стороны реки появляются плотные шеренги синих мундиров. С обоих флангов их поддерживает конница. Меншиков с минуту наблюдает за происходящим, потом командует трубачу:

— Труби, братец, немедленный отход! Кажись, сам их король спешит на выручку! Да со всей армией... Нам не устоять!..

Трубач вскидывает блестящий инструмент, надувая щёки, подаёт звучный сигнал.

58

Начало июня 1709 года. Левобережная Украина. Окрестности Полтавы. По просёлочной дороге катит карета, сопровождаемая эскадрой драгун. В ней сидят сам государь, денщик Кикин и кабинет-секретарь Макаров. Кикин выглядывает в окно:

— Маки ещё цветут... — в голосе его удивление и восторг: — Лепота! Всё кругом алеет... А помнишь, Пётр Алексеич, какие морозы давеча стояли? Птицы на лету кочевали... Страх!..

Пётр усмехается:

— Год минувший мне, признаться, целых десяти стоил... И дело не токмо в морозах!.. Одна мазепина подлая измена страшнее любого, самого зверского колотуна...

Макаров осторожно любопытствует:

— Он, надо полагать, давно эту мысль лелеял?.. Не вдруг ведь она ему в голову пришла...

— Кто его знает. В юности он, как говорят, был в пажках у польского короля... В чём-то провинился и в Запорожскую Сечь бежал, дослужился там до гетмана... — трогает усы. — А мне он, старый проныра, беспрестанно советовал — разори да разори это разбойничье гнездо!.. Вот ведь иудино семя!..

Карету потряхивает, седоки чертыхаются, затем Кикин напоминает:

— Но нынче-то эта Сечь токмо в помине и осталась...

— Пришлось последовать мазепиному мудрому совету — разогнали её прочь, и хлопот точно поубавилось, слава создателю!..

— Впереди, кажись, наши посты...

— Это ставка светлейшего... Ну-ка, поглядим, как он службу несёт!..

В русском лагере заметили царский экипаж, и от палатки к палатке началось волнообразное движение: рядовые и офицеры ринулись приводить всё в надлежащий вид. Застёгиваются мундиры, затягиваются пояса, берутся на изготровку ружья... Из палатки командующего выбегает Меншиков и спешит навстречу государю...

Царская карета останавливается, и царь, распахнув дверцы, выпрыгивает из неё.

Следом появляются оба помощника. Государь и светлейший князь обнимаются. Княжеская свита, выйдя наружу, чинно стоит в сторонке. Пётр похлопывает Меншикова по плечу:

— Ну, докладывай, Данилыч, каково ты тут с лихими супостатами управляешься?.. Кого и как колотишь? И кто тебя, окаянного, лупцует?..

Но не успевает командующий ответить, как недалеко раздаётся шум, беспорядочный треск ружей, ругань и крики...

Меншиков зычно командует:

— Солдаты! В ружьё! Что там за катавасия?!..

В русском лагере трубят тревогу, и все берутся за оружие. К штабной палатке скачет драгунский капитан. Осаживает коня, спрыгивает на землю и доносит:

— Ваше царское Величество...

Царь указывает на Меншикова:

— Докладывай ему. Он — старший по званию...

Капитан рапортует:

— Из шведского плена, ваше превосходительство, бежали наши узники... Колодки разбили и охрану насмерть порешили...

Пётр:

— Да ну!.. И где же они томились? Далеко отсюда?..

Капитан поворачивает голову:

— В Старом Санжарове, государь... Ручные и ножные кандалы разбили и угваздали ими стражу напрочь...

— Вот это удалцы! Сорвиголовы прямо!.. Вот эдак-то и надобно с супостатами воевать — крушить их всем, что под руку попадёт!..

— А где они сами-то?.. — спрашивает Меншиков. — И что там за гвалт?..

— Да тут они, в лагере... Это шведы за ними гнались, но наши их мигом оттеснили... — Давай их сюда!

Капитан поворачивается, делает несколько шагов, а ряды солдат тут же раздвигаются, и два десятка бывших пленников появляются перед глазами государя. В истлевшей, изорванной одежде, в кровоподтёках и синяках, босиком...

— Откуда будете, служивые? — сочувственно спрашивает царь.

— Ингерманландский пехотный полк, Ваше Величество... — отвечает один из бывших узников.

— Какого ты звания? — любопытствует Меншиков.

— Подполковник Юрлов, ваше превосходительство...

Пётр поправляет:

— Полковник отныне... — царь обнимает смельчака и целует его. — Благодарю, братец, за службу! — поворачивается к остальным: — И вас, служивые, благодарю за верность Отечеству! Молодцы! Герои!..

Пленники хором:

— Служим России, государь!..

59

Середина июня. Левобережная Украина. Село Опошня. В просторной хате за столом сидят Мазепа, Ломиковский, Орлик, Войнаровский. Дружно курят люльки, в горнице стелется облако дыма, за окнами вечереет...

— А хто мэнэ скаже, дэ Чуйкевич? — спрашивает бывший гетман.

— Нэма Чуйкевича, — пряча глаза, роняет Ломиковский.

— Як? Москали вбили, чи шо?..

Орлик пожимает плечами:

— Бис его знае — вбили, чи ни... — небрежно сплёвывает. — Утик вин...

— Куды утик?.. — поворачивает к нему голову гетман. Вместо главного писаря отвечает главный обозничий Ломиковский:

— До Петра. И не один... З им уतिकли Максимович, Зеленский, Андрияш, Кожуховский, Лизогуб...

— Чекай! — обрывает его Мазепа. — Будя!.. — он оглядывает сообщников: — Може, и вы вси туды наострились? Щирой доли сэбэ шукать?.. — машет рукой. — Тикайте ужо...

— Нэ шуми, дядько Иван! — останавливает его племянник Войнаровский. — Воны якщо розумиють, що царь Петро их у Сибирь сошлёт... В кайданах та в хворобе там вси и сгинуть...

Сподвижники гетмана угрюмо молчат. Гетман зовёт:

— Гэй, хлопче!.. — входит слуга. Хозяин приказывает: — Швыдче горилки сюды нэси!.. — слуга выходит. Мазепа смотрит на своих помощников: — Здаётся мэнэ, що

вы дюже злякаетесь... Так?..

— Кого мы злякаемся?.. — глухо отвечает Орлик.

— Царя Петра... — слуга приносит выпивку. — Наливай! — хлопец разливает жидкость по чаркам. Гетман берёт свою: — За що будемо пить?..

Ломиковский бросает негромко:

— За победу короля Карлы...

— Добре!.. — соглашается Мазепа. — Карла — хлопец швыдкий... Хай бог ему по-може!..

Все молча пьют. Неожиданно открывается дверь, и в дом входит генерал Левенгаупт, произносит на ломаном русском:

— Карашо сидитэ... — переходит на немецкий, обращаясь к Мазепе, а Орлик переводит: — Господин гетман, как ваше здоровье?..

— Спасибо, пока не жалуясь...

— Судя по тому, как вы лихо опрокидываете рюмку, ваше самочувствие значительно окрепло... А вам известно, что царь Пётр вернулся из отлучки и возглавил русскую армию?..

— Известно...

— И что вы собираетесь предпринять?.. Ваши предложения?..

— Я сделал всё, что мог... Сговаривал польского короля, подбивал на помощь крымского хана...

— И что?..

— Видите сами... Мне добавить нечего...

— Мы с вами старые люди, гетман... Старые и опытные... И, казалось бы, многое должны понимать и предвидеть, не так ли? Меня ещё можно извинить: я — подданный Его Величества, и мой долг всюду следовать за ним, сражаясь за честь и славу Швеции... А вы?..

— Я?!..

— Именно так, гетман... Вы изменили своему государю и ныне пребываете в бездействии... Любопытно бы узнать — на что вы рассчитываете? На волю случая или божью помощь?.. Но Господь не жалуёт отступников...

Мазепа собирается с мыслями и отвечает туманно:

— Я полагаюсь на свободу моей родины — Украины... И только это движет мною...

Пожилый генерал, иронично улыбаясь, пристально оглядывает застывших в недоумении сподвижников изменника и со вздохом заключает:

— Я надеюсь, что скоро состоится генеральное сражение, которое всё решит... И наши судьбы тоже... — чуть склоняет голову, поворачивается и уходит.

Ломиковский осторожно спрашивает:

— Чого гэто вин?.. Що ему треба?..

Мазепа машет рукой, приказывая слуге:

— Хлопче! Наливай!..

60

Июнь месяц. Левобережная Украина. Окрестности Полтавы. Утро. Вся русская армия переправляется через Воркслу. На пригорке сгрудилась группа всадников: сам государь, Шереметев, Меншиков, Репнин, Боур, Брюс, Белинг. Пётр внимательно осматривает в подзорную трубу шведский лагерь перед стенами города.

— Когда подойдут калмыки, Борис Петрович? — спрашивает царь у Шереметева.

— Через день, не ранее, государь.

— Сколько их?..

— Двадцать тысяч.

Репнин предлагает:

— Мы бросим их на левый фланг, и шведам точно не поздоровится...

— Там сплошные болота — кони в них увязнут, — трезво замечает Меншиков, — нет резона туда идти...

— Тогда нужно готовить фашины, стелить их и пускать в дело пехоту... А кавалерия пойдёт справа... — Пётр смотрит на Меншикова: — Под твоим, князь, началом... Полтаву надобно выручать немедля!.. Люди там с голоду пухнут...

Пётр подзывает рукой начальника артиллерии Брюса. Рассудительный шотландец спокойно подъезжает к государю. Тот указывает на обширную равнину между лесом и холмами:

— Вот здесь, Яков Вилимыч, надобно поставить всю нашу артиллерию...

— Где, государь? В чистом поле?.. — удивляется невозмутимый Брюс.

Царь поясняет:

— Мы поступим так: соорудим с десяток редутов, а за ними наладим пушки. Все,

какие есть...

— Но Карл-то постарается их отбить!.. — замечает подъехавший Шереметев.

Пётр хитро улыбаётся:

— Именно так, — он требовательно смотрит на Брюса: — А ты, Яков, этого не допустишь, верно?.. Будешь палить по ним во всю ивановскую! Понял?..

Шотландец почёсывает за ухом:

— Как не понять... А когда мы редуты возведём?..

— Ночью, — спокойно отвечает царь и указывает на Меншикова: — Вон Данилыч по ночам мосты строит, и ничего — стоят!.. Где наша не пропадала?..

61

Июнь месяц, Левобережная Украина. Село Опошня. Вечер. В горнице у окна сидит бывший гетман, курит трубку, тревожно о чём-то размышляя. Он вспоминает былое: вот его, тридцатилетнего генерального писаря, вызывают к гетману правобережной Украины Петру Дорошенко. Мазепа является в гетманский «курень», и Дорошенко вручает ему тайную бумагу:

— Стримай швидче, Иван, у Константинополь и вытдай султану цю грамоту!..

— А що там?.. — наивно вопрошает писарь. Гетман недовольно морщится, но признаётся:

— Нэ хочу бильше ходыть пид москалями... Дюже обрыдло! Нехай будуть хочь турки...

Мазепа прячет грамоту в шапку и выходит. Потом он мчится с десятком казаков по дороге в Крым, но по пути его ловит кошевой атаман Иван Сирко.

— Що, Мазепа, далеко ли скачешь?.. — куражливо спрашивает Сирко. — Може, ты заблудився?.. Забув, дэ Москва?.. — генеральный писарь угрюмо молчит. Атаман опытным глазом окидывает пленника и ловко сдёргивает с его головы папаху. Достает из неё грамоту, разворачивает и читает. А прочтя, восклицает: — Э-ге-ге! — Сирко показывает бумагу своим казакам. — Гарну птицю мы з вами захопили! — смотрит на писаря: — Тэперь тэбэ, Мазепа, кинец и Дорошенке тэж! Хиба русский царь такэ стэрпит?! Цэ ж измена!.. — командует казакам: — Вяжите его, хлопцы! Зрадника поганого... — Мазепу связывают, а Сирко приговаривает: — Мы тэбэ вмисти з бомагой до царя Алексея пшлём! Хай вин знае, яку змеюку пригрел!..

Вспомнив всё это, старый гетман глубоко вздыхает. Закатные лучи солнца золотят далёкие облака, лёгкий ветерок шелестит листьями высокого явора вблизи хаты, откуда-то доносится призывное мычание коров, свист кнута и зычный голос пастуха:

— Цоб цобэ!..

Старый гетман пытается, в очередной раз, затянуться, только тщетно — огонь в люльке затух. Тогда он переворачивает её и несколькими ударами привычно выбивает пепел прямо на стол. Аккуратной горкой. С минуту смотрит на неё, потом негромко зовёт:

— Эй, хлопче!.. — тишина. Хозяин возвышает голос: — Хлопче! Дэ ты, поганец?!..

В ответ — ни звука. Тогда старый гетман осторожно встаёт из-за стола, на цыпочках пересекает горницу, выходит в сени. Нигде никого. Хозяин, крадучись, спускается с крыльца, потихоньку огибает угол дома...

Молодой слуга, вставив левую ногу в стремя, уже готов вскочить в седло, но гетман одним прыжком настигает его и ссаживает наземь:

— Ты куды, вражина?! Тикать собрався?! До кого?.. — парень молчит. — До шведов, чи до москалей? Мабудь, ты маешь думку, що тэбэ там будэ дюжэ гарно? Маешь, чи ни?.. Шведы тэбэ дадут дулю з маком, а москали на шибеницу вздёрнуть... — гетман показывает жестом.

Слуга глухо произносит:

— Я на Сичь стримаю...

— На Сичь?! — Мазепа на минуту умолкает, потом бросает с горечью: — Нэма Сичи... Царь Петро её с землёю зруйновал... Всих козаков порубал, ни якого в живых нэ оставил... Край!..

К дому гетмана подходят Орлик и Ломиковский. Останавливаются, слыша разговор хозяина и слуги. Хлопец опускает голову. Мазепа пытливо смотрит на него:

— Зи мною за вильну Украину воювати нэ хочешь?.. Хочешь, чи ни?.. Мовчишь! Тоди скачи к бису у пекло... Я тэбэ держать нэ стану... Кожному своя доля...

Парень вскакивает в седло, бьёт пяткой жеребца, и тот берёт с места вскачь. Единым махом одолев плетень, всадник проворно удаляется. Мазепа с тоскою смотрит ему вслед. Тут из-за угла появляются главный писарь и обозничий.

— На що ты отпустил его, пан гетман? — недоумевает Ломиковский.

— Бис з ним! Хиба дурня силой удержишь?..

— Ни такой вин дурень! — не соглашается Орлик. — Колы вин к москалям ускаче — воны его щиро наградят...

Мазепа вдруг ударяется в воспоминания:

— Про сэбэ кажу... Рокив пятьдесят тому я, як вин, тэж ускакав в Запорижскую Сичь... Похотив стать вильным козаком...

— Так став же!.. — восклицает Ломиковский. — И до гетмана пиднявся... Вся бать-кившина тэбэ уважае...

— А мэнэ що до цэго? Теперь у всех церквах Мазепе анафему кличуть... Ось я ворог всех християн!..

— Цэ царь Петро так велел, — возражает Орлик. — Хиба ты не розумиешь?..

— Та розумию, розумию... Тильки що мэнэ за дило до того?.. Карла не сдається, козаки зо шведами брататись нэ хотять... Чи нэ так?..

— Ты що хочеш казать? Що мы булы таки взлыкые дурни, колы з Карлой вязалысь?! А хто нам сулив грошей богато?!..

Мазепа хочет ответить, но издали доносится пушечный выстрел.

— Ось тэбэ! — вздрагивает Ломиковский. — Слушайте! Цэ шведы чи кацапы?

62

Июнь месяц. Левобережная Украина. Ночь. У костра сидят солдаты и казаки. Это часовые, охраняющие русский лагерь. Где-то в стороне слышны негромкие голоса, стук лопат и топоров — там по приказу государя спешно возводят редуты. А ещё дальше белеют палатки командного состава. И над всем этим царит бездонное украинское небо с мириадами звёзд и тонкой дужкой месяца. Стражи мирно беседуют...

— А почто мы шведам в спину-то не ударили?.. — спрашивает молодой солдат у капрала. Матёрый служака неспешно отвечает:

— А догадливы как-никак... — он выпускает из трубки облако дыма. — Там, дурья твоя голова, трясина кругом... Мы бы все утопли, и ты вместе с нами! Не за понюх табаку, едри твою в дышло!.. — все караульные смеются. — Царь-то наш ого-го! — капрал сплёвывает. — Он мигом смекнул, куды нас Карла заманить хочет... Да не тут-то было!..

Пожилой казак соглашается:

— Цэй Карла тэж сэбэ на уме... Ему палец у рот нэ клади! Вин его мигом скусит...

— Ничё! — вступает в разговор ещё один солдат. — Мы накладём ему и по шее, и пониже, и туды, на чём его панталоны держатся!..

Вокруг костра гремит хохот. Подходит дежурный офицер:

— Вы чего тут регочете, как жеребцы? Непорядок это... — хмурится. — Глядите, шведов за смехом не провороньте...

— Никак нет, вашество! — вытягивается в струнку капрал и командует: — Потеху прекратить! Нишкнуть и смотреть в оба!..

— Ну, то-то же! Значит, быть посему!.. — офицер отправляется к другому посту.

Пожилой казак провожает его взглядом и укоризненно замечает:

— Ну, и життя у вас, москалей! Як на плацу...

— А что тебе не по ндраву?.. — откликается капрал. — Служба, она служба и есть...

Везде порядок должен быть...

Молодой солдат любопытствует:

— А вы, хохлы, порядков, што ли, совсем не признаёте? Начальник вам нешто не указ?..

Казак отвечает с усмешкой:

— Начальникив у нас нэма... Тильки атаман, да ще — гетман...

— А кто их ставит? — спрашивает ещё один солдат. — Сам царь или как?..

— Мы сами их выбираемо. На общем сходе.

— И гетмана? — в голосе капрала звучит сомнение.

И гетмана тэж. Щоб завжди стоял за всех...

Молодой солдат ухмыляется:

— Вот и выбрали себе Мазепу!.. А он взял да к шведам сбёг!.. Кинул вас, неурядливых...

Пожилой казак пытается возразить, но недалеко слышится тревожный шум, стук копыт... Капрал вскакивает, хватаясь за ружьё:

— Стой! Кто идёт?!..

На свет костра из темноты выскакивают всадники в синих мундирах. Дозорные поднимают оружие, но первый из появившихся (это шведский король) стреляет в молодого солдата, сидящего с края... Тот падает, однако пожилой казак, выхватив пистолет, успевает выпалить в Карла. Король болезненно вскрикивает, но крепко держится в седле, и конь уносит его в темноту. Свита монарха беспорядочно палит в воздух, до-

зорные тоже оглашают ночь выстрелами...

В русском лагере поднимается шум и суета. К караульным бежит дежурный офицер:

— Что за свара, служивые?! В кого стреляли?..

— Шведский разъезд, вашество!.. — оправдывается капрал. — Налетели, как саранча!..

Молодой солдат стонет. Остальные бросаются к нему:

— Митюха, ты жив?! Жив аль нет?! Вот сволочь!..

Офицер подходит к раненому. Из темноты появляются Меншиков и государь, следом возникает царская свита. Пётр:

— Что тут у вас? По какому случаю канонада?..

Дежурный офицер рапортует:

— Шведы, Ваше Величество, извоили вылазку сделать...

— Отбили вы их? — спрашивает царь.

— Так точно! Беглым огнём...

— А это как? — Меншиков указывает на раненого солдата. Офицер неловко оправдывается:

— Ему, ваше превосходительство, не повезло. Зацепило малость...

Государь наклоняется над солдатом:

— Лекаря сюда! — трогает беднягу за плечо. — Ну, потерпи, соколик! Крепись... — замечает кровь на своей ладони.

— Цэ ихний король прискочив, — неожиданно заявляет казак, — я ему ногу прострелив...

Пётр выпрямляется:

— Ты ранил самого Карла? Да неужто?!..

— Эгэ... — просто отвечает казак. — Тильки жаль мэнэ, що нэ убив... Нэ повезло трохи!..

63

Бывший малороссийский гетман лежит у себя в шатре, вновь изображая болящего. На голове компресс, глаза закрыты, но Мазепа не спит, его одолевают былые воспоминания: вот его, молодого, но генерального писаря, приводят в просторный зал Посольского приказа России...

Прямо напротив высокой двери — огромный стол, за которым сидит глава приказа — Артамон Сергеевич Матвеев. Мазепа ожидал увидеть пожилого боярина с окладистой бородой до самого живота, а за столом расположился немолодой, но франтоватый мужчина с небольшими усами и аккуратной бородкой, облачённый в кафтан, похожий на польский жупан. Переступив порог, пленник низко кланяется.

— Это он? — спрашивает Матвеев у приставов.

— Он самый, батюшка-боярин, — отвечают приставы, кланяясь. — К салтану тайную грамоту вёз...

— Давайте её сюда, — распоряжается глава приказа. Слуга подошёл и взял бумагу. Матвеев не спеша развернул её и стал внимательно читать, изредка поглядывая на Мазепу. Тот собрал в кулак всю волю, изворотливость и прозорливость, чётко понимая, что в этот мимолётный миг решается его судьба. Падать на колени, молить о пощаде и снисхождении было бы явно опрометчиво и глупо. И не менее глупо проявить упрямство и героизм.

— Ну, что скажешь?.. — положив грамоту на стол, спросил Матвеев.

— А что сказать? — осторожно отвечает пленник. — О, tempora! О, mores!

Глаза у боярина сверкнули:

— Ты знаешь латынь?..

— Читаю и пишу, — скромно ответил Мазепа. Глава приказа махнул рукой на приставов:

— Ступайте!.. — они оба поклонились и вышли. Матвеев показал Мазепе на табурет вблизи стола: — Пройди и сядь...

Пленник, стараясь не стучать сапогами, проворно приблизился и опустился на указанное место. Матвеев спрятал в усах улыбку...

В шатёр вбегает Орлик. Увидев лежащего с закрытыми глазами гетмана, он застывает на пороге, но Мазепа из-под прикрытых век косится на него и сипит:

— Що там?..

— Москали шведов бьють!.. — выпаливает Орлик. Гетман отбрасывает компресс, рывком садясь на постели:

— Як?!..

— Як ту погану козу... — криво усмехается писарь.

Мазепа цепенеет:

— А нэ брешеш? Як жэж так?!..

— Ось тобі крест! — Орлик размашисто крестится. Гетман вскакивает на ноги:

— Дэ сердюки?..

— Тута воны. Твоей мовы ждуть...

Мазепа лихорадочно надевает кафтан и папаху:

— Тикать швыдче треба!..

Он решительно устремляется к выходу, но полог шатра откидывается, и появляется Войнаровский:

— Ты куды, дядько Иван?.. — едва не столкнувшись носом к носу с гетманом, восклицает племянник.

— Тикать треба... — сквозь зубы бросает Мазепа.

— Чому? — недоумевает Войнаровский. — Шведы москалей погналы...

Гетман столбом застывает на месте, с недоумением и гневом переводя взгляд с одного на другого:

— Вы що, байстрюки, смеетесь нади мной?! Хиба я вам маленький хлопец?!

— Ни, дядько Иван, — божится племянник, — зранку шведы захопили гарматы у москалив, потим москали порубалы шведив, а зараз шведы гонять бисовых кацапов...

Мазепа в недоумении и растерянности стоит на пороге и неожиданно спрашивает:

— А дэ Ломиковский?

— Его нэма... — отводит взгляд писарь.

— Нэма? Як нэма?!..

— Никто его нэ бачил. Мабудь, вин утик...

Мазепа тяжело опускается на табурет...

А в это время царь Пётр в расположении своих главных войск наблюдает за отходом кавалерии Меншикова:

— Молодец Данилыч! — Пётр разворачивает коня и рысью устремляется к передовым шеренгам русских полков. Поднимает руку:

— Воинство российское!.. Пришёл час, когда в ваших руках судьба Отечества! Пасть ему или возродиться сильнее, чем прежде... Не за Петра вы нынче воюете, а за государство, ему вручённое, за род свой, за весь народ российский!.. А обо мне знайте, — царь бьёт себя в грудь, — мне жизнь моя недорога — только бы жила Россия, её честь, слава и благоденствие!..

На последних словах за спиной государя гремят пушечные раскаты: это заговорили орудия шести главных батарей. Ядрами и картечью они встретили шведскую конницу и пехоту, преследовавшую кавалерию светлейшего. Стратегический замысел Петра удался блестяще...

— Вот теперь мы дадим им жару! — царь выхватывает саблю. — Вперёд, ребята! — он бросает коня вскачь.

Конница и пехота устремляются навстречу шведам. Началось генеральное полтавское сражение...

Карл, раненный в ногу накануне и следивший за сражением, полулежа в кресле-носилках, ошеломлён и растерян.

— Генерал!.. — кричит он. — Что это такое?!..

Рейншильд, наклонившись в седле, старается перекричать вой и грохот битвы:

— Русские перекричали нас! Это ловушка!..

— Где Шлиппенбах?! Что с Левенгауптом?!..

Реншильд не отвечает. Он не знает, что Шлиппенбах угодил в плен, а Левенгаупт с превеликим трудом отбивается от русских пехотинцев...

Русский царь несётся вскачь в ряду драгун, и вдруг в офицерскую бляху на его груди ударяет пуля... Пётр чудом удерживается в седле, подняв коня на дыбы. Драгуны проворно обходят своего государя...

— Всё ладом, Пётр Алексеич?.. — обеспокоено спрашивает подскочивший к нему Голицын.

Царь показывает ему повреждённую металлическую пластину. Голицын укоризненно присвистывает, и в это время с Петра слетает чёрная треуголка. Оказавшийся поблизости драгун закрывает царя своим телом:

— Ваше Величество, они в вас целят!.. Надо поспешать!..

Голицын спрыгивает на землю и поднимает царский головной убор.

— Вперёд, Михайло!.. — восклицает Пётр, на ходу принимая шляпу. — Спасибо, братец!.. — хлопает он по плечу драгуна и летит дальше. Ещё одна пуля вгрызается ему в седло. Голицын скачет следом...

На треть поредевшая шведская пехота прорывается сквозь огонь русских батарей, и здесь её встречают наши пехотинцы и конники. Левенгаупт замечает новгородцев, переодетых в мундиры семёновского полка.

— Туда, гвардейцы! — командует генерал. — Бейте этих новобранцев!..
 Шведы бросаются в штыковую атаку на новгородский полк...
 К Шереметеву и Репнину, стоящим в резерве, подлетает Меншиков, уведший свою конницу из-под удара по приказу царя.
 — Где государь? — на скаку спрашивает он. Шереметев показывает движением руки:
 — Поспешил навстречу Карлу...
 — Эх, мать честная! — сокрушается Данилыч. — Мне бы хоть один батальон драгун — и Карлу конец бы пришёл!..
 — Не тужи, светлейший, — усмехается Репнин. — От шведов сейчас пух и перья летят!..
 Тут на рысях к ним приближается Ренн с десятком драгун, держащих в кольце пленённого шведского генерала.
 — Ого-го! — восклицает Меншиков. — Важная птица к нам в силки попала!..
 — Это Шлиппенбах, — сообщает Ренн. Шлиппенбах что-то спрашивает у Ренна (разговор идёт по-немецки). Ренн переводит нашим генералам: — Ему хотелось бы увидеть государя...
 — Ишь, чего захотел! Не много ли чести для побитого супостата?.. Может, его орденом наградить?.. — Меншиков подъезжает и забирает у Шлиппенбаха шпагу. — Так оно, генерал, будет вернее...

64

27 июня. Шатёр Мазепы. Бывший гетман, его племянник Войнаровский и генеральный писарь Орлик сидят в тревожном ожидании конца битвы. За стенами шатра слышны залпы пушек, ржанье лошадей, звон железа...

— Слухай, Пилип, — обращается Мазепа к Орлику. — Ось побачь, що там шведы з москалями робять?.. — писарь нехотя поднимается и выходит. Гетман переводят взгляд на Войнаровского: — Вот так дило, хлопче!.. Я царя Петро, — он показывает на аршин от земли, — поперву таким дитыной бачил. Ось так...

Племянник удивляется:

— Да ты шо?! А як?..

И старый гетман рассказывает: Москва. Кремль. 1674 год. Из Посольского приказа выходят боярин Артамон Матвеев и тридцатилетний Мазепа. По кремлёвскому двору едет пышная карета, в которой сидит царь Алексей с молодой женой Натальей Нарышкиной. На коленях самодержца сидит двухлетний мальчик в дорогом кафтанчике и бархатной шапочке...

Матвеев и Мазепа низко кланяются. Царь останавливает экипаж и манит рукою боярина. Матвеев подходит. Алексей отдаёт ребёнка жене и о чём-то расспрашивает главу Посольского приказа. Мазепа пристально наблюдает за происходящим.

Матвеев подробно обо всём докладывает царю. Алексей, поверх его плеча, несколько раз бросает на писаря внимательный взгляд. Мазепа стоит с видом спокойным и смиренным. Царь забирает у жены непоседливого мальчонку и приказывает трогаться. Карета тихо отъезжает. Матвеев жестом подзывает писаря. Мазепа не ставляет себя ждать.

— Это государь Алексей Михалыч, — говорит ему глава Посольского приказа, — с младшим сынишкой Петром Алексеичем...

За стенами шатра разрастается тревожный шум, и внутрь вбегают Орлик и Быевский.

— Пан гетман! — выкрикивает писарь. — Тикать треба! Зо всех ног!..

— Шведы вжэ побиглы!.. Дюже швыдко!.. — подхватывает Быевский.

Мазепа вскакивает на ноги, хватает саблю и пистоль, на ходу приказывая Орлику:

— Пилип! Скарбницу тильки нэ оставь... Прокляну!..

Писарь крестится:

— Як можно?! Хиба я сэбэ лютый ворог?..

Все дружно высыпают наружу. С заседанными конями возле шатра толпятся сердюки. Мазепу спешно усаживают в седло...

Русские воевую громят шведов. Пётр в гуще новгородского полка расправляется с шведскими гвардейцами.

— Круши их, ребята! Не давай спуску! Смелей!..

Шведы бегут. Левенгаупт пытается остановить бегущих, но тщетно.

К королю подскакивает Шпарре, и следом за ним — походная карета.

— Ваше Величество! — умоляет он. — Прошу Вас садиться! Пора...

— Идите к чёрту!.. — рывкает Карл.

Генерал даёт знак телохранителям:

— В карету! Время не ждёт...

Монарха силком усаживают внутрь. Карета уносится прочь, а в королевские носилки ударяет ядро, разнося их в щепки...

65

27 июня. Три часа пополудни. Поле битвы под Полтавой сплошь усеяно мёртвыми телами. Шведские пехотинцы, рейтары и драбанты нашли здесь своё последнее прибежище...

К просторной палатке русского царя ведут толпу пленённых вражеских генералов: Шлиппенбаха, Штакельберга, Рейншильда, Мейделя, Гамильтона, премьер-министра Пипера с секретарями... Вид у них понурый и помятый...

Из палатки выходит Пётр:

— Ба!.. Кого я вижу? — он широко раскидывает руки. — Дорогие гости! Мы вам рады! Прошу всех пожаловать к столу! — переходит на немецкий: — Я не вижу среди вас моего брата Карла? Что с ним? Он убит? Ранен?.. — царь говорит своему денщику: — Александр, распорядись вернуть генералам шпаги, — и широким жестом приглашает шведов войти: — Прошу, господа!.. — в палатке званых гостей ждёт роскошное угощение: жареные поросята, дичь, сыры, фрукты, вина теснятся на столах. — Ваш король обещал накормить вас в моём шатре, а сам на обед не пожаловал...

Кикин приносит шпаги и возвращает их владельцам. Шведы разбирают каждый свою. К палатке подходят Меншиков, Репнин, Голицын, Боур, Брюс, Алларт, Вейде...

— А где Ренн? — спрашивает царь у Меншикова.

— Он ранен.

— Тяжело?..

— Не слишком...

— Прошу господ генералов разделить со мной мою скудную трапезу...

Шведы, не скрывая изумления и приязни, охотно усаживаются за столы. Напротив располагаются российские генералы во главе с Петром. Улыбаясь, он говорит:

— Теперь, господа, нас разделяют не пушки и крепостные стены, а тела поверженных поросят, гусей и уток...

Шлиппенбах парирует:

— О, нет, Ваше Величество! Они нас скорее объединяют!..

Пётр поднимает бокал:

— Тогда первый тост... За вас, господа генералы! За наших главных учителей в ратной науке!.. И моего брата Карла!..

Премьер-министр Пипер замечает:

— Простите, Ваше Величество, но не очень любезно обошлись с вашими учителями!..

— На то она война!.. Чего же вы хотите? За её желанный конец!.. Будем здоровы!..

За стенами палатки гремит победный салют...

А старый гетман, в окружении своих сердюков, мчится на юг, к Днепру. Он собран, сосредоточен и летит во весь опор. В хвосте оравы беглецов, подпрыгивая, катят три подводы с гетманской сокровищницей...

Э п и л о г

Гетманская столица — Батурин. 1687 год. На майдане толпятся сотни людей, в основном казаков. Здесь собрались реестровые, так называемые «значные» и лихие посланцы из Запорожской Сечи. Казацкая старшина в необъятных шароварах, в дорогих жупанах и высоких папахах со шлыком, опустившимся на спины, картинно стоит чуть в стороне. Генеральный судья Василий Кочубей подносит Мазепе гетманскую булаву:

— Ласкаво просимо тэбэ, пане Мазепа!..

Мазепа отнекивается:

— Нэ можу, панове добродийство... Ни як...

Кочубей вновь подаёт ему булаву:

— Вдруге просимо пана Мазепу бути гетманом...

Мазепа не соглашается:

— Я нэ можу знести такого важкого уряду... Нэ сподобився...

Кочубей в последний раз предлагает булаву:

— У третий раз просимо пана Мазепу стати нашим ясновельможным гетманом...

Тот, наконец, соглашается, принимает знак высшего достоинства, и площадь оглашается кликами: «Любо! Любо!» Мазепу ставят на стол, все снимают папахи, из церкви выносят хоругви и бунчуки. Раздаются крики: «Смиття! Смиття!» Из казацкой толпы

выходят самые старые и заслуженные воины с пригоршнями сырой земли (смиття)...

Подходят к столу, на котором возвышается новоявленный гетман, и тот низко склоняет голову. Ветераны разжимают ладони, и на темя Мазепы опускаются комья сырой, вязкой почвы, стекая ему на лоб и лицо. Он терпеливо сносит унижительный обряд перед грядущим возвышением...

Май месяц 1710 гола. Левобережная Украина.

Вокруг слепого бандуриста собрались досужие слушатели: мужики, бабы, старухи и детвора. Под негромкие, вкрадчивые переборы задушевного инструмента старик выводит:

*Отак закінчилось життя
Бидного гетмана Івана Мазепи,
Котрий був багатим дюже,
А потім став, як змिया, гил...
І поховали його у турецької землі,
На брезе Дунаєви, щоб люг православний
Могили його нэ знайшов,
Нэ клял его і нэ хвалив...*

Мелодично звучат последние аккорды. Сердобольные слушатели: старики, старухи и молодницы старательно утирают слёзы, а суровые казаки хмурятся и покусывают отвислые усы...

С окончанием «думы» хлопчик-поводырь обходит зевак с холщовой сумой, и туда бросают подаяния: паляницы, репчатый лук, чеснок, сало... Затем народ медленно расходится, кое-кто повторяя вслух:

— Отак, куме, воно на свити буває! Був паном, а став хамом...

А сосед в ответ:

— Нэ трэба було зо шведами вязатись... Вин нэ думав, якщо усё раптом гепнеться! Який доли вин сэбэ шукав?.. И чого знайшов?..

Оставшись наедине, старик бандурист и хлопчик собираются в дорогу. Старик перекидывает за спину инструмент, берёт в руки посох... Мальчик, возможно в первый раз задумавшись о бедном герое старикинской баллады, спрашивает:

— Диду, а хто був Мазепа? Лях чи вкраїнець?..

Старик долго молчит, потом отвечает уклончиво:

— Вин був православний.

Мальчик, не удовлетворившись ответом, любопытствует:

— А за кого вин воював? За москалив, але за шведив?..

Старый бандурист произносит почти без колебаний:

— Воював вин тильки за сэбэ...

P.S. Автор, уважая и ценя историческую правду, работал над материалом, опираясь на труды А. Пушкина (название позаимствовано у него), Н. Карамзина, С. Соловьёва, В. Ключевского, Н. Костомарова, Е. Тарле, Н. Павленко, а также на сочинения зарубежных историков — А. Олеария, Ж. Маржерета, Д. Невилля, К. Валишевского и др. Все события и поступки героев вполне соответствуют действительным фактам, а образ И. Мазепы, сколь возможно, максимально приближен к оригиналу. Он таков, каков (думается мне) был на самом деле. Автор не пытался очернить его либо приукрасить, а искренне старался понять. Разумеется, в контексте той эпохи и сообразно тогдашним представлениям о добре и зле, о чести и бесчестии...